

К 100-летию трагических событий в России

Ф.В. Кондратьев

«Правозащитное» злоупотребление психиатрией

(клинико-политическое представление истории российской психиатрии)

Москва

2017

Об авторе. Кондратьев Ф.В. – крупный советско-российский психиатр, известный публицист, д.м.н., профессор, член Российского общества психиатров, член Церковно-общественного совета по биомедицинской этике при Московской Патриархии, судебный психиатр высшей квалификационной категории. Более 50 лет он проработал в Центре судебной психиатрии им. В.П. Сербского, из них почти 30 лет руководил экспертным отделением, 12 лет был председателем Центральной комиссии МЗ СССР по прекращению принудительного лечения в специальных психиатрических больницах МВД СССР. Заслуженный врач Российской Федерации, Попечитель благотворительного фонда медико-социальной и духовной помощи гражданам старшего поколения России "Геронтологическая защита", награжден орденами РПЦ и медалями РФ. Ветеран труда.

Содержание:

Предисловие доктора медицинских наук, профессора, судебно-психиатрического эксперта высшей квалификационной категории, члена РОП Ю.Д. Криворучко –	
– 4	
Засилье «правозащитных» инсинуаций и подходы к истории отечественной психиатрии –	10
Перед началом –	20
Что же случилось с психиатрией после большевицкого переворота? –	23
Началось: –	23
«Мягкая шизофрения». Первый этап первого периода истории советской психиатрии –	29
Второй этап первого периода истории советской психиатрии: политическое давление на судебную психиатрию, злоупотребление психиатрией –	36
Большевицкой покров на советской науке –	43
Советская психиатрия второго (пост сталинского) периода её истории –	48
Картинка из личной жизни: мое вхождение в судебную психиатрию –	50
Образование и наука в пост сталинский период истории советской психиатрии. Кадры. –	53
Материально-техническое обеспечение советской психиатрии и условия содержания пациентов в психиатрических больницах –	59
Лечение в специальных психиатрических больницах –	62

- Другие аспекты советской психиатрии второго этапа её истории – социальная реабилитация – 64
- Внеплановая консультативная работа – 66
- Макросоциальная ситуация в пост сталинский период истории России – 68
- Картинка из личной жизни: священник-диссидент Дмитрий Сергеевич Дудко – 71
- Начало новых связей политики с психиатрией – 73
- Судебная психиатрия в сопряженности с политикой Системы. Как возникло «правозащитное» злоупотребление психиатрией – 77
- Экспертизы по «диссидентским» (70 и 190¹) статьям УК РСФСР. Реальности «карательной» психиатрии – 78
- Проблемы шизофрении – корм «правозащитных» хулителей советской психиатрии – 90
- Что же показали миру «правозащитники» - хулители советской психиатрии? – 97
- По персоналиям: А.П. Подрабинек – фактов нет, но шума много – 100
- А.С. Прокопенко – факты есть, но их интерпретация предвзято искажена – 113
- Образцовый перепевальщик Robert van Voren и иже с ним – 118
- А.И. Коротенко и Н. Аликина – исполнители заказного проекта «Диссиденты» – 121
- «Независимая» психиатрическая ассоциация как организация «правозащитников» - хулителей отечественной психиатрии – 130
- Григоренко – ось «правозащитно» - хулительской карусели – 131
- Печальные итоги «правозащитного» хуления советской психиатрии – 137
- «Правозащитники» - хулители психиатрии в постсоветский период – 143
- Постсоветские «правозащитники» хулят психиатрию за подавление свободы совести (Ложь об использовании психиатрии против религиозных меньшинств) – 143
- Институт им. Сербского как «Инструмент репрессивной психиатрии» и два слова про «давление» по делу полковника Ю. Буданова – 154
- Последняя картинка из личной жизни: и психиатру для понимания Смысла политического течения истории надо быть современником не только своего времени – 163
- Итоги, что есть Зло? И, по нашей традиции, «Кто виноват? и что делать?» «Правозащитное» зло можно победить только правдой! – 168
- Послесловие – 175
- P.S. – 176.

Предисловие профессора Криворучко Ю. Д.

Книга Ф.В. Кондратьева посвящена защите чести и достоинства отечественной психиатрии.

Свидетелей и участников тех событий в истории советской психиатрии, о которых пишет профессор Ф.В. Кондратьев, осталось очень мало и скоро не будет совсем. Как член Центральных комиссий Минздрава СССР по прекращению принудительного лечения в специальных психиатрических больницах МВД, я на протяжении ряда лет работал в составе комиссии по решению вопросов о прекращении принудительного лечения, и многих вылеченных в этих больницах больных, в том числе и диссидентов, выписывал. Я в курсе сути обсуждаемых в книге событий, и в целом, как непосредственный их соучастник, имею по ним сложившееся представление.

В своей книге «Правозащитное» злоупотребление психиатрией (клинико-политическое представление истории российской психиатрии)» Ф.В. Кондратьев, защищая честь и достоинство отечественно психиатрии, соответственно защищает имидж Отечества (Российской Империи, Советской России, Российской Федерации) от необоснованных обвинений и унижительных инсинуаций о якобы «традиционной» для отечественной психиатрии карательной сущности. При этом акцент сделан автором на советском периоде истории психиатрии. Это наиболее многогранный для оценок период, когда сосуществовали и явные достижения, и столь же явные негативные явления.

Во всех бедах советского периода истории отечественной психиатрии (низкий уровень образования, нравственная ущербность экспертов, плохое материально-техническое обеспечение) автор винит большевицкую тоталитарную Систему, накрывшую на 70 лет своим покровом наше Отечество, в том числе, конечно, и медицину. Вместе с тем, автор показывает, что советская психиатрия начала свой путь с создания внебольничной (диспансерной) службы, оказавшейся первой и самой лучшей в мире, и закончила эффективной системой социальной реабилитации и реадaptации психически больных. А что касается теоретического ущерба от «единственно научной» марксистско-ленинской идеологии, сессий ВАСХНИЛ и «павловских мероприятий» 1951-1952 годов, то такие выдающиеся

ученые, как И.В. Давыдовский и В.А. Гиляровский, создавали предпосылки и для прочного теоретического фундамента и для обоснования запрета переноса в нашу страну порочной западной практики, в частности, лоботомии.

Однако всё же, с сожалением отмечает автор, изоляция от мировых достижений в сфере понимания сущности человека и причин его социального поведения привели к тому, что нравственные особенности духовной сферы (диссидентство) предписывалось «лечить» через фармакологические воздействия на психологическую (душевную) сферу. По существу это было злоупотребление психиатрией, которое стало возможным вследствие тоталитаризма в науке, отрезавшей советскую психиатрию от необходимых знаний. Поэтому нужно понимать и помнить, что в этом была беда, а не вина советской психиатрии.

Положение о том, что советская психиатрия не только не была пособницей тоталитарной системы, а сама была её жертвой, – проходит через все содержание книги, это её стержень, и собственно в этом её историческое значение.

Автор хорошо изучил (достаточно и широко цитирует) труды хулителей отечественной психиатрии, показывая при этом, что их измышления были лишь инструментом западных сил в политической дискредитации Советского Союза.

В своей работе автор предоставил конкретные фактические данные по всему контингенту диссидентов, прошедших через судебно-психиатрические экспертные комиссии Института им. В.П. Сербского. Он аргументированно показал, что не было факта массового заведомо ложного диагностирования диссидентам психических заболеваний и признания их невменяемыми при проведении судебно-психиатрических экспертиз (и, вообще, никогда не было «массового» поступления на экспертизу). Также он опровергает дискредитирующие российскую психиатрию утверждения, будто советские психиатры исполняли какие-то инструкции и указания КГБ по конкретным экспертизам, поскольку таких инструкций просто не было. На основании фактических данных автором было показано, что не было практики помещения в специальные психиатрические больницы психически здоровых политически инакомыслящих граждан по указанию каких-либо ведомств существующей Системы.

Достаточно глубоко автор проанализировал проблему «мягкой шизофрении», показав её успешные разработки в 30-ые годы и табу с репрессиями, наложенное Системой на эти разработки. При этом он убедительно опровергает клеветнические утверждения многочисленных «правозащитных» хулителей советской психиатрии, будто концепция вялотекущей шизофрении была создана советскими психиатрами по специальному заказу большевицкой Системы для облегчения признания невменяемыми психически здоровых диссидентов.

Автор утверждает, что все эти обвинения в адрес советской психиатрии – миф, специально созданный в пропагандистских целях в годы холодной войны. Этот миф закрепился в сознании людей и, конечно, отрицательно сказывается на имидже и нашей профессии и нашей истории в целом. Также убедительно автор опровергает «правозащитно»-хулительные утверждения о постсоветском восстановлении карательной психиатрии и преследовании религиозных меньшинств. По его мнению – это такая же целенаправленная ложь, поскольку не было ни одной судебно-психиатрической экспертизы по этому поводу и, соответственно, какого-либо «карательного» принудительного лечения.

Как известно, активных «профессиональных» диссидентов в Советском Союзе действовало одновременно всего несколько десятков человек, но для придания себе значимости они говорили о «десятках тысяч»! Так, стоило действительно психически больному человеку, находящемуся на лечении в психиатрической больнице, сказать, что он в чем-то не доволен советской властью, как его тут же включали в «список жертв тоталитарной Системы», называли «узником совести», которого «карают в психиатрических застенках», а он-то сам и не знал, что является «жертвой Системы» и его «карают!».

Анализируя сложную, со многими реальными проблемами историю психиатрии советского периода, автор однозначно несомненным и основным Злом в этой ситуации называет злоумышленную целенаправленную дискредитацию советской (русской) психиатрии и через нее дискредитацию Советского Союза (Российской Империи, Российской Федерации) – всего нашего Отечества.

В книге убедительно показано, что в годы холодной войны психологически понятный антагонизм к советской Системе некоторых свободолюбивых

диссидентов был искусно использован нашими противниками для дискредитации советской психиатрии в целом и через это всего Советского Союза. Для этой дискредитации русофобствующие диссиденты использовали правозащитные, в том числе международные, организации, которым жаловались на «психиатрический террор», будто Система их терроризует путем злоупотребления психиатрией. Такие жалобы стали носить постоянный и изощрённый характер, что явилось несомненным Злом. Это побудило автора написать соответствующее разоблачение и дало основание назвать свой труд «Правозащитное» злоупотребление психиатрией».

По существу, проф. Кондратьев рассматривает историю отечественной психиатрии в крепкой связке с той макросоциальной ситуацией, которая была в стране в последние 100 лет (он и написал свою книгу «К 100-летию трагических событий в России»). Он отдельно анализирует политически разные периоды жизни страны в советский период в сопряженности с проблемами психиатрии. А для объяснения взаимосвязи различных социально значимых событий построил своеобразную цепочку: политически преследуемое диссидентство появилось как реакция на тоталитарную Систему с её статьями 70 и 190¹ УК РСФСР, запрещающими критику и осуждение порядков в стране – не было бы запрета на свободу слова, не было бы и «криминального» диссидентства. Основные активисты диссидентского движения – родственники тех, кто погиб от тоталитарной Системы по различным пунктам статьи 58 УК РСФСР. Не было бы репрессий - не было бы и мстителей за эти репрессии. Принудительное лечение в специальных больницах МВД диссидентов с психическими расстройствами – законодательная установка тоталитарной Системы. Не было бы репрессивно-тоталитарной системы – не было бы таких установок. Теоретическое «обоснование» признания диссидентов психически больными и применения к ним принудительного лечения – результат умозрения руководства тоталитарной Системы. Сам тоталитаризм – плод революционного переворота октября семнадцатого года и неизменный атрибут существования большевицкой Системы.

Однако автор допускает, если бы не этот переворот октября семнадцатого года, то в Отечестве не осталось бы русского духа – он был бы поглощён либеральным космополитизмом с приматом гедонизма и нивелированием

моральных ценностей – таков был социально-нравственный тренд после февраля того же года. Отнюдь не оправдывая репрессии Системы, особенно сталинизма, автор полагает, что всё же те события можно понять и как своего рода болезненную, но спасительную операцию, во многом предотвратившую нашу духовную гибель. Новые попытки опорочить российскую психиатрию, якобы опять «впутывающуюся в либеральные ценности», теперь представляются просто смехотворными, они лишь свидетельствуют, что русофобство до конца ещё не изжито.

Пусть читатель сам оценит эту причинно-следственную цепочку, но так или иначе, она впервые соединяет дореволюционный период нашей истории с настоящим, и полностью соответствует второму названию книги: клинико-политическое представление истории российской психиатрии.

Нельзя не отметить, что книга носит автобиографический характер. Это не плохо, поскольку вставки автора (картинки из личной жизни) являются уместными и интересными иллюстрациями к основному тексту изложения.

Главный смысл и назначение своей книги проф. Ф.В. Кондратьев подытожил в последней главе «Кто виноват, и что делать? «Правозащитное» зло можно победить только правдой!». Огромное скопление в Интернете и других средствах информации инсинуаций в отношении нашей психиатрии можно преодолеть только активным распространением правды и закрытием в Интернете хотя бы самых ложных и нравственно неприемлемых публикаций вроде «Черного списка» карателей-психиатров, чьи «преступления не забудутся никогда, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно». В этом списке, составленном «правозащитником» А. Подрабинком, много психиатров, которых автор книги непосредственно знал как принципиально честных, высококвалифицированных специалистов. Я также лично знал этих психиатров и полностью присоединяюсь к мнению проф. Ф.В. Кондратьева.

Трудно отнести эту книгу к какому-либо стандартному жанру, здесь и изложение фактов с их научным анализом, и более широкая аналитика, и публицистика, и дискуссия с читателями и потенциальными оппонентами. Но всё это, можно обозначить, как это сделал сам автор, словом «представление». Он

представил читателям исторически важный фактический материал, дал с профессиональных позиций его глубокий анализ, как публицист показал его общественное значение, обсудил с его с читателем, представил аргументы несостоятельности оппонентов.

В целом это содержательная и полезная книга, в которой интересующиеся политическими аспектами российской психиатрии и историей их сопряженности с диссидентством и правозащитным движением найдут для себя много нового и интересного.

Она читается легко и вполне доступна для читателя - непрофессионала в области психиатрии. Книга написана эмоционально и имеет Post scriptum совершенно неожиданного содержания.

Доктор медицинских наук, профессор, судебно-психиатрический эксперт высшей квалификационной категории, член РОП.

Руководитель группы дополнительного профессионального образования ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» МЗ РФ.

Криворучко Ю. Д.

Засилье «правозащитных» инсинуаций и подходы к истории отечественной психиатрии

«Слова "советские психиатры 70-х годов" будут вызывать у наших потомков чувство брезгливости и презрения. Предав гуманные принципы медицины, советская психиатрия дискредитировала себя в глазах потомков и свободомыслящих современников».

А. Подрабинек, "Карательная медицина".

Как получилось, что в сети Интернет история российской психиатрии освещается исключительно с позиций крайне сомнительных «независимых» организаций и оппозиционных «правозащитников»? В Интернете даже опубликован «Черный список» карателей-психиатров, чьи «преступления не забудутся никогда, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно». А в этом списке достаточно светлых личностей от врача-эксперта, воцерковленной христианки В.П. Мартыненко до чл.-корр. АМН В.М. Морозова, «классика современной психиатрии», беспартийного и узника фашистского лагеря Штукенброк. Как получилось, что «правозащитное» злоупотребление психиатрией еще не получило должного отпора, а в Интернет-энциклопедии «Википедия» Институт им. В.П. Сербского до сих пор называют «инструментом репрессивной психиатрии»?

Усилиями наших и зарубежных «правозащитников», питаемых из русофобских источников, такое отношение к отечественной психиатрии достаточно глубоко внедрено в восприятие современников и действительно может вызывать у наших потомков чувство брезгливости и презрения к российским врачам-психиатрам, если не удастся показать его заведомо ложное, политически заказное формирование.

Вместе с тем, истинное знание прошлого взывает к долгу терпимости. При всём понимании зарубежной инспирированности и ангажированности политического «правозащитного» движения в Советском союзе и современной России всё же нужно знать, что основные активисты протестного движения имеют родственные связи с жертвами той репрессивной Системы, которая установилась в

нашем Отечестве после октябрьского переворота 1917 года. Можно понять и иметь сочувствие к «подрабинекам», «гушанским», «глузманам», чьи отцы и деды погибли от этой Системы, но зачем же при её жестком, бескомпромиссном осуждении пачкать отечественную психиатрию, которая также была жертвой этой Системы? Хотелось бы считать, что такая враждебность идет не только от понятного эмоционально-негативного заряда, но и от незнания многих фактов и положений пережитой реальности нашей психиатрии. В надежде, что такие факты приведут к взаимопониманию, я и сел за ноутбук.

Мне хотелось бы верить, что исходным мотивом написания таких книг как "Безумная психиатрия", "Карательная медицина", "Советская психиатрия: заблуждения и умысел" был поиск способа выявить и утвердить правду о преступно-репрессивном характере политической Системы, существовавшей в Советском Союзе, и показать злоупотребления психиатрией этой Системой. Такой мотив естественен, особенно для родственников жертв этой Системы. Но разоблачители не должны уподобляться объектам своих разоблачений: обвинения не должны быть голословными, предвзятыми, искажающими факты. К сожалению, я не нашел такого исследования советского периода отечественной психиатрии, который был бы «политически уравновешенным». Забегу чуть вперед, родоначальник мифа о карательной психиатрии А.П. Подрабинек после моей публикации «Савенко – хулигатель отечественной психиатрии» (портал РОП) на своём портале «Грани» назвал меня «одним из самых яростных проводников карательной психиатрии», он пишет «Ф.В. Кондратьев, будучи человеком до глубины души советским прославился именно психиатрическими злоупотреблениями в отношении религиозных меньшинств». В подтверждение «достоверности» материалов Подрабинека о карательной психиатрии в целом, скажу лишь про себя: я не имел, как беспартийный, допуска к секретной работе с «политическими», а что касается религиозных меньшинств, то в Институте им. Сербского таких экспертиз вообще никогда не было. Подобная крикливая ложь рефреном проходит через все обвинения в «карательной» сущности российской психиатрии!

Наступивший 100-летний юбилей трагических событий в России многих заставляет оглянуться на историю своего Отечества, отметить то, чем можно

гордиться, и то, что приходится признавать, как бы это ни удручало. Безусловно, такое отношение к истории своей профессии должно быть и у психиатров. Предлагаемый труд претендует на такое клинико-политическое представление истории российской психиатрии.

Конечно, всякая историческая аналитика, так или иначе, отражает сложившиеся установки авторов. Но о каком бы историческом периоде речь ни шла, нельзя оценивать его однозначно, однослойно, однонаправлено. В жизни людей, в жизни общества всегда присутствует и плохое, и хорошее. В любом сообществе существуют и развиваются одновременно и в известной степени независимо различные разнонаправленные тренды.

И к анализируемому периоду это относится в полной мере. Нельзя просто говорить «психиатрия советского времени». Страна Советов за 70 лет своего существования бывала разной: «красный террор», нэповский период, «большой террор», послевоенный период с новыми волнами террора 1948 и 1952 годов, хрущевская оттепель, брежневский застой, холодная война, «перестройка». Психиатрия, особенно судебная, – самая социально сопряженная медицинская дисциплина и ее отношения с властью на каждом витке истории страны имели свои особенности, и рассматривать историю психиатрии в отрыве от макросоциального, политического контекста нельзя.

В истории психиатрии советского периода, да и всей жизни нашей страны, её науки и техники, культуры и искусства можно отметить, наряду с трагичным, много того, чем должно гордиться. Наряду с личностями, запятнавшими нашу историю, достаточно личностей, имеющих позитивное мировое признание.

Советская психиатрия этого периода начала свою историю с того, что первой в мире организовала образцовую внебольничную службу психиатрической помощи, а закончила хорошо развитой реабилитационной системой реадaptации психически больных. В историю Отечественной психиатрии советского периода с однозначно позитивной оценкой вошли П.Б. Ганнушкин, Н.П. Бруханский, В.А. Гиляровский, А.Б. Александровский, А.Д. Зурабашвили, А.Г. Галачьян, Д.Е. Мелехов, В.М. Морозов, М.М. Кабанов, А.А. Портнов (полный список включает

многие десятки фамилий – см. книги Ю.А. Александровского по истории психиатрии). Что же, все эти психиатры – жили и работали в другой стране? Или тоже «прогнулись» и стали «карателями»? Впрочем, «правозащитным» хулителям отечественной психиатрии эти имена вряд ли знакомы, о достижениях отечественной психиатрии они даже не знают.

Вместе с тем, вся советская Система, в которую была интегрирована и психиатрия, характеризуется двуличием, двойными стандартами. В ней хорошо только то, что отвечает её партийным интересам. Всё, что не вписывается в идеологическую картину – плохо. Первое следует всячески поощрять, в отношении второго допустимы репрессивные меры. К такому пониманию сути Системы я пришел ещё в детстве, этому меня научили реалии жизни*.

Поскольку «правозащитное» понимание истории отечественной психиатрии (особенно, советского периода ее существования) сконцентрировано исключительно на негативе, то я, в противовес, дам реалистическую оценку этих негативных явлений, покажу их происхождение, объясню, что в основном это была беда, а не вина советских психиатров.

* * * * *

Посмотрите работы хулителей отечественной психиатрии: как свидетельство изначально репрессивной сущности российской психиатрии, как первая историческая «жертва карательной медицины», в них непременно предстанет П.Я. Чаадаев. Но при этом не говорится, что Чаадаев, уже находясь под тайным полицейский надзором, в 1836 году опубликовал, мягко говоря, весьма сумасбродную статью с размышлениями о причинах духовного застоя и национального самодовольства в России. Император Николай I написал: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной — смесь дерзкой бессмыслицы, достойной умалишенного». После этого менее чем год Чаадаев находился под домашним арестом с правом ежедневной прогулки и надзором полицейского

* Становление своей личности я описал в автобиографической книге «Мальчишка-москвич в годы войны. Уроки жизни, К 70-летию Великой Победы». 2015.

лекаря. Никаких психиатрических вмешательств в жизнь Чадаева привнесено не было. Полицейский лекарь, который надзирал за его жизнью несколько месяцев, психиатром не был. Так, где же здесь дебют российской репрессивной психиатрии? Так, где же здесь дебют российской репрессивной психиатрии? Скажу лишь: фальсификации начались, сколько же их ещё будет!

В то же время у хулителей отечественной психиатрии и намека нет на то, что ещё в 1832 году в России (заметно ранее соответствующего закона J. Esquirol от 1838 года) был введен в действие Устав с правилами отношения к душевнобольным, а в психиатрических больницах даже вводилась должность "попечителя по нравственной части". В этом Уставе, в частности, предписывалось: "Имея сожаление к ближнему твоему, потерявшему драгоценнейшее для человека — рассудок, не отказывай подать ему руку благодательной помощи и страшись не признать его себе подобным", и подчеркивалось "Никто не имеет права подвергать больных телесному или другому какому-либо наказанию...".

Так же у либеральных историков не встретишь упоминание о том, что ещё Екатерина II поручила Академии наук представить материалы для учреждения «Приказа общественного призрения» (1775), на который предписано было возложить попечение о душевнобольных, в частности, «устройство» для них «просторных и кругом крепких» домов и снабдить «таковые пристойным, добросердечным, твердым и исправным надзирателем и нужным числом людей для смотра, услужения и прокормления сумасшедших ... кои обходились бы с сумасшедшими человеколюбиво». Нигде у таких психиатров-историков не встретить, что это гуманное отношение прошло через всю дореволюционную историю российской психиатрии. Гуманизм был неизменной традицией, что было выражено, в частности, во внедренной С.С. Корсаковым системе *no restraint* с отменой «любых насильственных мер» при лечении душевнобольных. Эту систему Корсаков специально закрепил в своём «Курсе психиатрии».

Возьмем первые упоминания о советской психиатрии. Здесь хулители её истории начинают с примера предводительницы социал-революционной партии России Марии Спиридоновой. Почему же она стала «жертвой репрессивной

психиатрии»? Спиридонова в 1921 году по приказу Ф.З. Дзержинского была переведена из лазарета ВЧК в Пречистенскую психиатрическую лечебницу для заключённых (клиническое отделение будущего Института судебной психиатрии им. В.П. Сербского). Там её смотрел проф. П.Б. Ганнушкин, вердикт которого гласил: «Истерический психоз, состояние тяжелое, угрожающее жизни». После этого Спиридонова была возвращена «органам». Что здесь карательного? Однако у хулителей отечественной психиатрии вся её история и дореволюционная и советская и, как будет показано, даже постсоветская сплошь репрессивна: им непременно нужно доказать, что психиатрию всегда использовали в политических целях, и она всегда послушно «прогибалась».

Что же такое использование психиатрии в политических целях? Виноваты психиатры, что их использовали, или виноваты те, кто их использовал? Что это: отдельные случаи, не дающие основы для обобщений, или это характерная особенность Системы, властвовавшей в те годы в нашей стране?

Злоупотреблением психиатрией, в частности в политических целях, является умышленная экскульпация граждан, по своему психическому состоянию не нуждающихся ни в психиатрическом стеснении, ни в психиатрическом лечении. Можно сказать и шире: злоупотребление психиатрией — есть умышленное причинение морального, физического или иного ущерба лицу путём применения к нему медицинских мер, не являющихся показанными и необходимыми, либо путём неприменения медицинских мер, являющихся показанными и необходимыми.

Всё так, но наше время показало, что необходимо выделить ещё один вид злоупотребления психиатрией в политических целях. Это клеветническое приписывание нашей психиатрии различных злодеяний и даже преступлений, дискредитирующих государственное устройство, в условиях которого она существует. Поскольку такое злоупотребление вот уже десятилетия применяют наши «борцы за права человека», то уже можно говорить о «правозащитном» злоупотреблении психиатрией как об орудии политической войны. Войны, собственно, не с психиатрией, а войны с Россией как самостоятельной духовной сущностью будь то Российская Империя, Советская Система или современная Россия. Эту сущность не приемлют зарубежные «друзья» и их сподвижники в

нашей стране. Поскольку я анализирую историю такого злоупотребления нашей, отечественной, психиатрией, то отчетливо вижу её русофобское начало.

В связи со столетием Октябрьской революции я хочу специально остановиться на советском, периоде истории, тем более, что он является наиболее сложным для понимания того, что же было: *злоупотребления в психиатрии* или *злоупотребления психиатрией*? Психиатры злоупотребляли в своих интересах профессиональными возможностями или, наоборот, государство злоупотребляло в собственных интересах возможностями психиатрии, а психиатры при этом становились жертвой? К этому считаю важным добавить обсуждение и такого аспекта как использование психиатрии в качестве политического оружия в холодной войне в целях дискредитации сначала всей советской Системы, а потом и постсоветской России. Так, что же было?

Если говорить о психиатрии советского времени, то здесь, несомненно, первым встает вопрос о том, было или нет в СССР массовое злоупотребление психиатрией в политических целях? Можно ли сказать, что в нашей стране существовала «карательная психиатрия» как инструмент государственного управления? Убежден, что, если задать этот вопрос современным психиатрам, то, с большей или меньшей уверенностью, большинство из них ответит, «Да, что-то такое было». Подобные ответы – результат пассивности Российского общества психиатров, которое проходит мимо дерзких хулений советской психиатрии, с примера которых я начал данный труд, а также результат сформировавшихся стереотипов, которые якобы и проверять уже не нужно, поскольку это давно установленные факты. Так, например, крупный французский психиатр Jean Garrabe в своей фундаментальной книге «Histoire de la Schizophrenie» (Paris, 1992) как «несомненные факты широкомасштабной карательной психиатрии в СССР» утверждает: «в стране, которая недавно называлась СССР, диссидентство пытались представить как форму вялотекущей шизофрении» (с.193).

Утверждения о карательной сущности советской психиатрии исходят либо от политической предвзятости авторов, либо от их некомпетентности в этой проблеме, либо от индуцированности злоумышленной пропагандой. Авторами такой пропаганды являются или зарубежные «агенты влияния» или явные

руссофобы. К сожалению, среди этих пропагандистов есть и такие, которые используют трагические реалии истории советской психиатрии для бизнес-пиара, неплохо зарабатывая и приобретая известность принципиальных «правозащитников». Скажу наперед и однозначно: масштабного использования психиатрии в системе «массовых репрессий» в нашем государстве не было, и не было «карательной психиатрии» как повседневного инструмента политической системы в СССР! Устойчивый миф о «карательной психиатрии» в нашей стране – явный результат одного из удачных пропагандистских ударов, нанесенных с целью дискредитации советского строя. Сказанное, конечно, не отрицает того, что могли быть отдельные случаи злоупотребления психиатрией, но такого я просто не знаю, хотя за более чем полувековую работу психиатром-экспертом знал бы, если бы такое имело место быть.

Почему я позволил себе представить эти клинико-политические размышления сейчас, в годовщину 100-летия трагедии, которая случилась с моим Отечеством? Во-первых, зная реальное положение дел, я особенно глубоко переживаю несправедливость обвинений отечественной психиатрии в репрессивной сущности; во-вторых, я из дискуссии на портале РОП по поводу своей публикации «Профессор Ф.В. Кондратьев против председателя НПА Ю. Савенко» (2014 год) понял, что дезактивация хулений в адрес отечественной психиатрии остается актуальной; в-третьих, инсинуаторы отечественной психиатрии не могут назвать меня ангажированным и прямо говорят обо мне как о «солидном учёном, который, видел все это изнутри»*, и меня нельзя назвать «прогнувшимся» перед властью (я хотя бы в силу своего возраста и положения нахожусь в зависимости только от своей совести); и наконец, мне скоро уходить, и я не хочу унести с собой всё то, что имеет значение для правильного представления о советском периоде отечественной психиатрии. Я первый в СССР, кто занялся этой темой, занялся по своей инициативе, будучи оскорблённым необоснованными обвинениями в адрес нашей психиатрии, искал пути подхода к первоисточникам, ещё закрытым в то время для других исследователей, искал, находил и анализировал.

* Прокопенко А.С. Безумная психиатрия», 1997.

Исходя из того, что история психиатрии может рассматриваться только в социальном контексте, следует напомнить, что в те годы наша страна находилась под покровом беспросветного тоталитаризма. Тоталитарные режимы на то и тоталитарные, что они пытаются все использовать только своих целях.

Не обошло это и медицину. В своих политических целях режим скрывал или извращал данные о рождаемости и смертности, об инфекционных заболеваниях, о влиянии на здоровье ядерных испытаний и о последствиях трагедий в Челябинске и, Чернобыле, о распространенности алкоголизма и наркоманий и т. д. В подкрепление идеологических позиций режима извращались, как это было с теорией нервизма, а то и просто уничтожались научные школы, например, отечественная школа медицинской генетики. Печально известное "Дело врачей" 1952/53 годов – это не только аресты, но и использование целых медицинских коллективов для подтверждения "псевдонаучной" и "вредительской" деятельности "преступников в белых халатах". Будучи студентом в те годы, я отчетливо помню тот азарт, с которым шельмовали "идеологически чуждых" профессоров коллеги с их же кафедр. Сколько было подтасовок и заведомо ложных патологоанатомических заключений о причинах смерти политически значимых лиц трудно подсчитать.

Психиатрия в целом, и особенно судебная психиатрия, как одна из наиболее социально сопряженных медицинских дисциплин, не могла не стать лакомым кусочком для тоталитарного режима. Вместе с тем, успех всякого давления всегда зависит от резистентности непосредственных исполнителей. К чести советских психиатров большинство из них оказывали ему посильное противодействие.

70 лет наше общество жило в плену марксистско-ленинских догм примитивного материализма, загнанного в узкую колею самодовольной практики «построения коммунизма» и создания homo soveticus. Беда, а не вина советской психиатрии была в том, что она находилась под большевицкой пеленой столь длительное время, что она была изолирована от мировых достижений в области понимания нормы и патологии психической деятельности.

Ещё два предварительных слова перед изложением фактического материала. Исследуя публикации о «карательной психиатрии», я не мог не видеть,

как до удивления много в них путаницы, несостыковок, явных фальсификаций, домыслов, а то и просто вымыслов. Не буду далеко ходить за примером и остановлюсь хотя бы на тексте «Википедии», посвященном моей персоне в сети Интернет. В разделе «Отзывы» этой статьи написано: «Известный историк-архивист, заслуженный работник культуры России, консультант Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ А. С. Прокопенко в своей книге «Безумная психиатрия» отмечал, что «суть карательной психиатрии достаточно ясно показал доктор медицинских наук, руководитель отдела ГНЦ им. Сербского Ф. Кондратьев, который, возглавив группу независимых психиатров, на стыке 80 - 90-х годов попытался разобраться в закрытой до того для российской общественности проблеме...» (подчеркнутый курсив выделен мной – ФВК). На сказанное должен заявить, что я никогда не возглавлял и вообще не имел какого-либо контакта с «независимыми психиатрами», хотя действительно «пытался разобраться в закрытой до того для российской общественности проблеме». Но для этого я работал один и сумел получить ещё закрытые в то время документы, специально разработав обходной к ним путь.

Далее Прокопенко отмечает, что Кондратьев «солидный учёный, видел все это изнутри», «был никем иным, как куратором Казанской ТПБ». Я никогда не был куратором Казанской тюремной психиатрической больницы и был в ней всего два раза: в 1963 году приезжал по собственной инициативе для сбора катamnестического материала к кандидатской диссертации и в 80-ые годы был в Казани в связи с разбором жалобы больного.

Изучение «фактологического» материала, на который ссылаются приверженцы мифа о «карательной психиатрии», также, сплошь и рядом показывает явную тенденциозность, несостоятельность, противоречивость, недостоверность, а то и просто нереальность этих «объективных» данных.

Вместе с тем, я хочу закончить свое большое вступление словами буквально профессионального разоблачителя советской психиатрии, написанного им как предисловие к книге двух других разоблачителей, профессионального психиатра и психолога. Роберт ван Ворен, Генеральный Секретарь Международного Благотворительного Фонда «Женевская инициатива в психиатрии», в предисловии

к книге Коротенко А.И. и Аликиной Н. "Советская психиатрия: заблуждения и умысел» (2001) написал добрые и умные слова. В нем, в частности, говорится о «жертвах злоупотреблений психиатрией в политических целях»: «Прошли годы. Много изменилось. Уходят в мир иной участники тех событий. Тускнеют эмоции ненависти, физической боли и жажды возмездия. Тускнеет и сама память. Еще десятилетие – и сама эта тема покроется паутиной и пылью. Будущие исследователи тоталитаризма опишут феномен психиатрических злоупотреблений в СССР черной и белой красками абсолютного контраста, опустив самое важное, самое главное – полутона и обертоны конкретной человеческой плоти, конкретной человеческой личности. Но кто-то захочет узнать больше, кого-то не устроит чёрно-белая схема абсолютного добра и абсолютного зла. Кто-то из них, будущих, вспомнит, что абсолютное добро – Бог, а абсолютное зло в приложении к исследуемой эпохе – *Система Тоталитаризма*. И тогда он возьмет в руки эту книгу. И, прочитав ее, поймет нас лучше. Всех нас, – и жертв, и палачей, и пассивных наблюдателей, и активных соучастников (с обеих сторон...)». «Система Тоталитаризма» – это я выделил эти слова, поскольку считаю, что во всём виновата именно она, а не сама психиатрия, и не сами психиатры, это была их беда, а не вина. Я рефреном провел это положение в результате своих клинико-политических размышлений. Добавлю только: «Кровь, ложь и казни – естественные атрибуты претворения в жизнь тоталитарной идеологии», эти справедливые слова сказал уже С. Глузман психиатр, бывший политзаключенный. Ему принадлежат и добрые слова: «Истинное знание прошлого вызывает к долгу терпимости».

* * * * *

Перед началом

Перед началом трагедии октября 1917 года российская судебная психиатрия имела хорошую теоретическую базу и устоявшуюся судебно-психиатрическую практику, включавшую открытое обсуждение экспертных заключений во время судебных заседаний. К этому времени утвердилось положение С.С. Корсакова о том, что «врач не может считать себя компетентнее юристов в юридических

вопросах, как не может врач допустить полную компетентность юриста в медицинских вопросах”.

К 70-м гг. XIX в. представители классической школы юриспруденции уже выработали стройную систему основополагающих принципов и норм уголовного права, в том числе, в основе теоретической базы права лежало учение о невменяемости.

Институт невменяемости мог возникнуть только в условиях господства в уголовном праве принципа субъективного вменения. Реформа уголовного права, в результате которой основанием уголовной ответственности была поставлена не только причинная, но и, прежде всего, виновная связь между деянием и причиненным ущербом, закрепила Россию на передовых позициях мировой юриспруденции. Принцип субъективного вменения основан на признании свободной воли действующего лица. Для того, чтобы запрещенное деяние было наказуемо, надо, чтобы оно было вменяемо, т.е. чтобы оно совершилось при содействии разума и свободной воли деятеля. Соответственно, перед судебной психиатрией стояла задача определять, какие психические расстройства исключают свободу действия лица, причинившего уголовно-наказуемый вред, делая его невменяемым. В конце XIX в., это направление получило название “классической школы уголовного права” и было принято как российскими правоведами, так и психиатрами, проводящими экспертизы. С последнего Уголовного Уложения 1910 года действовала выверенная концепция невменяемости с прописанными признаками юридического (утрата способности осознавать совершенное и руководствоваться сознанным) и медицинского критерия невменяемости. В основе этой концепции лежала потеря психически больным из-за психопатологии свободы своей воли.

Психиатрическая наука применила к преступнику естественнонаучные понятия и методы исследования. Как это ни парадоксально, но развитие этого направления привело к возникновению противоположных, непримиримо оппозиционных классической школе, концепций в уголовном праве: сначала антропологической, а несколько позже социологической, обычно объединяемых под названием “позитивная” школа.

Новая школа уголовного права утверждала, что преступление – лишь свидетельство об опасности, симптом глубоко лежащего дефекта личности. Взятое отдельно деяние может быть менее опасно, чем учинивший его деятель, поэтому от этих лиц общество должно защищаться еще до того, как они совершат преступление. Сама опасность может определяться наследственностью, душевным состоянием (сумасшедшие и полусумасшедшие), образом жизни (например, бродяжничеством) и пр. Ответственность базируется не на индивидуальной вине деятеля, проявляющейся в совершенном им деянии, а на свойстве опасности, фатально угрожающей обществу со стороны неизменного уклада индивидуальности виновного.

Таким образом, новая школа отбросила принципы классиков о том, что “нет преступления без указания о том в законе”, что уголовная ответственность может наступать лишь в случае установления вины преступника в совершенном им деянии. Соответственно, для этого направления уголовного права понятие “вменяемость” оказалось излишним. Единственным критерием экскульпации становилась ее целесообразность в свете возможных ее последствий, а не состояние лица в момент совершения общественно опасного деяния.

Конец XIX века - начало XX века и особенно период непосредственно перед Февральской революцией в России характеризуется бурными дискуссиями различных юридических школ в Европе, в которых принимали участие и российские юристы и психиатры. Одним из главных объектов дискуссий была формула невменяемости.

Несмотря на острые дискуссии, в целом решение вопроса о невменяемости в дореволюционном законодательстве базировалось на представлениях классической школы уголовного права. К периоду смены государственных устоев в России по существу формула невменяемости была построена по смешанному биолого-психологическому принципу – она состояла из двух частей: одна указывала на биологические причины невменяемости (т.н. медицинский, критерий), а другая на их последствия в психической жизни (т.н. психологический, или юридический, критерий).

“Позитивное” направление, сторонниками которого в 1920ые гг. станет явное большинство советских ученых-юристов и судебных психиатров, окажет самое непосредственное и негативное влияние на развитии учения о невменяемости в послереволюционной России.

Что же случилось с психиатрией после большевицкого переворота?

[В главе использованы материалы сети «Интернет» о Красном терроре, моих публикаций по истории отечественной психиатрии*, а также личные свидетельства моего учителя проф. А.Г. Галачяна, начавшего работать в те годы под руководством П.Б. Ганнушкина, моей двоюродной бабушки крупного партийного функционера, члена Центральной контрольной комиссии ВКП(б) О.А. Варенцовой и моих родителей Кондратьева Виктора Алексеевича и Кондратьевой Валентины Алексеевны, участников событий тех лет]

Началось . . .

Октябрь 1917 года. Государственный переворот. Игнорирование выборов в Учредительное собрание. Главный тезис большевиков, набравших в два раза меньше (180), чем эсеры (374) голосов в Учредительное собрание, был: «республика Советов выше всяких Учредительных собраний», и это сразу же привело к тому, оно было разогнано, едва успев открыться, вняв грозному окрику матроса «Караул устал!».

Трагедия России 1917 года началась с Красного террора. Если в конце 1915 года в Петрограде жило 2347 тысяч человек, то перепись 28 августа 1920 года

* Секреты перевернутой страницы истории советской психиатрии // Российская юстиция. - 1994. - №1. - С. 24-30.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Очерки истории: сб. трудов/Под ред. Т.Б. Дмитриевой и Ф.В. Кондратьева. - М., 1996. Изд. 2-е, доп. - М.: РИО ФГУ «ГНЦ ССП им В.П. Сербского», 2006. - 268 с.

Трудные испытания в истории Центра // Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Очерки истории: сб. трудов/Под ред. Т.Б. Дмитриевой и Ф.В. Кондратьева. - М., 1996 – С. 135 – 144.

Владимир Петрович Сербский (1855-1917) // Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Очерки истории: Сборник трудов/Под ред. Т.Б. Дмитриевой и Ф.В. Кондратьева. - М., 1996 – С. 165 – 170;

Николай Павлович Бруханский (1893-1948) // Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Очерки истории: Сборник трудов/ Под ред. Т.Б. Дмитриевой и Ф.В. Кондратьева. - М., 1996 – С. 170 – 174; (совместно с С.А. Гущиной).

Арам Григорьевич Галачян (1897 – 1981) // Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Очерки истории: Сборник трудов /Под ред. Т.Б. Дмитриевой и Ф.В. Кондратьева. - М., 1996 - С. 185 – 189. (совместно с Г.П. Пантелеевой).

К 50-летию трагической гибели профессора Н.П. Бруханского: по публикациям и материалам Дела № 7270/2 НКГБ СССР// Российский психиатрический журнал. - 1998. - №4. - С. 67-70.

История отечественной судебной психиатрии // Руководство по судебной психиатрии. М.: Медицина, 2004. - С. 40-54. (совместно с Т.Б. Дмитриевой)

насчитала всего лишь 799 тысяч. Москва потеряла чуть меньше. Это была не только кровь сотен тысяч расстрелянных и зарубленных в застенках, это был ещё и бескровный террор. Ленин прямо указывал на целесообразность «вешать, что бы все видели, и было неповадно», и травить газом (свидетельство О.А. Варенцовой). У этих расстрелянных, повешенных, отравленных были родственники, которых за родственные связи с уничтоженной «контрой» тоже репрессировали: лишали жилья и выгоняли на улицу, конфисковали имущество и оставляли без средств к существованию, перекрывали как «социально чуждым элементом» возможности трудоустройства. Толпы «деклассированных», бездомных, безработных, голодных, агрессивных людей стали создавать социальные проблемы, в первую очередь в плане безопасности общества. Эти и так растерявшиеся люди нередко подвергались моральному унижению и физическому насилию со стороны самозванных представителей «передового класса», которые на основании «пролетарской совести и революционного самосознания» своей «революционной бдительностью» утяжеляли и без того тяжёлые проблемы. Напряжённую обстановку на улицах можно было ослабить лишь какими-то административными действиями. Создавались «спецлагеря» для изоляции «прогностически социально опасных», но они сразу же переполнялись. Органы правопорядка не справлялись с требованиями создавшейся ситуации, неминуемым ее следствием явился рост преступности. Советскому государству далеко не сразу удалось разрядить напряжённую ситуацию, поскольку использовать теорию и практические наработки дореволюционной юриспруденции было недопустимо по идеологическим основаниям.

Изменения в юридических отношениях к психически больным после Октябрьского переворота были столь же радикальны, как и во всей общественно-политической, экономической и культурной жизни. Был определен прямой запрет пользоваться старыми законами в правоприменительной практике.

Сначала «пропала» фиксированная в законе формула невменяемости: «Понятие о вменяемости, как построенное на учении о свободной воле, а потому противоречащее принципам материализма, должно быть устранено из советского законодательства и заменено понятием о социальной опасности, опасном состоянии, обусловленном нервно-психическими отклонениями у

правонарушителя” (п.1 резолюции Всесоюзного совещания психиатров и невропатологов, 1925 г.).

Все советское время «теоретики» проблемы невменяемости не могли в своих представлениях о свободе воли, о свободе социального поведения выйти за рамки «единственно научных» материалистических догм. Все опубликованные работы советских авторов по этой проблеме неизбежно опирались на материалистическое понимание свободы воли с традиционным подкреплением цитатами из В.И. Ленина (понятно, что в доперестроечное время научные труды с иным методологическим подходом просто не могли у нас увидеть свет). Как правило, приводились цитаты из ленинских конспектов работ Гегеля, в частности основополагающей была такая: "На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его – находят его как данное, наличное. Но кажется, что его цели вне мира взяты, от мира независимы ("свободны")"*.

Вместо невменяемости было предписано говорить о неподсудности, ненаказуемости и неприменении мер судебно-исправительного характера как следствии психического расстройства обвиняемого (сам термин «невменяемость» вернулся в УК только в 1960 году).

В практической судебной психиатрии страны в первые годы советской власти существовала чрезвычайная неразбериха в том, кого направлять на экспертизу и кто ее должен осуществлять.

Высказывались утверждения, что можно поставить в один ряд ценность экспертизы, проведенной в психиатрической больнице, и ценность амбулаторной экспертизы, осуществляемой врачами других специальностей. При этом допускалось резкое противопоставление «судебного психиатра» «обычному психиатру», поскольку якобы первые «всегда решают вопрос, нет ли в каждом данном случае симуляции», а вторые «привыкли относиться с доверием к поведению своих пациентов, к словам их родственников».

В целом по стране, деятельность экспертов в судебных учреждениях того времени характеризовалась отсутствием сложившейся нормативности. Особенно

* В.И. Ленин В.И. Полн. собр. соч.- М., 1963 - Т. 29. С. 171.

хаотически решались судьбы обвиняемых, имеющих психическую патологию, в революционных трибуналах.

Была полная неразбериха и в вопросах принудительного лечения. Несмотря на то, что понятие о принудительном лечении было введено в УК РСФСР в 1922 году, практическое применение принудительного лечения не имело четкой регламентации порядка назначения и её проведения. Больные направлялись на принудительное лечение не только судебными органами, но и следователями и даже милицией. Бывали случаи направления на принудительное лечение даже без заключения судебно-психиатрической экспертизы.

В эти годы единственной целью уголовно-правового принуждения объявлялась защита пролетарского государства, а единственным критерием для построения необходимой для этого системы мер – тоталитаристский критерий целесообразности: как наиболее удачно организовать борьбу, исходя из того, что “salus revolutia suprema lex”. (Сколько же судеб психически больных было загублено из-за этой революционной «целесообразности» !!! Справедливости ради следует отметить, что по какой-то иной, видимо, Высшей, целесообразности все эти революционные реформаторы к 1941 году были расстреляны).

Принципы революционной целесообразности были основой практики советской судебной психиатрии того времени. Главным было определить, где, в местах лишения свободы или в психиатрической больнице, содержать душевнобольного, чтобы полноценнее обеспечить безопасность общества. Исходя из этих принципов практиковались направления на принудительное лечение даже вменяемых (психопатических личностей, наркоманов), если устанавливалось, что они больше нуждаются в лечебно-педагогическом режиме, нежели в исправительно-трудовом и тюремном.

Судебные психиатры этого периода истории придерживались принципа социальной защиты, который должен приниматься в отношении всякого правонарушителя, независимо от его вменяемости или невменяемости. Различие видели только в том, что судебно-исправительные меры «дозируются» в зависимости от состава преступления в соответствии с идеей эквивалента, заложенной в Особенной части УК, а медицинские меры определяются личностью

правонарушителя и критерием целесообразности принятия тех или иных мер социальной защиты с точки зрения общей и частной превенции. Предполагалось, что судебно-психиатрическая оценка всей личности преступника, особенно ее реакций на социальную среду в настоящем, предвидение социального поведения в будущем ("социальный прогноз"), будет давать суду возможность более полноценного выбора мер социальной защиты. А это должно было бы обеспечить не только гарантию безопасности для общества, но и могло бы содействовать медицинскому и социальному оздоровлению правонарушителя.

Иными словами, в судебной (и судебно-психиатрической практике) особое внимание уделялось социальным ориентациям преступной личности, которая, по мнению советских ученых, определялась в первую очередь её социальным происхождением, связями с преступной средой и антропологическому типу (в последнем нельзя не заметить заимствования от учения о преступности у теоретиков соседнего тоталитарного государства, в 1933 году пришедших к власти).

На этом фоне «смуты» в решении теоретических и практических вопросов судебной психиатрии необходимой представлялась организация специального центра, который бы отвечал возникшим потребностям упорядочивания возникших проблем.

Как отмечалось, массовые репрессии, которыми сопровождалось утверждение новой власти в России, привели к крайнему переполнению мест лишения свободы. При этом их администрации становилось ясным, что среди заключенных много психически больных, что создавало дополнительные проблемы и без того чрезвычайно сложной ситуации в пенитенциарной службе. Власти были вынуждены обратиться за помощью к судебно-психиатрической службе, тем более, что таковая уже существовала.

В 1899 году в Москве рядом с домом, где жил С.С. Корсаков в Пречистенском переулке, был создан Центральный полицейский приёмный покой для душевнобольных, которые нарушали общественный порядок в городе. Вскоре это учреждение было преобразовано в Пречистенскую психиатрическую лечебницу для заключённых. С.С. Корсаков был внештатным (добровольно, по

своей инициативе) консультантом этого Покая, а после его смерти в 1900 году, курировать лечебницу продолжили его ученики и сподвижники, в том числе П.Б. Ганнушкин.

В конце Гражданской войны в 1921 году судебными психиатрами было инициировано создание на базе этой больницы специального учреждения, которое не только проводило бы судебно-психиатрическую дифференцировку потока арестованных (как тогда говорили, «социально чуждых элементов»), но и разрабатывала бы необходимые инструктивные, методические указания для этой работы. Таким центром стал Институт судебной психиатрии им. проф. Сербского, подчиненный Народному комиссариату здравоохранения и органам юстиции и внутренних дел (за время своего существования официальное название и подчиненность Института несколько раз менялись). В том же году ему было присвоено имя ученика С.С. Корсакова профессора В.П. Сербского как дань признательности к его трудам в области судебной психиатрии.

Выявление среди массы арестованных психически больных, освобождение их от тюремного наказания, а то и угрозы расстрела, было первой и главной задачей вновь созданного учреждения, и это положительно оценивалось ведущими психиатрами того времени. Оправданность такого выхода из острой социальной ситуации подтвердилась сразу. Число лиц, экскульпированных экспертными комиссиями Института им. проф. В.П. Сербского в 20-е годы, было исключительно велико: в 1921 году – 77%, в 1922 году. – 74,7%. Есть основания полагать, что это были те лица, которые не могли быстро и адекватно вписаться в жесткий регламент чрезвычайно сложных социальных обстоятельств жизни тех лет. В первую очередь эти обстоятельства дезадаптировали именно психически больных, они не выдерживали требования революционной целесообразности и поэтому чаще других становились жертвами репрессивного режима.

Таким образом, создание Института судебной психиатрии было, несомненно, высокогуманным актом. В нём началась разработка теоретических основ судебной психиатрии в уголовном и гражданском праве, разработка проблем применения принудительных мер лечения и других вопросов, связанных

с государственными запросами в сфере психиатрии, что, несомненно, явилось положительным и для интересов психически больных.

«Мягкая шизофрения». Первый этап первого периода истории советской психиатрии

[В главе использованы материалы и ссылки из моей кандидатской диссертации «Клинические особенности и судебно-психиатрическая оценка в случаях медленно текущей шизофрении» (1963 г.), а также материалы Интернета «Большой террор» и свидетельства проф. А.Г. Галаच्याна]

В целом советская психиатрия в первые годы своего существования была новаторской. Главной её заслугой является хорошо организованная государственная служба внебольничного наблюдения и лечения психически больных. Создание государством психоневрологических диспансеров стало большим достижением, которое было признано мировой психиатрией. Психиатрия «вышла из стационара» и получила возможность охватить своей помощью новый большой контингент больных, в частности, тот, что был выявлен при освидетельствовании в Институте им. Сербского социально дезадаптированных лиц.

За этим новым контингентом лиц с психиатрическими проблемами закрепилось название «пограничная психиатрия»: они, с одной стороны, в основном не нуждались в стационарном лечении, оставались в обыденной жизни, но с другой – несомненно, психиатрическая помощь (консультативная, лечебная) им была нужна.

С конца 20-ых годов среди пациентов группы «пограничной психиатрии» стали выделять страдающих «мягкой шизофренией». Значительные успехи в области пограничной психиатрии и разработки темы «мягкой шизофрении» были достигнуты вновь созданным Институтом судебной психиатрии им. проф. Сербского. На примере этого психиатрического учреждения можно наглядно показать и успехи советской психиатрии, и её трагические страницы.

Изначально обращенный к реальным социальным проблемам постреволюционного государства Институт им. проф. Сербского довольно скоро приобрел признание не только психиатрической общественности Советского

Союза, но и зарубежной. Видным лидером судебной психиатрии и изучения нового контингента пограничной психиатрии стал Н.П. Бруханский.

Именно он специально занимался проблемами шизофрении и пограничных состояний. Ряд его научных работ непосредственно посвящен социальным проблемам психиатрии. В 1928 году Н.П. Бруханский издаёт свою книгу «Судебная психиатрия», которая стала первым руководством по данной дисциплине в СССР. Предисловие к этому изданию написал П.Б. Ганнушкин, который высоко оценил труд автора, отмечая, в частности, что в нем «...нашли воплощение новые веяния и теоретические положения психиатрии». В своей работе Н.П. Бруханский впервые много внимания уделил психическим расстройствам периода инволюции и психозам инфекционного генеза, а также их судебно-психиатрической оценке. Был разработан новый подход к критериям невменяемости при реактивных психозах и психопатиях. Н.П. Бруханский отмечал, что выраженность личностных особенностей при психопатии может быть настолько высока, что лица с подобной патологией должны признаваться невменяемыми.

В 1935 году вышел сборник «Проблемы психиатрии и психопатологии», посвящённый 20-летней научной деятельности Н.П. Бруханского. В предисловии к сборнику, написанному крупнейшим психоневрологом того времени С.Н. Давиденковым, не только отмечалась важная роль Бруханского в отечественной психиатрии, но и было указано, что участие в сборнике западноевропейских психиатров подчёркивает тот интерес, который вызывают его исследования за пределами СССР.

С середины 20-х до середины 30-х годов Институт судебной психиатрии им. В.П. Сербского был открытой площадкой, на которой продолжались дискуссии по проблеме «пограничной психиатрии», проводилась клиническая разработка актуальных вопросов судебно-психиатрической оценки больных с такой психопатологией. Здесь проводились заседания общества невропатологов и психиатров, организовывались экскурсии для студентов и слушателей различных курсов юридической направленности.

Одновременно упорядочивалось применение принудительного лечения. Институт им. Сербского проявил инициативу в уточнении понятия

принудительного лечения, определении его границ и объема, а главное – о необходимости вложить в него клиническое содержание. Это поставило перед судебными психиатрами конкретные задачи: предусмотреть дифференцированный характер медицинских мер, выработать четкие показания к их применению, а также обеспечить их законодательную регламентацию. Результатом разработки этой проблемы в Институте им. Сербского явилась утвержденная в 1935 году Инструкция о порядке применения принудительного лечения, жизнеспособность которой была подтверждена в течение последующих десятилетий.

Также стало очевидным, что на основе накопленного опыта и теоретических наработок в число первоочередных задач Институт им. В.П. Сербского может быть поставлена разработка научно-организационных проблем судебной психиатрии, направленных на создание новых организационных форм судебно-психиатрической экспертизы, создание в стране единой судебно-психиатрической службы и осуществление организационно-методического руководства ее деятельностью. В соответствии с этим в Институте была разработана и в последующем утверждена «Инструкция о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР», в которой впервые были подробно изложены основные задачи судебно-психиатрической экспертизы, виды судебно-психиатрического освидетельствования, а также права и обязанности экспертов и форма экспертных заключений.

Новая внебольничная практика психиатрической службы, возникшая в этот исторический период, давала реальный клинический материал для преодоления крепелиновских догматов о неизменно рано наступающем слабоумии и фатально плохом прогнозе при шизофрении. В поле зрения психиатров оказался контингент больных, которому была достаточна именно внебольничная помощь. К этому времени (1928 год) немецкий психиатр А.С. Kronfeld ввел в оборот новое клиническое понятие – "мягкая шизофрения".

Описания А.С. Kronfeld мягкой шизофрении встретило в советской психиатрии не только полное понимание, но и породило сложные дискуссионные вопросы. Так среди ряда видных психиатров того времени (Розенштейн Л.М., 1934; Фридман Б.Д., 1933, 1934; Гольденберг С.И., 1934; Каменева Е.Н., 1934,

1936; и др.) имело место некритичное увлечение концепцией Е. Kretschmer (1924) о том, что шизофрения является лишь резким заострением широко распространенных «больших конституциональных типов», что различие между психопатиями и психозами количественное, а не качественное, и поэтому нельзя отделить непсихотическое, препсихотическое, психотическое и постпсихотическое. Такую же концепцию высказывал и другой видный психиатр, современник Е. Kretschmer – Н. Claude (1926), отрицавший «принципиальную границу» между конституциональным предрасположением («шизоидией») и шизофренией как болезнью. Результатом этой увлеченности в 30-ые годы явились многочисленные описания такой мягкой шизофрении с аморфными границами. Это был несомненный перегиб. На практике принятие и развитие такой концепции привело к тому, что многие, не страдающие шизофренией, а обнаруживающие только те или иные характерологические аномалии, невротические расстройства и даже соматически больные получали диагноз шизофрении.

Такая увлеченность встретила обоснованную критику и призывы к взвешенному подходу к клинической реальности. Так, П. Б. Ганнушкин (1933) указывал, что психозы-процессы действительно могут протекать мягко и по внешним проявлениям быть сходными с конституциональными психопатиями. Эти психозы могут относиться к так называемым пограничным состояниям, однако при этом, несмотря на отсутствие резких психических изменений и медленный темп развития заболевания, нет «никакой необходимости трактовать отдельные формы таких психозов-процессов вне рамок описания основных их групп». Ученик Ганнушкина О. В. Кербиков (1933), критикуя авторов широкого понимания мягкой шизофрении, отметил, что они по существу описывают «шизофрению без шизофрении».

Особую проблемность концепция мягких форм шизофрении имела для судебной психиатрии. Один из наиболее авторитетных сотрудников Института им. проф. Сербского И.Н. Введенский (1936), образно критикуя «опорные» признаки мягкой шизофрении Розенштейна, писал: «Выбрасывание языка, поднятие бровей, тики, заминки, заикания, особые сновидения, оклики, а равно и реактивные явления в виде экзаменационного страха, боязни покраснеть, отвращение к себе в связи с первой менструацией, колебания в выборе факультета, профессии, при

вступлении в брак и т.д. – все это слишком обычно и имеется в той или иной степени в активе, если не каждого из нас, то очень многих, не имеющих, к счастью, отношения ни к мягким, ни к жестким формам».

Несмотря на начавшиеся исправления перегибов в клиническом понимании мягкой шизофрении, в судебно-психиатрической практике продолжал действовать жесткий алгоритм, сложившийся во времена, когда шизофрения изучалась на клинически тяжелых формах заболевания: диагноз шизофрении = судебно-психиатрическое экспертное заключение о невменяемости. Этот алгоритм по инерции сохранился и в отношении мягкой шизофрении. Человек с высоким статусом, социально адекватный и активный, на основании упомянутой микросимптоматики мог быть признан невменяемым только потому, что у него диагноз – шизофрения.

Порочная практика такого расширительного диагностирования шизофрении под влиянием профессиональной критики постепенно стала сходить на нет. Однако в процесс теоретического и клинического уравнивания грубо вмешался государственный макросоциальный фактор. Именно на это время пришлось начало и развитие сталинских репрессий. Изменения политической атмосферы как ощутимый макросоциальный фактор начались вскоре после убийства С.М. Кирова в 1934г. (он был 1-м секретарем Ленинградского обкома партии, членом Политбюро ЦК ВКП(б) и другом И.В. Сталина).

В нарастающем потоке арестов оказалось, что многие политически неугодные деятели, получив диагноз мягкой шизофрении, признавались невменяемыми, и, уходя от уголовной ответственности, начинали заполнять «спецкорпус» казанский психиатрической больницы.

Это не могло понравиться политической Системе государства, ей были нужны «зэки» для строек социализма, а не «психи-нахлебники». Как следует из исторических источников, в те годы была значительная безработица с одной стороны, а с другой стороны требовалась бесплатная рабочая сила для «Великих строек коммунизма». Партия большевиков как монополист государственной власти решение этих двух крупных социальных проблем осуществляла одновременно, а

именно: в результате массовых арестов число безработных уменьшалось, а контингент бесплатных трудовых ресурсов ГУЛАГа увеличивался.

Таким образом, практика широкого диагностирования мягкой шизофрении и признания арестованных невменяемыми стала помехой решению государственных задач. К тому же, она породила еще одну проблему: помещать «политических» в одни больницы с обычными больными было нельзя «по оперативным соображениям». В связи с этим возникла необходимость организации специальной психиатрической службы системы НКВД. Данное положение партию большевиков полностью не устраивало: ее замыслы как по репрессированию «врагов народа», так и по созданию рабочих зон ГУЛАГа с дармовой рабочей силой срывались.

Поэтому в годы начавшегося сталинского террора государство встало против психиатрического вмешательства в его дела, против изъятия этих трудовых ресурсов в психиатрические учреждения, в том числе даже тогда, когда арестованные уже имели давно установленные психиатрические диагнозы.

До 1931 года в советской России широко практиковалась уменьшенная вменяемость и невменяемость психопатов, обоснованная Н.П. Бруханским и П.Б. Ганнушкиным, и спасшая жизни многих из них в годы «революционного правосудия». Но накануне Большого Террора власть стала требовать снижения числа экскульпируемых. Согласно статистике Института судебной психиатрии им. Сербского «процент психопатов, признанных невменяемыми, равнялся в 1922 году 46,5%, а в 1935 г. – 3%», это снижение за 13 лет более чем в 15,5 раза представляется заказным, политическим злоупотреблением психиатрией.

Автору известно, что действительно был конкретный политический заказ: ликвидировать мягкую шизофрению как форму психиатрического заболевания и ограничить число невменяемых. Был арестован и помещен во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке один из лидеров психиатрии того времени, через несколько месяцев его отпустили с заданием выполнить этот заказ. И тогда, в 1936 году был созван II Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров, на котором концепция мягкой шизофрении была подвергнута уничтожающей критике. На этом съезде Н.П. Бруханский был подвергнут особо жестокой и несправедливой критике со стороны заслуженного деятеля науки РСФСР председателя Ленинградского

общества невропатологов и психиатров проф. В.П. Осипова, который жестко раскритиковал идеи Бруханского об освобождении от уголовной ответственности психопатических личностей, а также выступил против предложенного Бруханским расширительного понимания шизофрении. В резолюции Второго всероссийского съезда психиатров так и было записано: «Считать расширительную диагностику шизофрении теоретически и практически вредной». Фактически эти решения дали государству возможность освободиться от сдерживающей роли психиатрии, пытавшейся уберечь от репрессий огромное число лиц с психическими расстройствами.

Вскоре после съезда Н. П. Бруханский был арестован. После ареста все его книги были изъяты из библиотек. Было запрещено даже упоминание имени их автора. Особым совещанием при НКВД СССР Николай Павлович был приговорён по статье 58-10 и статье 58-11 УК РСФСР к 10 годам лагерей, где и погиб в 1948 году (в 1956 году Верховный Суд СССР прекратил дело против Н.П. Бруханского за недоказанность). Изучая Дело № 7270/2 НКГБ СССР, составленное на Н.П., я не мог не обратить внимания на то, что, казалось бы, ближайшие его сотрудники давали показания типа: он «оберегал контру» от «наших органов».

Сразу после съезда во всех психиатрических изданиях стали одна за другой появляться статьи о необходимости «лиц с пограничными диагнозами» направлять на перевоспитание на строительство Беломорканала и другие стройки коммунизма, где они «с тачкой в руках» приобретут «социалистическое здоровье». На диагноз «мягкая шизофрения» было наложено 100% табу. Те немногие психиатры, которые пытались возражать и говорили, что шизофрения, как и любое другое хроническое заболевание, может протекать и злокачественно и мягко, подвергались тем или иным репрессиям вплоть до снятия с работы (проф. Е. Н. Каменева и другие). Никто не беспокоился тем, что и действительно больным шизофренией с относительно благоприятным течением процесса директивно отменяли обоснованный диагноз шизофрении. Сколько было таких пострадавших уже сказать невозможно – сведения об их судьбах затерялись в архивах НКВД. Это было очевидное политическое злоупотребление психиатрией.

Закончился первый, либеральный, этап первого периода истории советской психиатрии. Он показал успехи клинических и судебно-психиатрических разработок, в частности, реальность существования мягкой шизофрении. Какого-либо намека на какие-либо конкретные случаи злоупотребления психиатрией в этот период её истории отметить нельзя. Но Система уже начала такое злоупотребление, указывая психиатрии, как она должна работать. Начавшийся государственный террор оказал отрицательное влияние и на психиатрическую службу, она стала первой жертвой этого террора.

***Второй этап первого периода истории советской психиатрии:
политическое давление на судебную психиатрию, злоупотребление
психиатрией.***

[В главе использованы свидетельства проф. Т.П. Печерниковой и документы, опубликованные в Интернете, а также материалы собственных наблюдений и разработок.]

Разгромная критика теории и практики судебной психиатрии привела к тому, что стал изменяться весь стиль работы Института судебной психиатрии им. проф. Сербского, который ранее сложился под научным руководством профессора Н.П. Бруханского. В Институте перестали проводиться клинические и научные конференции с участием психиатров из других психиатрических институтов и больниц, пропуск на территорию Института стал строго контролироваться, в отношении его сотрудников установился контроль со стороны созданной «спецчасти» (даже посещение научными сотрудниками института находящейся в том же здании научной библиотеки должно было регистрироваться в «спецкниге»: когда пришел, зачем пришел, что читал, когда ушел). Институт всё больше превращался в судебно-психиатрический монопольный орган, изолированный от других медицинских психиатрических учреждений завесой особой секретности. Его пытались сделать послушным орудием в руках следствия и органов государственной безопасности для выполнения их политических заказов по всем наиболее важным делам, связанным с так называемой контрреволюционной деятельностью. Для закрепления этого положения государство в 1940 году создало Инструкцию НКЮ СССР, Наркомздрава СССР, НКВД СССР и Прокуратуры СССР, в соответствии с которой методическое и научное руководство судебно-

психиатрической экспертизой должно осуществляться Наркомздравом СССР только через Научно-исследовательский институт судебной психиатрии им. проф. Сербского. В этой инструкции было указано, что "при судебно-психиатрическом освидетельствовании лиц, направленных на экспертизу органами НКВД (и милиции) разрешается участие врача Санотдела НКВД, а также представителя органа, ведущего следствие", но при этом участие представителя интересов подэкспертного и его адвоката не предусматривалось.

Так под старым названием постепенно стала создаваться фактически новая, чуждая традициям отечественной психиатрии организация, соответствующая интересам большевицкой тоталитарной Системы, которая получала теперь возможность планомерно злоупотреблять психиатрией в своих целях. К этому времени постановлением ЦИК СССР были введены в действие ст.ст. 58-1а – 58-1г УК РСФСР. Эти преступления перечислены в первой главе «Преступления государственные» Особенной части Уголовного Кодекса РСФСР. В целом эта статья постоянно расширялась и под свой конец уже имела 17 подпунктов. Среди этих подпунктов 14 предусматривали кару в виде «высшей меры уголовного наказания – расстрела с конфискацией всего имущества». Наказанию подвергались не только виновные в этих преступлениях. В тех случаях, когда «совершеннолетние члены семьи арестованного, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества» (ст. 58-1в.). В целом история государства российского не знала более жестокого уголовного кодекса.

В 1938 году было образовано специальное отделение в Институте им. проф. Сербского для подэкспертных, проходящих освидетельствование по уголовным делам, связанным с государственной безопасностью. Возможно (документально это не подтверждено), что сотрудники этого отделения вовлекались в следственные мероприятия. Так, в Институте стал широко практиковаться метод "кофеин-барбитурового растормаживания", в период которого подэкспертные, находившиеся перед этим в состоянии заторможенности и отказывавшиеся от речевого контакта вследствие реакции на судебно-следственную ситуацию, становились разговорчивыми и в состоянии

лекарственного опьянения давали те или иные показания, использовавшиеся в ходе следствия (Использование "кофеин-барбитурового растормаживания" было запрещено Г.В. Морозовым после его вступления в должность директора Института в 1957 году). Более того, в 30-е годы в институте была организована специальная лаборатория (закрытая вскоре после смерти Сталина), целью которой была разработка особых медикаментозных средств, притупляющих самоконтроль за высказываниями у лиц, находившихся на экспертизе.

Есть предположения, что экспертные заключения такого монопольного органа как Институт судебной психиатрии им. проф. Сербского могли диктоваться интересами следствия и с годами становились все менее объективными, но это только предположения. Доказательств, что это было так – нет, хотя допустить, что Система и таким образом пыталась злоупотреблять психиатрией, можно *.

Истории болезни политобвиняемых, содержавшихся в этот период в Институте им. проф. Сербского, были выделены в отдельный архив. Он был уничтожен в октябре 1941 года, как только в Москве объявили осадное положение.

Востребованное государством резкое ограничение диагностирования шизофрении не привело, однако к значительному сокращению лиц, психические расстройства которых препятствовали их участию в следственно-судебном разбирательстве: хотя число неменяемых с диагнозом шизофрении действительно заметно снизилось, вместе с тем стало резко возрастать количество больных тяжелыми психогенными психозами. Развитие и нарастание числа таких психозов было, несомненно, связано со сгущающейся психотравмирующей атмосферой в государстве.

Второй этап первого периода существования советской психиатрии характеризуется именно тем, что она стала иметь дело с тяжелыми формами психогенных психозов, обусловленных новым макросоциальным фактором: в стране была развернута беспрецедентная компания по обнаружению и

*Материалы Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС от 1956 года.

разоблачению «врагов народа». Все средства массовой информации того времени – радио, газеты, плакаты, кинофильмы и даже сюжеты цирковых представлений ежедневно и со всех сторон призывали к бдительности и к гражданскому долгу – разоблачать врагов, каким бы социальным положением они не маскировались. На эту тему проводились массовые митинги и регулярные политзанятия. Тотальный психологический прессинг становился тяжелым постоянно действующим психотравмирующим фактором. От граждан настоятельно требовалась неизменная революционная бдительность, направленная на разоблачение банд подпольных «врагов народа». Писатель-публицист И. Эренбург (1960) в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» эту ситуацию назвал государственным «заказом на стукачество».

После разоблачения культа личности в стране началась широкомасштабная работа по посмертной реабилитации сотен тысяч советских граждан, уничтоженных как «враги народа» из-за этого заказного стукачества. Если у прокуратуры возникали сомнения в психическом здоровье лиц, на основе показаний которых выносился приговор, а каких-либо других улик для ареста не было, то в отношении этих лиц назначалась посмертная судебно-психиатрическая экспертиза.

Автору представленного историко-аналитического труда приходилось в 60-е годы работать в группе судебных психиатров, проводивших такие посмертные экспертизы. Суть этой работы сводилась к изучению многочисленных документов, предоставленных нам Генеральной прокуратурой СССР, они касались лиц, по доносам которых были, как потом оказалось, безосновательно арестованы и осуждены к расстрелу по ст. 58 УК РСФСР социально активные граждане (ученые, служащие госаппарата, общественные деятели, военнослужащие комсостава и др.).

Как отмечалось, несмотря на то, что при новом рассмотрении реальность самого преступления прокуратурой ставилась под сомнение, однако в уголовных делах были однозначные показания о «преступной» деятельности обвиняемого, который был в дальнейшем репрессирован на основании доноса конкретного лица. Возникла необходимость проверить психическое здоровье этого лица. В

некоторых случаях можно было достаточно легко дать экспертное заключение о психическом расстройстве доносчика, почти во всех этих случаях они страдали шизофренией, в других же случаях возникали дифференциально-диагностические проблемы, иногда очень существенные. Так или иначе, почти всегда представлялось возможным констатировать психотравмирующее влияние негативной макро психологической ситуации, установившейся в государстве.

Так, один из слушателей Военно-политической академии им. В.И. Ленина написал в «органы», что преподаватель Х. «формально правильно говорит о напряженной международной обстановке», но на самом деле «судя по интонации, выражению лица и речевым оборотам, меняет смысл лекции и призывает слушателей объединиться для уничтожения руководителей партии и правительства». Секретной почтой этот слушатель адресовал свои, несомненно, психопатологические интерпретации, на имя К.Е. Ворошилова, члена Политбюро, Наркома обороны. Этих «материалов» было достаточно, чтобы Х. арестовали по ст. 58 УК РСФСР, а затем расстреляли.

Как удалось установить при экспертизе в этом и ряде других случаев психическое состояние доносчиков характеризовалось развитием монотематического бреда, фабула которого по существу отражала нагнетаемую тоталитарной Системой атмосферу всеобщей подозрительности, шпиономании. Эти случаи вполне соответствовали положению А.В. Снежневского (1955) об отражении в фабулах бреда реальной социальной ситуации.

Следует отметить, что такая бредовая убежденность в том, что тот или иной человек – «враг народа», нередко возникала как озарение, и побуждала к немедленному донесению этого «факта» до «компетентных органов» или же к принятию самостоятельных акций противостояния «врагу народа».

Один из таких индуцированных больных шизофренией, когда пришел к мавзолею Ленина, у которого всегда собиралась небольшая толпа посмотреть на торжественную смену почетного караула, неожиданно выхватил спрятанный нож и ударил им в шею рядом стоящего постороннего мужчину. При задержании объяснил, что «по мыслям» пострадавшего он понял, что тот хочет взорвать

мавзолей – «это святилище родной партии и всего мирового пролетариата», и считал своим долгом убить «подлого врага».

Ряд лиц, на основе бредовых утверждений которых строилось обвинение, впоследствии, спустя годы, были госпитализированы в психиатрические больницы в связи с развитием явно психотических состояний. Там у них выявлялись такие шизофренические симптомы, как бред воздействия, галлюцинации (слуховые и даже обонятельные), эмоциональная сглаженность, что служило основанием для постановки диагноза шизофрении. Такие случаи прижизненного диагностирования психического заболевания позволяли при проведении уже посмертных экспертиз более уверенно оценивать фабулу доноса как бредовую.

Вместе с тем были установлены и случаи, когда помимо идей шпиономанической фабулы не выявлялись какие-либо другие психические нарушения, нозологически квалифицировать эти состояния было весьма затруднительно.

На фоне описанной шпиономании со второй половины 30-ых годов дополнительным психотравмирующим фактором становится расширяющийся государственный террор, это приводило к формированию атмосферы страха перед властями, и эта атмосфера, нависшая над страной, сохранялась вплоть до смерти Сталина. Когда в это время в Москве на Лубянской площади в здании акционерного общества Госстраха разместился наркомат внутренних дел, то этот дом вместо «Госстрах» стали называть «Госужас». Мой отец был свидетелем того, как в эти годы в московский донской крематорий ночами грузовиками свозили трупы (видимо, с Лубянки или из Лефортовской тюрьмы НКВД), а потом москвичи воочию видели, как черный дым круглосуточно шел и клубился над крематорием. Слухи об этом ужасе укрепляли атмосферу страха, застывшую в столице.

Конечно, я не могу говорить, как широко был распространен страх перед Системой, но то, что он был, могу лично засвидетельствовать. Моя двоюродная бабушка Варенцова Ольга Афанасьевна была крупным функционером ВКП(б), и я помню, как она торопливо жгла у меня дома в голландской печке свою переписку с Н.И. Бухариным, А.Н. Рыковым, А.С. Бубновым и другими партийно-государственными деятелями. Прекрасно помню, как меня в конце 30-х и в 40-ые

годы «ставили на шухер» во дворе у окна нашей расположенной на первом этаже квартиры, когда родственники и их друзья собирались по какому-либо случаю и за столом обсуждали жизнь в стране. Я свидетель не только арестов соседей по дому, но и арестов на улице, когда, как говорится «среди бела дня», людей хватили, заталкивали в «эмку» и увозили на Лубянку. В 1952 году непосредственно во время лекции в аудитории I Медицинского института был арестован профессор кафедры биохимии Б.И. Збарский: одновременно в обеих дверях аудитории вдруг появились сотрудники МГБ в форме. Профессор сразу всё понял, но нашел в себе мужество попрощаться с нами и пожелать нам стать хорошими врачами – больше мы его не видели.....

Ещё одно важное обстоятельство. Арестам подвергались нередко граждане, лояльные государству, достигшие достаточно высокого социального положения и хорошего материального обеспечения. Для них арест был полной неожиданностью, и им было что терять. Эти граждане имели представление о содержании 58 статьи УК, знали, что с Лубянки никто не возвращался, что их родные также будут репрессированы, что никаких перспектив оправдаться не будет. Иными словами, имели место все предпосылки для развития тяжелой стрессовой реакции на факт ареста – реактивного психоза.

Клинически она чаще всего выражалась или ранее известными состояниями – психогенным ступором, псевдодеменцией, пуэрильностью, или же новым клиническим явлением в виде «синдрома одичания». Последний характеризовался полным отсутствием вербального контакта. Больные превращались как бы в животных: лаяли, ходили на четвереньках, пищу принимали только из мисок, поставленных на пол. Понятно, что какие-либо следственные действия с ними, так же как и со ступорозными, мутантными, псевдодементными и пуэрильными, проводить было невозможно. Таких больных также нельзя было отдавать в руки прокуратуры и подвергать судебному преследованию. Они нуждались в лечении, но переводить их в гражданскую больницу было нельзя: они были «политическими».

Поскольку число острых психотических состояний, диагностированных как реактивный психоз, резко возрастало, Система была вынуждена искать выход из

создавшейся сложной социально-психиатрической ситуации. Пришлось для этих «спецпсихбольных» создавать «спецпсихиатрическую службу» со своими больничными койками. В 1939 года распоряжением наркома внутренних дел Лаврентия Берии специальный корпус гражданской Казанской психиатрической больницы Наркомздрава был переведён в прямое подчинение НКВД, а в 1951 г. под эти цели было отдано здание ленинградской женской тюрьмы.

Государство не успевало должным образом обеспечить эту вновь созданную психиатрическую службу всем необходимым. А когда началась война, то положение больных оказалось просто катастрофическим. Мне в 1963 г. начальник Казанской «спецпсихбольницы» К. Свечников рассказывал, что после начала Великой Отечественной войны за зиму 1941—1942 гг. все пациенты погибли от холода и голода. Их даже не хоронили, а выносили к внутренней стороне больничной стены и складывали штабелями, так как мёрзлую землю некому было копать. Все эти больные привлекались по «политическим статьям», основным диагнозом был реактивный психоз.

Появившийся новый, психогенный, контингент больных стал теснить прежний, который состоял в основном из признанных невменяемыми тяжелых больных шизофренией. Больных же «мягкой шизофренией» уже давно не было.

Таким образом, покров репрессивной Системы изменил практику работы судебной психиатрии. Однако, к сожалению, не только трагедия, случившаяся с судебно-психиатрической службой, определяла историю этого советского периода отечественной психиатрии. Система была тотальной, она давила и творческую научную мысль.

Большевицкой покров на советской науке.

В послевоенное время печальный след оставили два крупных политических мероприятия, накрывших своей «единственно-научной» догмой биологию и медицину (в том числе, конечно, и психиатрию). Они были звеньями политики Сталина в области науки, имевшей целью установление идеологического контроля над научными исследованиями и самими учёными. Частью этой политики было

преследование некоторых из них за приверженность «буржуазным» и «идеалистическим» направлениям.

В 1948 году состоялась сессия ВАСХНИЛ — Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. Что было с ней, около неё и после неё – всё это характерно для науки сталинского времени. Как тогда писали газеты, она «показала полное торжество прогрессивного мичуринского направления над реакционно-идеалистическим морганизмом-менделизмом». Генетика была объявлена чуждой советскому народу буржуазной лженаукой и названа «продажной» девкой империализма (потом так окрестили и зарождающуюся кибернетику). Речь Т.Д. Лысенко, в которой он громил генетику, неоднократно прерывалась выкриками из зала: «Слава великому Сталину, вождю народа и корифею передовой науки!», которые сопровождались [как написано в стенограмме] «бурными, долго не смолкающими аплодисментами, переходящими в овацию. Все встают». И только немногие склонили головы от стыда и отчаяния.

Все генетические исследования в СССР были практически прекращены и генетика как «лженаука» скрылась с научного горизонта страны на целое десятилетие. Победа Лысенко в 1948 г., запрет истинной науки на протяжении многих лет, прекращение преподавания современной биологии в школах и вузах нанесли чрезвычайный ущерб нашей стране. Ущерб, не преодоленный до настоящего времени. Стало опасно даже произносить слова «ген», «хромосома», упоминать без ругательств великие имена Менделя, Моргана, Вейсмана.

Последующие события тоже были характерны для тоталитарно-репрессивной Системы. После этой сессии около 300 генетиков подверглись административным гонениям. Среди них был и мой (в последующие 1959 – 1963 годы) учитель проф. А.Г. Галачьян. Он был вынужден оставить свои исследования по генетике психических расстройств, проводившиеся на кафедре психиатрии им. С.С. Корсакова, и искать другую работу. Однако большинство ученых принесли покаяние. Так, один из них опубликовал в газете «Правда» характерное для духа того времени письмо-оправдание: «До тех пор, пока нашей партией признавались оба направления в советской генетике, я настойчиво отстаивал свои взгляды, которые по частным вопросам расходились с взглядами академика Лысенко. Но

теперь, после того, как мне стало ясно, что основные положения мичуринского направления в советской генетике одобрены ЦК ВКП(б), я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным Комитетом нашей партии».

Павловские сессии продолжили дело Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года уже в области физиологии. Это была совместная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР (Москва, июнь – июль 1950 года), а также объединенное заседание расширенного президиума Академии медицинских наук СССР и Пленума правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров, (октябрь 1951 года). Сессии были организованы с целью борьбы с влиянием Запада на советскую физиологию и психиатрию. Результатом сессий явилось то, что советская физиология и психиатрия оказалась изолированными от международного научного сообщества, замедлилось развитие генетики, физиологии, психологии, психиатрии.

На этих сессиях павловская физиология была признана «генеральной, единственно правильной научной линией», а поэтому отступающих от неё было предписано низвергать. Очевидцы вспоминали: «Длившееся пять дней упомянутое заседание скорее напоминало суд инквизиции. Основной доклад звучал как обвинительное заключение в адрес видных психиатров. Подвергшиеся обвинениям каялись, признавали свою вину, отрекались от годами вынашиваемых научных идей как от ереси, обещали исправиться и исповедовать только учение И. П. Павлова ...». Шабаш вокруг имени Павлова достиг апогея. Но за этим не стояло никакой реальной научной программы. Требовалось присягнуть на верность Павлову, поскольку на этом настаивал Сталин. Присягавшим могло казаться, что, тем самым, они поддерживают честь отечественной науки, великим представителем которой был Павлов. В действительности же они предавали его дело, те высшие нравственные и научные ценности, которым он беззаветно служил.

В докладе «Состояние психиатрии и ее задачи в свете учения И.П. Павлова» и особенно в его обсуждении было столько марксистско-ленинского словоблудия, что говорить о научных достижениях советской психиатрии просто

невозможно. Когда читаешь материалы этого объединенного заседания, то невольно возникает мысль: несовместимы не наука и религия, а наука и политика.

А как пройти мимо факта, что волны политического террора 1948 и 1952 годов совпали с нападками на психиатрию именно в эти же годы? Нет, мимо не пройти – всё в едином историко-политическом контексте, прописанном Системой. Результатом подобных совпадений явилось то, что было прервано нормальное, естественное, развитие генетики, физиологии, психологии, психиатрии...

Говоря о слабости, а то и явной ошибочности научно-методического обеспечения практической психиатрии, нельзя не отметить и позитивные явления. Наши оппоненты как образец «науки» в сталинский период истории приводят имя Лысенко – согласен, что здесь слово «наука» действительно должно быть в кавычках. А как быть с Ипполитом Васильевичем Давыдовским, великим патологом, труды которого питали и психиатрию? Он жил и работал в то же советское время. Имена некоторых других наших выдающихся ученых я уже упоминал.

Мало кто из современных коллег-психиатров знает историю о том, как наши психиатры-ученые спасли тысячи жизней своих пациентов от губительной практики операций лоботомии, придуманной, насаждаемой на Западе и шедшей к нам.

В западном мире вскоре после войны был информационный бум о победе их передовой науки в сфере патологии душевной деятельности. Мол, скальпелем можно вылечить душу. Дело дошло до операций на мозге – «процедуры устранения из душевной болезни пациента эмоциональной составляющей». Однако, великий советский нейрохирург Н.Н. Бурденко критически отнесся к этому «достижению» западной науки и еще в 1946 году опроверг мнение о том, что психиатрия — «музыка далёкого будущего».

Тем не менее, в 1949 году португалец Эгаш Мониш был удостоен Нобелевской премии по физиологии и медицине «за открытие терапевтического воздействия лоботомии при некоторых психических заболеваниях». С начала

1950-х годов только в США проводилось около 5 тысяч (!) лоботомий в год. Часто лоботомию выполняли врачи, не имевшие хирургической подготовки, в чём и заключалось легкая доступность злоупотреблений этим психохирургическим вмешательством. Не имея образования хирурга, психиатр Фримен, тем не менее, совершил около 3500 таких операций, путешествуя по стране в собственном фургоне, который был назван им «lobotomobile» — такой бизнес действительно есть злоупотребление в психиатрии.

К чести советских психиатров научная несостоятельность лоботомии была установлена со всей определенностью. В 1950 г. после упорной борьбы с некоторыми коллегами-психиатрами В.А. Гиляровский показал противоречие этого «заокеанского плода лженауки» основным принципам учения И. П. Павлова и добился того, что Минздрав СССР издал приказ, запрещающий лоботомию. Сколько же человеческих судеб было спасено! А на Западе число данных операций прямого хирургического вмешательства в головной мозг стало сокращаться лишь через пять лет, когда обнаружилось трагические последствия таких «нейротехнологий»: после операций эти жертвы «научного прогресса» теряли человеческий облик. Однако, на Западе о реально имевшемся злоупотреблении в психиатрии никто не говорил. А если бы такие операции разрешили делать в Советском Союзе, то какой бы был крик о карателях-психиатрах с ножами в руках. И этот крик стоял бы до сих пор.

Как ни странно, в постсоветское время «независимыми» психиатрами и прочими «правозащитниками», формирующими в Интернете представления по истории отечественной психиатрии, критика А.В. Снежневским сторонников лоботомии в нашей стране на так называемой «Павловской сессии» была интерпретирована как проявление антисемитизма и чуть ли не мракобесия в психиатрии.

Радикальное ослабление негативного влияния большевистской системы на психиатрию произошло только после смерти И.В. Сталина. Теперь во все еще остающемся тоталитарным государстве всё же прекратились поиски надуманных «врагов народа», упал спрос на доносчиков, прекратилось мрачное «дело врачей», появились надежны на прекращение политических репрессий.

Соответственно тяжесть психогенных психотических состояний стала уменьшаться вплоть до выздоровления, что привело к тому, что резко увеличилось количество выписывающихся из специальных психиатрических больниц МВД. Примером радикального изменения клинической картины среди контингента лиц, проходящих экспертизу в Институте им. В.П. Сербского, может служить такой факт: научный сотрудник, начавший выполнять кандидатскую диссертацию по теме «Синдром одичания», вынужден был её оставить, поскольку такие тяжелые психогенные состояния больше не возникали.

Итак, закончился первый период истории отношений «государство — психиатрия». Он явно состоял из двух этапов: до и после установления политики террора в стране. На первом этапе несомненно наблюдалось позитивное развитие теории и практики отечественной психиатрии. Развитие свободное и продуктивное. На втором этапе сформировались новые реалии: государственное вмешательство в теорию психиатрии (вплоть до директивного запрета на научные концепции) и в её практику (от указаний на «революционную целесообразность» определенных судебно-психиатрических экспертных заключений и до репрессий в отношении непослушных психиатров). В чём же здесь виновата сама психиатрия? В чём проявлялась её «карательная» сущность?

Уверен, что специалистам ясны ответы на эти вопросы: «Ни в чем!» и «Никак!». Но у «правозащитников», у «борцов с режимом и Системой» ответы будут прямо противоположные. Противоположные потому, что у одних из них нет профессионального знания и понимания, а у других ответы определяются исходным оппозиционным настроем и к государству и к психиатрии. В целом же ни те, ни другие не знают фактов реального положения дел. По существу же были партийно-государственные злоупотребления психиатрией, злоупотребления Системы, а не злоупотребления психиатрии. Была беда психиатрии, а не её вина.

Советская психиатрия второго (пост сталинского) периода её истории.

[В главе в основном использованы собственные материалы, в том числе специально полученные для данной работы.]

Второй период начался после смерти Сталина и продлился до развала Советского Союза. Особое значение для психиатрии этого периода, конечно, имел доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС в 1954 году, в котором утверждалось и осуждалось наличие политических репрессий в стране. Другим важным событием стала проверка в 1956 г. Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС работы психиатрической службы в стране.

После этих событий прямое политическое вмешательство государства в дела психиатрии вроде бы ослабло. В Институте судебной психиатрии им. В.П. Сербского сменилось руководство. В 1957 г. его возглавил доцент кафедры психиатрии 1 Московского медицинского института Г.В. Морозов. Морозов первым делом постарался поднять профессионализм сотрудников Института им. Сербского. Были приглашены для работы в институте высококвалифицированные ученые (в частности, ученик П.Б. Ганнушкина профессор А.Г. Галачьян) и плеяда молодых психиатров. Стали проводиться регулярные клинико-диагностические конференции под руководством академика Е.А. Попова из клиники психиатрии им. С.С. Корсакова 1ММИ, а затем проф. О.В. Кербилова, зав. кафедрой психиатрии 2 Московского медицинского института*. Помню, как несколько раз на клинических конференциях Олег Васильевич не мог сдержаться и прямо говорил оставшимся с прежнего времени профессорам: «Ну, Вы опять пальцем в небо!».

С середины 50 годов началась реабилитация не только граждан – жертв репрессивно-карательной Системы, но и возвращение к правильным клиническим разработкам, начатым в 20 – 30 годы, в том числе теме мягкой шизофрении. Однако термин «мягкая шизофрения» как оставивший одиозно-печальный след в психиатрии так больше и не применялся и был заменен понятием медленной, вялотекущей шизофрении (Наджаров Р. А., 1955; Озерецковский Д. С., 1956, 1959; и др.). Клиника такой шизофрении по ряду показателей была близка «псевдоневротической шизофрении», ранее описанной американскими психиатрами Р. Hoch и Р. Polatin (1949). Она стала прицельно изучаться

* Надо отдать должное доценту Г.В. Морозову, он, не чувствуя за собой авторитета крупного клинициста, приглашал для проведения клинических конференций ведущих московских профессоров-психиатров.

сотрудниками проф. А.В. Снежневского. Этот клинический вариант вялотекущей шизофрении и его различные формы были внесены в МКБ-9 (шифры 295.5–295.59). Клинически реалистическое изучение такой формы шизофрении значительно обогатило психиатрическую науку и сыграло положительную роль в судьбах многих действительно больных.

В 1960 г. мой научный руководитель в Институте им. В.П. Сербского проф. А.Г. Галачьян предложил мне для кандидатской диссертации тему: «Клинические особенности и судебно-психиатрическая оценка в случаях медленно текущей шизофрении» (диссертация закончена и защищена в 1964 г.). Тема диссертации была актуальной, поскольку она готовилась в период начавшихся обвинений психиатрии в её использовании в политических, «карательных» целях: якобы, для этого «советским психиатрам предписали придумать» вялотекущую шизофрению.

Было необходимо проверить обоснованность этих обвинений, изучить реальные клинические особенности такой шизофрении и разработать судебно-психиатрические экспертные решения при ней. В диссертации было ещё раз показано то, что шизофрения, как и все другие хронические заболевания (туберкулез, ревматизм, туляремия и др.), может протекать и остро, злокачественно и вяло, медленно, «мягко», что диагноз вялотекущей шизофрении может быть поставлен только на основании наличия несомненных и специфических (хотя и слабо выраженных) клинических признаков этого психического заболевания и что такая психопатология не исключает возможности социально-психологически адекватных действий больных. Это положение дало основание утверждать, что «диссидентство» может не иметь какой-либо сопряженности с психопатологией и что само по себе оно не должно использоваться как диагностический признак шизофрении.

Картинка из личной жизни: мое вхождение в судебную психиатрию.

Я в 1953 году я начал работать в кружке научно-студенческого общества I ММИ при кафедре психиатрии им. С.С. Корсакова. Вёл занятия доц. Г.В. Морозов.

После окончания института в 1957 г. я работал в городской психиатрической больнице им. П.П. Кащенко. В 1959 году совершенно случайно встретил Г.В. Морозова, который поинтересовался где и как я работаю и пригласил перейти к нему в Институт им. Сербского. Я сказал, что ещё не отработал положенный по окончании ВУЗа трехлетний срок. Однако, Г.В. заявил, что его назначили директором этого Института, он подбирает новые кадры, и мне сделают служебный перевод. Ранее я один раз был в этом Институте во время занятий в психиатрическом кружке, но о каких-либо политических негативах в его деятельности не знал. Когда я стал с коллегами-психиатрами больницы им. Кащенко советоваться о переходе, то почти все меня отговаривали, называя этот Институт «проститутотом». Однако я узнал, что Г.В. Морозов действительно радикально реформирует доверенное ему учреждение и согласился на его предложение.

В Институте я начал работать младшим научным сотрудником под руководством проф. А.Г. Галачьяна, ученика почитаемого мной П.Б. Ганнушкина. А.Г. Галачян тоже пришел работать в Институт им. Сербского по приглашению нового директора Г.В. Морозова.

Делая под его руководством обходы в женском отделении, я обратил внимание, что в одной из палат содержится в полном одиночестве подэкспертная, имя и фамилию которой не называли, не разрешали с ней разговаривать. Допускался только вопрос о ее физическом самочувствии – она была "спецевской". Как потом оказалось, она была арестована за чтение книги П. Кропоткина "Записки революционера". Характерный парадокс того времени: экспертный корпус, в котором была эта «диссидентка», находится в Кропоткинском переулке напротив дома с мемориальной таблицей с именем П.А. Кропоткина. Так я впервые узнал о существовании "государства в государстве".

Этим "государством в государстве» было 4-е "специальное" отделение Института им. В.П. Сербского. Оно было образовано, как мною упоминалось, ещё в конце 30-х годов, когда в период массовых сталинских репрессий пошел на экспертизу поток лиц, обвиняемых по пресловутой политической статье 58 УК РСФСР "Контрреволюционные преступления". Для освидетельствования этого

контингента испытуемых, которых по режимным предписаниям нельзя было помещать в общие палаты, и создалось это "государство в государстве" со своими законами и порядками.

Сложившиеся в годы Большого террора порядки работы этого отделения сохранялись и в последующие годы. Психиатры-эксперты, которые работали с "обычными" уголовниками, не имели доступа в "специальное" 4-е отделение. Они даже не могли знать, кто там находится и в чем обвиняется. Однако во время суточных дежурств по Институту дежурный врач обязан был приходить и в это отделение, в котором две палаты были отведены именно для «спецподэкспертных» (я не помню, чтобы эти палаты были когда-либо полностью заполненными). Дежурный врач должен был спросить у каждого из этих подэкспертных, нет ли каких жалоб на физическое нездоровье, никаких же других вопросов задавать не разрешалось, не разрешалось также спрашивать имя и заводить какие-либо разговоры. В целом же мало кто из нас, дежурных врачей, интересовался, в чем эти люди обвинялись.

"Политических" привозили на отдельном транспорте и, когда их выводили из спецмашины в это отделение, то специальная охрана следила за тем, чтобы кто-либо из "обычных" экспертов не смог заглянуть в лицо и опознать вновь прибывшего. Для работы в "спецевском" отделении отбирались особо политически лояльные психиатры. После тщательной проверки по линии КГБ и подписок о строжайшем соблюдении секретности они получали доступ к работе. Более того, даже работая в этом отделении, врач не имел права интересоваться кому, по какому обвинению проводит экспертизу его коллега, сидящий за соседним столом. За всем этим следила особая служба.

Среди «правозащитников»-диссидентов, распространен миф будто руководитель этого отделения проф. Д.Р. Лунц был полковником КГБ. Это утверждение пошло со слов бывшего генерала П. Григоренко, который находясь на экспертизе, якобы видел Лунца в форме. Я не могу сказать, что привело П. Григоренко к таким утверждениям – расстройство восприятия или заведомая ложь, поскольку и то и другое от него ожидаемо, но могу свидетельствовать, что начиная с первого года своей работы в Институте (1959) и до последнего года

жизни Д.Р. Лунца (1977), я его видел практически еженедельно (на планёрках, на ученых советах, конференциях, в очереди в кассу Института за зарплатой и т.д.) и ни разу в мундире офицера КГБ. И никто не видел, и никто об этом не слышал, и не мог слышать, поскольку Лунц, хотя и был офицером, но лишь майором медицинской службы в годы войны – и всё, и никакого КГБ и никакой зарплаты в этом ведомстве. Но нужно было «правдоискателям» утверждать, что экспертиза в Институте им. Сербского осуществлялась «чекистами».

Посмотрите, читатель, как утверждается их «правда»: П. Григоренко, казалось бы, только «видел», А.П. Подрабинек это «видение» утвердил в своей «Карательной медицине» уже как достоверность, далее эта «достоверность» как реальный «факт» попала в «Доклад о нарушениях прав человека в Российской Федерации при оказании психиатрической помощи» и теперь она зафиксирована в Википедии. Мне Д.Р. Лунц никогда не был симпатичен, я его считал слабым диагностом, у него не было «чувства шизофрении». Мне казалось, что он боится Системы и действительно может «прогнуться», но это моё субъективное отношение. Но полковником КГБ он никогда не был и служебного подчинения руководству КГБ не имел.

Образование и наука в пост сталинский период советской психиатрии.

Кадры.

К сожалению, я вынужден признать низкий в целом профессиональный уровень советских психиатров. Но это, опять же, была их беда, а не вина. Беда эта формировалась, начиная с периода обучения в медицинском вузе. Я учился в 1951 – 1957 гг. и за 6 лет обучения на психиатрию пришлось 2 недели семинарских занятий и один лекционный семестр – по одной лекции в неделю. И всё! Но зато мы четыре курса изучали политические «науки» (историю ВКП(б), политэкономия) и сдавали госэкзамен по политзнаниям. Для самостоятельного обучения психиатрии была доступна только советская литература*.

Тоталитарное, «идеологически правильное» государство оберегало

* Мне повезло, мой отец имел прекрасную библиотеку с книгами Корсакова, Кандинского, Сикорского, Сербского, Крепелина, Крафт-Эбинга, Блейлера и других классиков психиатрии, а с 3-го курса я уже работал в научном кружке при кафедре психиатрии им. С.С. Корсакова I ММИ.

общество от «буржуазной лженауки». Психиатрия здесь не была исключением. Научным психиатрическим учреждениям предписывалось регулярно проводить под контролем райкомов партии философские семинары, на которых критически осуждать научные концепции зарубежной психиатрии. Всё это неукоснительно (по крайней мере, в Институте им. В.П. Сербского, в котором я работал с 1959 года) исполнялось. Критика зарубежных ученых была по советской традиции без возможности ознакомиться с первоисточниками критикуемых концепций. Особо доставалось К. Ясперсу, К.Г. Юнгу и всему экзистенциализму. Это выразилось, в частности, в том, что советская психиатрия в годы тоталитарного режима считала порочным проникновение во внутреннюю жизнь пациента – такое называлось идеологически чуждой психологизацией, экзистенциализацией.

У советских психиатров (да и у современных, в том числе зарубежных) не было достаточного осмысления того, что в социально значимых действиях (к которым, несомненно, относится диссидентство) могут быть задействованы и психологические (душевные) и социально-нравственные (духовные) детерминанты. При этом если есть расстройства на уровне психологии, то уровень духовный может быть сохранен. Иными словами: наличие психопатологии (расстройств на душевном уровне) не исключает сохранность и адекватность духовной сути личности и её проявлений в социальном поведении. В этой связи возможность того, что человек может вести себя "не так, как все" не только по причине психической болезни, а исключительно исходя из своих моральных установок, согласно своей совести – советской психиатрией просто не допускалась.

Отсюда вытекало и следствие: если человек не такой как все, если выступает против политической системы – надо искать "психопатологические механизмы" инакомыслия.

Даже в тех случаях, когда катамнез подтверждал правильность устанавливавшегося диагноза шизофрении, это далеко не всегда должно означать, что именно психические расстройства были причиной политического инакомыслия и, тем более, что от него надо было проводить принудительное лечение в специальных психиатрических больницах. Тем, что видные психиатры находили признаки психической патологии, например, у Петра Григоренко,

Жореса Медведева или у других активных диссидентов, никак нельзя объяснить их политическое инакомыслие. Их диссидентство как проявление духовной принципиальности не являлось результатом психической болезни, а поэтому не содержало в себе медицинского критерия невменяемости. Не диагностирование психопатологии было ошибочным, а заключение о невменяемости в связи с этим диссидентством. Но здесь нет вины судебных психиатров, здесь вина Системы, не дававшей возможности творческого развития учения о вменяемости/невменяемости, догматизировавшей невменяемость при политическом инакомыслии у лиц с какой-либо, даже незначительной психопатологией.

У советских психиатров без знакомства с трудами таких их современников как Тимото Шибутани и Виктор Франкл не могло сложиться представление, что само по себе психическое расстройство не может предопределить политическую ориентацию. Ещё раз подчеркну: в советской психиатрии никем не озвучивался тот факт, что как психически здоровые, так и психически больные, имеющие один и тот же психопатологический синдром, могли быть и фанатичными сторонниками советской власти и ярыми её противниками.

На всех навязанных Системой политзанятиях и семинарах я ни разу не слышал даже допущения того, что политические ориентации личности относятся к её высшей, смысловой, духовной, сфере, которая, как не имеющая собственного биологического субстрата, сама по себе не может болеть в медицинском понимании этого слова, и поэтому она не может быть изменена в результате какого-либо медикаментозного воздействия. Более того, в советское время употребление слов «душа», «духовность» в психиатрическом лексиконе было просто недопустимо. Такая теоретическая ущербность сказывалась и на практике.

Советские психиатры были политической Системой государства отрезаны от достижений мировой психиатрической мысли. Невежественные политические утверждения руководителя государства Н.С. Хрущева, о том, что антисоветизм может исходить только от психической болезни, не встречали возражений (а где-бы в условиях тоталитаризма психиатры того времени могли высказать эти возражения?). К сожалению, были психиатры, которые действительно считали,

что психотропными средствами можно изменить политические ориентации, то есть можно ими корригировать высший, духовный уровень личности.

В этой связи «правозащитники»-хулители отечественной психиатрии нередко задают вопрос: насильственное лечение инакомыслящих – злонамеренное служение «карательной системе» или же это профессиональная неграмотность советских психиатров? Реальность показала, что речь должна идти о последнем, именно о неграмотности, ущербности и никак о злонамеренности.

Печальным примером такого положения может служить насильственное «лечение» диссидентствующего академика А.Д. Сахарова. Это лечение, безусловно, является не только нарушением этических норм и вмешательством психиатрии в личную жизнь академика А.Д. Сахарова, но и свидетельством материалистического догматизма советской психиатрии. С конца 1981 году после ссылки в г. Горький Сахаров провёл три длительных протестных голодовки. В течение этого времени его без согласия госпитализировали и насильно кормили. В июне 1983-го объявили душевнобольным, и к нему был направлен председатель Всесоюзного психотерапевтического центра, заведующий кафедрой психотерапии Центрального института усовершенствования врачей проф. В.Е. Рожнов, ранее бывший заместителем по науке директора Института им. Сербского. Ему была поставлена задача изменить «средствами психотерапии» установки академика на продолжение голодовки. Затем в помощь Рожнову был вызван доцент Ю. Л. Покровский, которому была поставлена такая же задача – с помощью психического воздействия заставить А. Сахарова прекратить голодовку. Он был представлен А. Сахарову как невропатолог. Покровский, проверил его рефлексы («как невропатолог») и, чтобы лучше войти в контакт, говорил с ним на философские темы, в частности, о сложности строения головного мозга. Однако, психотерапевтические приемы не помогли (не о том, надо было говорить! – Ф.К.). Летом 1984 года в западной прессе начали утверждать, что Сахарову «стали давать психотропные препараты». Документов об этом нет, но жена Сахарова Е. Боннэр подтверждала, что на нем действительно пробовали и гипноз и какие-то психотропные вещества с целью сломить волю. Если это так, то такие попытки действительно свидетельствуют не только о нарушении этических норм, но и о материалистически догматическом подходе к сущности личности. Как будь то бы,

воздействуя на телесный или душевный уровень измерения личности можно изменить что-то в содержании и качестве её духовного уровня.

Нельзя не отметить, что в этот, второй (постсталинский) период истории советской психиатрии положение с наукой всё же становилось лучше. Для психиатров-москвичей в 60-х годах большую положительную роль сыграли публичные лекции (они проводились в Большой аудитории Политехнического музея) академика АМН СССР, Героя Социалистического Труда Ипполита Васильевича Давыдовского. В те дни, когда И.В. читал лекции на темы "Индивидуальное в патологическом", "Проблема причинности в медицине" в аудитории, как говорится, яблоку некуда было упасть. А.В. Снежневский вспоминал, что его творческое содружество с И.В. Давыдовским, особенно монография "Общая патология человека", много дали ему для понимания патокинеза шизофрении, в первую очередь ее вялотекущих вариантов.

Вместе с тем оставался неизменным явный недостаток советской судебной психиатрии, исходящий из концепции дихотомичности: «вменяем – невменяем». Не было чего-то промежуточного, типа «ограниченной» вменяемости, что открыло бы возможности для заключений о вменяемости (ограниченной) при сохранении диагноза той же вялотекущей шизофрении. Политическое вмешательство в теорию и практику психиатрии, происшедшее на 2-м Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров в 1936 году, наложило табу на клинически обоснованную разработку таких экспертных решений в отношении шизофрении, психопатий и других форм психической патологии непсихотического уровня, предлагавшихся Н.П. Бруханским. Это табу – ещё одна беда, но не вина советской психиатрии!

Обсуждая общее положение отечественной науки в области психиатрии советского периода её истории, я, к сожалению, и без всяких хулителей-«правозащитников» знаю достаточно много негативных фактов, связанных с её идеологической изоляцией от тех школ и направлений в мировой психиатрической науке, которые были несомненно прогрессивными. Но я не могу в том винить коллег-психиатров: за исключением крайне редких случаев в этом была вина

Системы, закрывшая своей большевистской пеленой доступ к достижениям мировой творческой научной мысли.

О такой же вине Системы можно говорить и обсуждая её кадровую политику. Петербургский писатель от психиатрии Владимир Пшизов в интернет публикации «Психиатрия тронулась?», утверждает, «возвращаясь к истокам и особенностям советской репрессивной психиатрической практики», что для беспартийного психиатра «потолком в СССР были должность заведующего отделением и ученая степень кандидата наук. Все выше этого назывались номенклатурой райкома, горкома, обкома КПСС». Нечто подобные утверждают и другие хулители советского прошлого, однако это не так, и я тому пример. Моя личность формировалась в среде, в которой достаточно критически относились к большевистской Системе, к её двойным стандартам, лжи и репрессиям (об этом я писал в выше упомянутой автобиографической книге), и я партию не вступал, можно сказать, по идеологическим соображениям. Но будучи беспартийным, я в 1970 году был назначен Председателем Центральной комиссии МЗ СССР по прекращению принудительного лечения в СПб МВД, в 1973 году защитил докторскую диссертацию, затем стал профессором нашего Института им. Сербского и профессором кафедры криминалистики юридического факультета Военного университета Министерства обороны, получил руководство экспертным отделением Института, многие годы был председателем профкома Института и членом райкома профсоюза медработников. К этому же, объездил «весь мир», был во многих странах Европы, Азии и Африки, в США (1974) и Японии (1978).

Ради правды, однако, должен чуть отступить. После моего возвращения из США, в 1975 году Министерство здравоохранения стало меня «вести» на должность директора Московского Института психиатрии МЗ РСФСР. Я уже проходил соответствующие собеседования, комиссии, в том числе и с инструктором ЦК КПСС. Я не хотел быть директором, знал, что на нем лежат решения чуждых мне хозяйственных и кадровых проблем, и на одном из собеседований сказал об этом, заявив, что в таких вопросах абсолютно не разбираюсь. В ответ получил: «Не знаешь – научим», и мне была указано, когда и в какой кабинет прийти в ЦК КПСС. Мне оставалось только спросить: «А как я туда пройду?». После его ответа: «Ну как, по партбилету», я сразил этого инструктора:

«У меня нет партбилета. Я беспартийный». Я мог бы описать выражение лица, возникшее у этого товарища, если бы не был ограничен регламентом, но было видно, как трудно ему себя сдерживать, и он мрачно закончил: «Можете идти, больше встреч не будет»*.

Да, согласен, меня не пустила на должность директора НИИ Система, но всё же, наверное, это не было правилом без исключения. Научный руководитель моей диссертации проф. А.Г. Галачян был беспартийным, профессора Д.Е. Мелихов, В.М. Морозов, А.К. Ануфриев, Г.П. Пантелеева и десятки других видных ученых, занимавших руководящие должности в советский период истории психиатрии, были беспартийными. Не нужно и в обоснованной критике Системы допускать перехлесты.

Материально-техническое обеспечение советской психиатрии и условия содержания пациентов в психиатрических больницах.

В характеристике качества психиатрической службы в СССР нужно отметить и её материально-техническое, финансовое обеспечение. Когда я начал в 1957 году работать в Первой московской клинической психиатрической больнице им. П.П. Кащенко, то в абсолютном большинстве клинических отделений у больных не было персональных коек: спали подвое или на полу, а в Москве в это время торжествовал Всемирный Фестиваль молодежи и уже был запущен первый Спутник, свидетель достижений социализма. Улучшения наступали медленно. Даже спустя десятки лет проблема оставалась. В 80-ые годы во время инспекционной поездки по Сибири я в красноярской краевой психиатрической больнице увидел больных, которые спали на полу. На мой вопрос к руководству краевого здравоохранения «Почему?» ответ один: «Нет денег. Альтернатива такая – или ставить койки в палатах психиатрической больницы или в роддоме. Если в больнице, то тогда роженицы будут рожать на полу». И такое было не только в Сибири, в частности, с таким «половым содержанием» я встретился в

* Конечно, моя беспартийность создавала и другие трудности, например, для зарубежных поездок надо было проходить «выездные комиссии» при райкомах партии. Я всегда выезжал, но бывали очень большие сложности. Так, члены этих комиссий, заслуженные ветераны партии, возмущались, что моя должность называется «руководитель»: «У нас одни руководители – они в ЦК партии, а Вы что? Даже беспартийный! Пока мы Вас не выпускаем – надо в этом разобраться». Как и где они разбирались – не знаю, но, в конце концов, я всегда получал разрешение на выезд.

Днепропетровской психиатрической больнице специального типа. Конечно, условия содержания лиц, находящихся на принудительном лечении, не могли быть санаторными, но они все же не должны были опускаться ниже уровня элементарных требований. При обследовании в 1989 году специальной психиатрической больницы в городе Сычевка я установил, что она полностью не соответствует тому, какой должна быть психиатрическая больница как медицинское учреждение. В ней не было даже канализации и, конечно, теплой воды. О необходимости закрыть или переоборудовать эту больницу я в специальной докладной написал Министру здравоохранения СССР.

Такое материальное обеспечение психиатрических больниц, конечно, позорно, но разве виноваты главные врачи этих больниц? Позор для Системы, которая одновременно держала для своих партийцев великолепные медицинские учреждения с очень большими материальными излишествами (я это знаю лично, поскольку читал лекции по деонтологии в такой больнице Главного 4-го («кремлевского») управления МЗ СССР на Воробьевых горах в Москве).

Материально-техническое обеспечение нашей психиатрии было несопоставимо хуже западного. В СССР здравоохранение всегда финансировалось по остаточному принципу, а уж психиатрия питалась «от остатков этих остатков». Эта нищета сказывалась во всем: обеспечение коечным фондом, медикаментами, оборудованием и т.д. И это, действительно, была беда советской психиатрии, но, естественно, никак не её вина! В 1967 году в Советском Союзе было всего лишь 0,93 психиатрической койки на тысячу человек населения (в США и Англии на это число приходилось 4,3 койки, в Финляндии 3,7, в Скандинавских странах - 6,0), а минимальная потребность в стационарной психиатрической сети по Союзу на то время определялась в 2,5 койки на тысячу человек, т. е. существующая сеть отставала от минимальной потребности в 2,8 раза!

Надо отдать должное Системе, с 70-х годов строительство психиатрических больниц всё же началось. Но «правозащитные» хулители (первый из них А.С. Прокопенко) не могли иначе интерпретировать этот позитивный факт как «удовлетворение требования карательной системы на рост мест для подавления инакомыслящих диссидентов» (естественно, «полностью психически здоровых»).

Безусловно, врачи-психиатры непосредственно ответственны за реализацию деонтологических принципов в лечебных отделениях психиатрических больниц. В разных больницах, конечно, условия содержания больных и работа медицинского персонала были разными, иногда просто контрастными. Так, режим работы врачей в специальной психиатрической больнице в г. Поти был полностью подчинен охранной службе МВД: без её разрешения врач не мог даже вызвать больного к себе в кабинет для собеседования.

Однако в целом стиль работы в психиатрических больницах был достаточно деонтологичным, хотя некоторые врачи и не слышали такого слова. Вместе с тем, чтобы остаться справедливым, я не могу отрицать, что были врачи, которые по своей инициативе применяли для купирования психомоторного возбуждения или для «успокоения» протестных выступлений завышенные дозы психотропных препаратов и даже сульфазин, вызывающий высокую температуру и сильную боль в месте инъекции (в «Черном списке» Подрабинека такой «врач» числится под № 20). Применение с этой целью таких препаратов было запрещено главным судебным психиатром Минздрава СССР Г.В. Морозовым, директором Института им. В.П. Сербского.

Конечно, я был возмущен, когда в 1989 году выявил в Сычевской СПб «потерявшегося» больного. Это был старичок лет под 70, который пребывал в больнице уже несколько лет (сколько он не помнил), его кормили-поили, мыли-одевали, но ничем не лечили. С ним не общались врачи, они его просто забыли. Мое требование свести меня с врачом оказалось не выполнимым – врач в отпуске, мое требование показать его историю болезни тоже оказалось невыполнимым – историю болезни медсестра так и не нашла. Конечно, здесь можно говорить о должностном преступлении, но это был единичный случай, и обвинять здесь можно лишь «лечащего» врача и администрацию больницы, а не распространять очернение на всю советскую психиатрию.

В Орловской СПб, которую я курировал 12 лет, мне удалось создать необходимый деонтологический дух. Врачи знали мои публикации на эту тему, интересовались моими специальными методическими рекомендациями

«Деонтология в судебно-психиатрической практике» и «Принципы проведения принудительного лечения».

Говоря об отношениях «врач – пациент», нельзя не отметить излишний патернализм, строгость и избыточную регламентированность содержания психически больных даже в стационарах общего типа. Советские психиатры и я, конечно тоже, к этому привыкали и не замечали. Однако эта явно искусственная ограничительность бросалась в глаза, когда предоставлялась возможность сравнения. Помню (1981 год) в Будапештской республиканской больнице, куда был приглашен для проведения мастер-класса по клинической диагностике, я проходя через большой зал-кафе видел, как за столиками с напитками и угощениями сидели больные (в своих, а не больничных, одеждах), навещающие их лица, врачи, медперсонал. Здесь какого-либо впечатления, что это «психушка» (как стали говорить у нас), просто не могло возникнуть. Такую же картину «*no restraint*», которую внедрял еще С.С. Корсаков, удалось видеть и в психиатрической больнице в Хельсинки. Там для пациентов подросткового отделения создали оркестр, и они играли в больничном саду. Невольно вспоминалось, что еще до революции на международной выставке в Париже Россия получила золотую медаль за больницу, которая потом стала носить имя Яковенко. Одним из достоинств этой больницы было создание таких условий, чтобы больные не могли видеть заборов из окон больничных отделений и не чувствовать от этого стеснения. В сравнении с этим советские психиатрические больницы, особенно специального типа со смотровыми вышками по углам окружавших территорию стен, были просто насмешкой над принципами деонтологии.

Лечение в специальных психиатрических больницах.

Сказанное в отношении «лечения» Сахарова позволяет однозначно утверждать, что применяемое в спецбольницах медикаментозное лечение «инакомыслящих» также проводилось не с карательными целями как наказание, а как терапевтическое средство, т.е. рассматривалось исключительно как благое деяние излечения больных. Такое понимание инакомыслия как психопатологии и возможности психофармакологии это купировать – это, конечно, беда, но всё же

не вина советской психиатрии. Это упомянутое следствие ущербного образования советских психиатров, которое давала им Система.

Поэтому обвинение «правозащитниками» советских врачей в «злоумышленном применении психотропных препаратов» в карательных целях, безусловно, отпадает. Некоторые из таких обвинителей утверждали, что «совсем не назначать "лечение" врачи спецов боялись – ведь считается, что в "спецу" сидит больной, и поэтому надо и дальше исправно играть роль врача».

Типичен также миф «правозащитников» о том, что политически негодным психически здоровым диссидентам «услужливые» психиатры по заказу КГБ сначала заведомо ложно ставят психиатрический диагноз, а потом, чтобы скрыть своё преступление начинают форсировано «лечить» нейролептиками, превращая их в настоящих больных и выписывая уже реальными инвалидами. Этот миф просто неправдоподобен. От нейролептиков инвалидом стать невозможно и поэтому нет ни одного реального случая, который подтвердил бы этот клеветнический домысел. Более того, сами диссиденты свидетельствуют об обратном. Например, друг самого известного диссидента В. Буковского Зиновий Зиник пишет о нем: «Самое поразительное — после 12 лет сумасшедших домов, тюрем и страшных лагерей этот человек умудрился сдать без всякой помощи экзамены по высшей математике, физике и биологии и поступить в Кембридже на одну из самых сложных кафедр, а именно на нейрофизиологию. И он закончил ее с отличием. Более того, его пригласили в Америку в университет Стэнфорда — в элитнейший университет — делать докторат».

Или в этих «сумасшедших домах с ослабумливающим лечением», «тюрьмах и страшных лагерях» были такие условия, что сразу после них можно было «умудриться сдать без всякой помощи экзамены по высшей математике, физике и биологии и поступить в Кембридже на одну из самых сложных кафедр, а именно на нейрофизиологию, и закончить ее с отличием» или что-то где-то не так в этих «правозащитных» мифах «о картельном лечении».

Много мифов и о том, что в специализированных психбольницах так же с «карательными» целями применялись «электрошоковая терапия» (правильное название: «электросудорожная терапия» – ЭСТ) и инсулин-шоковая терапия (правильно: инсулин-коматозная). Конечно, это миф и какой-либо

«карательности» не было. Такое лечение проводилось по официально утвержденным для всех психиатрических больниц показаниям и инструкциям Минздрава. Хотя со временем в мировой практике стали появляться новые методы лечения, они медленно внедрялись в практику исключительно из-за нищеты советского здравоохранения и неразвитости психофармакологической промышленности. Когда я в 1957 году начал работать в психиатрической больнице им. П.П. Кащенко инсулинотерапия и ЭСТ были основными методами лечения и давали быстрый, несомненно, положительный (правда, не всегда, к сожалению, стойкий) эффект. Сами больные во время судорожных состояний были вне сознания, о своих ощущениях в это время ничего не помнили и чего-либо негативного в процедурах такого лечения не отмечали. В результате проведения этих лечебных процедур тяжелейшие ступорозные состояния могли полностью купироваться за 3-4 сеанса ЭСТ, а после 20–25 инсулин-коматозных процедур психотическое состояние у больных шизофренией могло нивелироваться до состояния практического здоровья. Конечно, лечение нейролептиками более щадяще, но и его «правозащитники» называли «карательным».

Всякое психотическое состояние предполагает лечение. Не понимая этого «правозащитные» хулители советской психиатрии любое лечение, в том числе аминазином и галоперидолом, а также «медициноподобными методами» однозначно рассматривали как репрессивную меру. Особенно преуспел в таком тенденциозном толковании автор «Безумной психиатрии» А.С. Прокопенко. Чтобы убедить читателя он переписывал действие этих препаратов с книги М.Д. Машковского «Лекарственные средства» и доказывал, как вредно было их применение «психически здоровым заключенным психбольниц». Он даже пишет: «Страх перед галоперидолом испытывают не только з/к психбольниц, но и люди, находящиеся на воле. Нам известно про одного диссидента, побывавшего в спецу в те благодатные времена, когда галоперидол еще не применялся. Наслышавшись об ужасах галоперидола, этот человек, опасаясь нового ареста и заключения в психбольницу, заранее принимает этот препарат, стараясь привыкнуть к нему, чтобы потом не испытывать таких сильных мучений. Лечение нейролептиками отрицательно сказывается не только на здоровых людях, но и на многих психически больных. Злоупотребления нейролептиками приводят зачастую к тому,

что для многих душевнобольных пребывание в СПб становится трагедией их жизни». Вот так создавался «правозащитником» - хулителем советской психиатрии образ советского психиатра-карателя, проводящего лечение в спецбольницах зарубежными препаратами по международным стандартам.

Другие аспекты советской психиатрии второго этапа её истории – социальная реабилитация.

Профессиональное служение психиатров обществу не ограничивается выявлением и лечением больных. Большое внимание должно уделяться их социальной реабилитации и реадaptации. Что касается последнего, то пост сталинские годы, несомненно, отмечены научными трудами Д.Е. Мелихова, М.М. Кабанова и достижениями практической реализации этой работы главным врачом Калужской областной психиатрической больницы А.Е. Лившицем и его сподвижниками. У меня до сих пор перед глазами картинка тяжело психически больных, которые сидя за производственным конвейером в специальном «отделении-цехе» этой больницы, время от времени вдруг, обращаясь в сторону, кого-то ругали, требовали «отстать», «замолчать», но при этом, несмотря на галлюцинации, продолжали производить сложные манипуляции на двигающемся перед ними конвейере. Эти больные получали хорошую зарплату, материальное обеспечение и могли жить в отдельных комнатах общежития при больнице. Такая служба социальной помощи психически больным была в те годы лучшей в мире. Для сравнения приведу ещё одну картинку из своей жизни.

В 1974 году у меня появилась возможность обследовать бомжей в Центральном парке Нью-Йорка (Манхеттен, США). Это обследование я провел по собственной инициативе, когда встретился с фактом скопления по вечерам в этом парке людей, которые буквально воевали за места на лавках, чтобы провести на них ночь лежа. Уже по внешнему виду этих людей становилось ясным, что они социально дезадаптированы, нищенствуют. Далеко не все соглашались познакомиться и побеседовать со мной, когда я представлялся «доктором-психиатром из Москвы, которой хочет узнать, как так случилось, что сломалась судьба». Но всё же около трех десятков таких людей со мной поговорили, поскольку торопиться им было некуда. Конечно, полученная информация была

разной и по объему и по содержанию, что не позволило сделать какое-либо научно-доказательное обобщение. Однако было совершенно ясно, что среди моих собеседников было не мало «наших», то есть тех, кто нуждался в психиатрической помощи. Вместе с тем они были буквально заброшенными, хотя некоторые «в прошлом» лечились у психиатров. Но поскольку лечение требовало или денег или страховки, а ни того ни другого не было, то надежду на лечение пришлось оставить. Тупиковая ситуация с поиском хоть какой работы, глубокая социальная дезадаптация, голодное существование и полная беспросветность своей дальнейшей судьбы – здесь не было злоупотребления психиатрией, здесь её просто не было. . . В общении с этими несчастными людьми я с особой благодарностью вспомнил свое государство и свою психиатрическую службу, которые обеспечивали таких больных бесплатной врачебной и медикаментозной помощью, возможностью социально адаптироваться, работать в трудовых мастерских, получать пособие по инвалидности и даже, при необходимости, бесплатно жилплощадь от государства. Всё это было реальностью в нашей стране, начиная с 60-х годов и до конца Советской власти.

Разрушая советскую психиатрию клеветническими вымыслами наши «правозащитники»-каратели добились реализации западного уклада внебольничной помощи. В 1988 году в угоду «мировой общественности» и Всемирной психиатрической ассоциации были сняты с психиатрического учета в психоневрологических диспансерах и выписаны из психиатрических больниц сотни тысяч лиц с психическими расстройствами. Для такой акции не было создано никаких социальных предпосылок, не была организована социальная служба помощи и поддержки. Многие из этих больных, будучи изгоями общества, лишились жилья и семейного пристанища, превратились в "бомжей". Ими стали манипулировать те же «правозащитники», опять же обвиняя советскую психиатрию.

Внеплановая консультативная работа

Руководству всякого государства иногда требуется консультация специалиста-психиатра для ориентации своих действий по отношению к некоторым лицам. Понятно, что здесь нет ничего репрессивно-карательного, это

тоже служение интересам общества, государства. И ко мне обращались за такими консультациями. В этих случаях мне пришлось исполнять обязанности психиатра-эксперта инкогнито, то под маской журналиста, то учёного физика-ядерщика. Расскажу об этом.

В восьмидесятые годы в Эстонии появился весьма странный ученый, выдававший очень интересные, необычные научные концепции на стыке математики, физики и биологии. О нем и его открытиях писали даже такие центральные газеты Советского Союза, как «Правда» и «Известия». Журналисты писали о нем с особым пиететом, но нередко называли его «человеком-загадкой». Все было хорошо и интересно, пока этот загадочный человек не стал жестко критиковать советскую науку и порядки в АН СССР, а потом и вообще высказывать «крамолу» о преимуществе западной системы и говорить о своем желании уехать в США. «Естественно», что государство с такими заявлениями и намерением иммигрировать смириться не могло, но оно не знало, как разрешить конфликт. Решили опять прибегнуть к помощи психиатров. Было поручено эстонскому академику-психиатру Ю.М. Саарма его освидетельствовать. Данное академиком заключение об отсутствии у странного ученого психического заболевания КГБ не устроило, и комитет обратился за помощью в Москву. Директор Центра им. В.П. Сербского Г.В. Морозов, вызвав меня, объяснил суть проблемы и сказал, что это «деликатное дело» он поручает мне, но я поеду не как психиатр-эксперт, а как журналист. Так меня в Талине и представили. Я объяснил ученому, что мне поручили написать о нем большой биографический очерк. Под этим «прикрытием» я мог его расспрашивать о жизни, о прошлом и настоящем, а также о планах дальнейшего развития своей науки. В такой беседе за чашкой чая мы провели два дня. Я дал куратору КГБ заключение, что никакой патологии кроме начальных признаков церебрального атеросклероза не усмотрел. Было очевидно, что данное мной заключение явно не устроило этого представителя государства.

Могу ли я упрекнуть себя в том, что выполняя это задание Системы, я нарушал этическое правило представляться психиатром свидетельствуемому лицу. Я понимал, что раз есть такое задание, то оно будет выполнено, если не мной, то

другим. Я верил в свою совесть и знал, что на сделку с ней не пойду. И согласился.

Не только в своих политических интересах государство использовало в «формате инкогнито» психиатров, но и в других интересах, в частности, в кадровых. По просьбе президента Академии наук СССР, директора Института атомной энергии А.П. Александрова я был направлен в этот Институт для оказания консультативной помощи в отношении одного из его сотрудников. Анатолий Петрович рассказал, что этот сотрудник ведет себя очень странно: «заговаривается», вызывает насмешки и конфликтные ситуации. Но в тоже время он высказывает очень интересные и полезные гипотезы, которые находят признание даже в мировом научном сообществе. Академик рассказал, что пытался этого сотрудника уговорить проконсультироваться у психиатра, но это предложение встретило выраженную негативную реакцию и заявление о ненависти ко всем психиатрам. Надо было найти выход из этого положения, и меня пригласили именно для этого. А.П. спросил меня, могу ли я попридутьствовать под видом приглашенного физика на ученом совете Института в тот день, когда этот сотрудник будет делать свой доклад, после которого будет организовано его обсуждение. Я, конечно, признался, что ничего не понимаю в ядерной физике, но по манере выступления и участия в дискуссии докладчика может быть что-то получу для представления относительно его психического здоровья. Так и было сделано. Я инкогнито пришел на ученый совет и был свидетелем того, как докладчик надменно-манерно держался, как он перед каждым ответом на вопросы коллег давал многословные, явно нелепые, вычурные вступления. В целом Ученый Совет высоко оценил доклад, но было сделано замечание докладчику за его неуважительное отношение к оппонентам. Мне стало ясно, что всю явную неадекватность его поведения ничем другим как шизофренией объяснить было невозможно. Это своё впечатление я высказал Анатолию Петровичу, но добавил, что это не исключает того, что доклад может содержать действительно ценные положения. Я ему привел прекрасный афоризм: если бы не больные шизофренией, то наш мир был бы ещё более однообразно потребительским и творчески серым, и рассказал, сколько принципиально новых открытий было сделано больными шизофренией именно благодаря их «инакости». Дал я и совет, как организовать

психиатрическую помощь этому сотруднику и просил не увольнять его в связи с психическим заболеванием, раз он профессионально вполне соответствует своей должности.

Такова была советская психиатрия в последний период её истории.

Макросоциальная ситуация в пост сталинский период истории России

В целом, конец 50-ых и 60-ые годы характеризовались постепенным выравниванием тех изгибов, которые явились результатом политических заносов в психиатрию в предыдущие два десятилетия.

Как подчеркивалось, психиатрия, особенно судебная, является наиболее социально сопряженной медицинской дисциплиной. После смерти Сталина атмосфера подозрительности, страха, тревожной напряженности и полной зависимости от Системы практически нивелировались. Начался период «хрущевской оттепели». К людям постепенно возвращалось чувство достоинства и желание самоутвердиться.

Возникшие свободолобивые тенденции стали всё более приобретать активный либеральный характер. Появился самиздат с публикациями, критикующими политическую систему в государстве. То здесь, то там стали возникать митинги (правда, небольшие: 10 - 15 человек), на которых публично высказывалась ранее невозможная критика политической системы государства. Создалась новая, до того трудно вообразимая советским человеком ситуация, в которой люди открыто противопоставлялись властям. Эта новая социальная реальность проявилась так называемым движением «шестидесятников». Оно состояло из лидеров, привлекавших своим вольнолюбивым творчеством молодежь, и становилось значимой идеологической силой. Всё это не могло не насторожить партийно-тоталитарное руководство государства, которое ранее не имело открытой критики своей Системы.

Хотя противопоставление было скорее нравственным, идеологическим, чем политическим, тоталитарная Система, привыкшая быть монополевой всегда и во всем, всё же растерялась от возникающего идеологического плюрализма.

Растерялась и потому, что «шестидесятники» действовали совершенно открыто, демонстрируя свою независимость публично, в том числе и перед западными СМИ и международной общественностью. В этой ситуации Система уже не могла без соответствующего правового обеспечения предпринимать против протестующих старые репрессивные меры. Потребовались новые правоприменительные нормативы.

Поскольку возобновлять репрессии с применением пресловутой преступной 58 статьи УК после осуждения репрессий Сталина на XX съезде КПСС было уже нельзя, Система стала торопливо разрабатывать новые, «законные» способы борьбы со свободолобием, применив к нему ярлык «диссидентство». Так начал создаваться новый уголовный кодекс с соответствующими статьями.

В 1960 году Верховный Совет СССР принял этот Уголовный кодекс, вступивший в действие с 1961 года. В этом кодексе содержались две статьи, которые и обеспечили возможность «по закону» преследовать инакомыслящих: статьи 70 и 190⁻¹ УК РСФСР. Первая из них находилась в разделе: «Государственные преступления, особо опасные государственные преступления». Её содержание было следующим: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания». Статья 190⁻¹ находилась в девятой главе «Преступления против порядка управления» и называлась: «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Она предусматривала уголовное наказание за «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания». Обе эти статьи полностью соответствовали новой «криминогенной» ситуации. Когда начались аресты по этим новым статьям, то оказалось, что изменился и контингент привлекаемых к ответственности по

сравнению с тем, каким он был годы сталинских репрессий. К диссидентам уже нельзя было приклеить ярлык «враг народа».

«За 5 лет – с 1956 по 1960 – было осуждено по политическим мотивам 4676 граждан СССР. В 1961–1965 годах по этим же мотивам – 1072 человека. При этом в 1965 году пострадали всего 20 человек, а в 1966 году – 48. В 1967 году число осужденных по политическим мотивам составило 103, а в 1968 – 129 человек. В 1969 году потеряли свободу 195, а в 1970 году – 204 гражданина СССР. В 1976–1980 годах – 347, а в 1981–1985 – 540 человек. Общее число лиц, осужденных по статье 70 и статье 190 УК РСФСР в 1956–1987 годах, составило 8145. Под арест и осуждение за антисоветскую агитацию и пропаганду попадало, таким образом, в среднем за год 254 или 255 человек». Эти данные содержатся в специальной справке, которую за подписью Виктора Чебрикова руководство КГБ направило Михаилу Горбачеву в 1988 году. Все историки с тех пор используют и комментируют эту таблицу, хотя она, по словам диссидента-историка Роя Медведева, «является неточной и неполной». Р. Медведев добавляет, что «во многих случаях, когда это было возможно, диссидентов привлекали к ответственности по другим, не «политическим» статьям Уголовного кодекса. Так, например, основателя Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Александра Подрабиника привлекли к ответственности за «незаконное хранение огнестрельного оружия» (малкалиберная винтовка без патронов)».

Нельзя не согласиться с Леонидом Бородиным, который в публикации «Диссиденты о диссидентстве» («Знамя». — 1997. № 9.) писал следующее: «Диссидентство как явление зародилось в среде московской интеллигенции, в значительной мере в той её части, которая пережила трагедию отцов и дедов в конце тридцатых годов, испытала справедливое чувство реванша на волне знаменитой «оттепели» и последовавшее затем разочарование. На первой стадии московское диссидентство не было ни антикоммунистическим, ни антисоциалистическим, но именно либеральным, если под либерализмом понимать некую совокупность добрых пожеланий, не удостоверенных ни политическим

опытом, ни политическими знаниями, ни, тем более, политическим мировоззрением».

*Картинка из личной жизни: диссидент – священник Дмитрий
Сергеевич Дудко.*

Где-то с конца 60-х годов моего отца, известного в свое время библиофила и религиоведа, стал посещать священник Дмитрий Сергеевич Дудко. Сначала его интересовали книги и интеллектуальное общение с отцом. Постепенно у них сложились дружеские отношения, а потом такие же отношения установились и со всей нашей семьей. Мы также познакомились с его семьей, с женой Ниной и двумя его детьми. У нас было полное взаимное доверие, и мы могли говорить на все темы, включая политические.

Мы узнали, что у Дмитрия Сергеевича в 1937 году был репрессирован отец, а сам он в 1948 году вскоре после поступления в духовную академию был арестован и приговорён к десяти годам лагерей с последующими пятью годами поражения в правах по ст. 58—10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) за то, что в 1942 году, находясь в оккупации, опубликовал свои стихи в газете, контролируемой немецкими властями. В 1956 году он был освобождён, восстановлен в академии (окончил ее в 1960 году), рукоположён в священники и начал служить в московском храме. Его проповеди (особенно после того, как был закрыт и взорван храм его предшественного служения) отличались нелюбезной критикой в адрес советской власти. На эти проповеди стало собираться большое количество граждан, и проповеди превращались в антисоветский лекторий. В 1973 году «за нарушение церковной дисциплины», а точнее за эти проповеди, о. Дмитрию запретили служить. Через четыре месяца запрещение было снято, а о. Дмитрий переведен в отдаленный от Москвы храм. На новом месте его проповеди стали носить еще более острый антисоветский характер. Его послушать приезжали из Москвы многие десятки горожан. Стали приезжать и зарубежные корреспонденты. Отцу Дмитрию это очень нравилось, он чувствовал себя трибуном, активным борцом с Системой. Я ему говорил, что он «дразнит гусей», что толку от его выступлений не будет, а его самого арестуют. Но в ответ были только возражения: ареста он не боится, «уже сидел», а «капля

камень точит». В 1980 году после публикаций его проповедей за рубежом он был арестован и обвинён в антисоветской деятельности. В период следствия ему была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, которая психопатологической симптоматики не нашла, но отметила «истерические черты характера с жадой признания». Я не знаю, что о. Дмитрия сломало, но через полгода он обратился с открытым «покаянным» письмом к Патриарху Пимену, а во время Московской Олимпиады состоялось его «покаянное» выступление по телевидению, после которого от него отвернулись многие друзья. В 1981 году уголовное дело против о. Дмитрия было закрыто. В статье «Запад ищет сенсаций», опубликованной в газете «Известия», о. Дмитрий заявлял, что никогда не выступал против советской власти, а как священник вёл борьбу с безбожием.

По особенностям своей политической деятельности о. Дмитрий был типичным диссидентом: мирный протест против репрессивной Системы. У него были и свойственные диссидентам характерологические черты в виде жажды признания, которые, конечно, сопряжены с его протестной, пользовавшейся большим спросом и публично одобряемой деятельностью. Здесь он чувствовал себя Человеком с большой буквы, достойным и самоуважения и народного уважения. Какие это типичные личностные особенности диссидентов! Однако этот публичный протест более удовлетворял нарастающую моду на протест, чем указывал пути конструктивного выхода из трудной социально-политической ситуации. Это и определило его скорый отказ от борьбы и вступление в альянс с Системой. Незадолго до смерти о. Дмитрия я его навещал, и мы долго беседовали о его судьбе. Он однозначно оправдывал себя. О своих диссидентских выступлениях не сожалел, но повторял, что главной целью была борьба с государственным атеизмом, который губил Россию. Своим сподвижником считал только о. Глеба Якунина, остальных называл «высочками», «самозванцами», говорил: «Все они по вашей, Федор Викторович, части, потому и хулят психиатрию».

Как об известном диссиденте, об о. Дмитрие и его книгах, есть публикации в интернете, в частности материал в «Википедии».

Начало новых связей политики с психиатрией.

Представляется, что историю вопроса об использовании психиатрии в политических целях можно связать с высказанной Н.С. Хрущевым во время его правления "идеей", что при коммунизме только психически ненормальные люди будут совершать преступления, что только они способны выступать против существующего строя. Это высказывание прозвучало в неофициальной обстановке как эмоциональная реакция на антисоветские высказывания невозвращенца писателя Тарсиса, автора повести «Палата № 7».

Психиатрия и политика впервые оказались в одном историческом контексте с событиями, связанными с помещением писателя В.Я. Тарсиса в психиатрическую больницу после его «вспышки неадекватного поведения» в приемной ЦК КПСС в августе 1962 г. Это возмущение было вызвано задержками в оформлении его заграничной командировки. Так или иначе, Тарсиса поместили в психиатрическую больницу (это был Институт психиатрии МЗ СССР, работавший на базе московской психиатрической больницы № 1 им. П.П. Кащенко). После выписки из больницы в марте следующего года он объявил о своём выходе из КПСС и СП СССР. Семимесячное пребывание в больнице было положено в основу автобиографической повести «Палата № 7», которая вышла в журнале «Грани».

В.Я. Тарсис был советским писателем «средней известности». Его отец погиб в ГУЛАГ. Кроме того он имел родственные связи с расстрелянным в 1938г. крупным партийным функционером Я. Алкснисом (перед расстрелом этот Я. Алкснис был одним из организаторов репрессий против военачальников во главе с М.Н. Тухачевским, расстрелянным в 1937г.). У Тарсиса, несмотря на достаточные, как у члена Союза писателей, материальные блага, сформировались не скрываемые им антисоветские настроения: « ... я ненавижу коммунизм, я ненавижу советскую власть. ... я буду бороться до последнего вздоха» – так он говорил перед отъездом в заграничную командировку. В 1966 г. Тарсис, оказавшись за рубежом, уже в аэропорту Лондона сделал ряд жестких откровенно

антисоветских заявлений, а вскоре опубликовал свою «Палату № 7» на английском языке.

Так Тарсис получил возможность осуществить свою главную идею – «борьбу с коммунизмом» и «ненавистной советской властью», которую считал «бандитского-фашистской партией». В «Палате № 7» Тарсис словами главного героя Алмазова утверждал: «Первый тоталитарный фашистский режим был создан в России. Естественно, что мир, устранившись масштабов советских злодеяний, начал принимать защитные меры. И в наиболее реакционных странах тоже утвердился фашизм как ответная реакция на советскую тиранию. Ясно, что надо покончить со всеми этими фашистами, освободить, прежде всего, поработанные народы России и восстановить во всем мире демократию. Надеюсь, что это наступит в недалеком будущем» (с. 46). После этих выступлений и публикации книги он был лишен советского гражданства «с закрытием ему въезда в СССР». На заседании Президиума ЦК КПСС 8 апреля 1966 года было принято предложение Комитета госбезопасности «по компрометации Тарсиса как психически больного человека»*.

Все эти события прямого открытого ненасильственного противостояния Системе, которые связаны с именем Тарсиса, дают основание признать его первым диссидентом (в современном понимании этого слова), а предложение Комитета госбезопасности «по компрометации Тарсиса как психически больного человека» показывает первую попытку использования психиатрии в политических целях борьбы с диссидентством. Надо полагать, что и руководители КПСС понимали важность применения психиатрии для подавления своих политических противников, надеясь тем самым устрасить решивших стать на путь диссидентства.

Уже много позже, когда признаки публичного свободолюбивого противостояния Системе стали более отчетливыми, председатель КГБ СССР Юрий Андропов направил 29 апреля 1969 года в ЦК КПСС письмо с предложением использовать психиатрию для борьбы с диссидентами, по поводу чего было принято секретное постановление Совмина СССР.

* Выписка из протокола № 238 заседания Президиума ЦК КПСС от 8 апреля 1966 года.

Арестованные по новым статьям «диссиденты», если их психическое здоровье вызывало сомнения, направлялись на судебно-психиатрическую экспертизу. В основном эта экспертиза проводилась в Москве, в Центральном НИИ судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Признанных невменяемыми переводили в специальные психиатрические больницы МВД СССР. Если это были публичные люди, то об этом становилось известным общественности, что и вызывало её негативную реакцию. Не надо забывать, что это были самые зимние дни холодной войны, и политические враги Системы не могли упустить возможности использовать в своих целях новую, психиатрическую, карту – привлечение психиатрии к политике репрессий.

Особенно шумно обвинения в использовании в СССР психиатрии в политических целях начались в западных странах в шестидесятые годы и достигли своего апогея к 1977 году перед шестым конгрессом Всемирной психиатрической ассоциации. Совместными усилиями западных СМИ и американской психиатрической ассоциации Генеральная ассамблея Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА) состоявшаяся в 1977 году в американском городе Гонолулу приняла резолюцию, осуждающую советские политические злоупотребления психиатрией. Через радиовещание таких станций как «Радио Свобода», «Голос Америки», Би-би-си и ряда других советские люди узнали, что эта тема за рубежом широко обсуждается на всех уровнях: общественного мнения, политического, профессионального и особенно в СМИ. Таким образом, возмущение западного общественного мнения «злоупотреблением психиатрией» в Советском Союзе стало постоянно перекачиваться и вовнутрь страны. Одновременно в общественное мнение внедрялось уничижение отечественной, в первую очередь судебной, психиатрии. Отрицался её традиционный гуманизм и независимость от политики. Вопрос о «злоупотреблении психиатрией» многие годы стал иметь выраженное эмоционально-негативное звучание, спровоцировавшее антипсихиатрические настроения, которые ещё сохраняются до сих пор.

Я помню своё удивление, когда в 60-ые годы все зарубежные радиостанции, вещавшие на СССР, вдруг взахлёб стали твердить о развертывании карательной психиатрии в нашей стране. О том, что её захлестнула волна

психиатрического террора и что Институт им. Сербского переполнился свобододлюбивыми жертвами преступного режима, который превращает их в психически больных. Я это слышу в машине по дороге в этот Институт после отпуска и думаю, что же случилось, пока меня не было, какой ужас! Но, к счастью, всё как было, так и осталось: в «специальном» отделении для политических не более 3-4 человек, и никакой давки у входных дверей!

Так начались спекуляции об использовании психиатрии в политических целях. Это было новое оружие в холодной войне, войне информационной, как сказали бы сейчас. Эта информационная война во многом характеризуется искусственно созданной проблемой массового использования психиатрии против психически здоровых диссидентов. Образовалась своего рода информационная карусель. Советские «правозащитники» выискивали случаи, когда вроде бы можно говорить об использовании психиатрии как репрессивного средства против свобододлюбивых диссидентов. Эти «вроде бы факты» психиатрической репрессии передавались западным СМИ, а там отдельные случаи профессионально трансформировали в массовое явление и в таком виде возвращали в СССР. Полученная в новом качестве информация распространялась в Самиздате, дополнялась и выходила на второй виток: на Запад, а затем обратно. Такая круговерть инициировалось и активно поддерживалось политическими противниками Советского Союза как идеологическое оружие холодной войны. Это всё более глубоко внедряемое в общественное сознание обвинение Системы в массовых злоупотреблениях психиатрией стало обозначаться как «карательная психиатрия». По существу это был провокационный пропагандистский маневр.

Судебная психиатрия в сопряженности с политикой Системы.

Как возникло «правозащитное» злоупотребление психиатрией.

Когда после XX съезда КПСС в стране стал явно замечаться «ветерок свободомыслия», это напугало Систему и уже 19 декабря 1956 года было составлено специальное «профилактическое» письмо ЦК КПСС. В нем указывалось, что «недопустимы никакие послабления, когда идет речь о

сознательной антисоветской деятельности вражеских элементов". В связи с этим в Верховном суде СССР обсуждался вопрос об издании руководящего разъяснения судам, в котором определялись бы четкие мотивы для осуждения инакомыслящих. Сомнению не подвергалась необходимость наказания за антисоветскую агитацию, если точно устанавливалось, что привлеченное к уголовной ответственности лицо действовало с контрреволюционной целью, будучи враждебно настроенным по отношению к советскому строю или совершало такие действия в результате своей недостаточной политической сознательности, неправильной оценки происходящего.

Когда «инакомыслие» стало восприниматься Системой именно как «сознательная антисоветская деятельность вражеских элементов», начались аресты этих самых «элементов» или их насильственное (не по Закону – таких законов в то время еще не было) помещение в психиатрическую больницу. Если такими «элементами» были широко известные (особенно за рубежом) лица, то их друзья обращались за зарубежной помощью. Настоящий взрыв негодования западной прессы вызвало сообщение о помещении в психиатрическую больницу известного биолога Ж. Медведева. В его защиту даже выступили Солженицын, Капица, Тамм, Сахаров, Леонтович, Энгельгардт.

А в дальнейшем, когда «правозащитная», диссидентская деятельность в нашей стране стала получать зарубежную подпитку, в западной печати, раз за разом стали появляться "леденящие душу" свидетельства пребывания в советских "психушках" известных «правозащитников» — Горбаневской, Григоренко, Буковского, Есенина-Вольпина, Марченко, Амальрика и др. Это было то время, когда развернулась активное «правозащитное» хуление советской психиатрии.

***Экспертизы по «диссидентским» (70 и 190-¹) статьям УК РСФСР.
Реальности «карательной» психиатрии.***

В конце 80-х годов и в начале 90-х на Советскую психиатрию с Запада пришло такое небывало сильное «правозащитное» давление, требующее признания злоупотреблений в психиатрии, что кто-то из руководства нашей

психиатрии засомневался: а может действительно что-то было, хоть сами они с этим не сталкивались и своего соответствующего расследования ещё не проводили. Даже вступившая в должность директора Центра судебной психиатрии им. В.П. Сербского Т.Б. Дмитриева поначалу соглашалась, что "в бывшем Советском Союзе имели место факты использования психиатрии в немедицинских, в том числе политических целях – для подавления или избавления от неугодных некоторым должностным лицам людей». В это время я тоже засомневался. И когда я начал специально выискивать такие злоупотребления, то предполагал, что фактического материала будет много. Но по мере тщательной работы я его не находил (помню свое удивление в этом), и к сегодняшнему дню не нашел. Татьяна Борисовна тоже не находила и потом по мере углубления в проблему смогла уверенно заявлять «карательной психиатрии в Советском Союзе не было».

Хотя о «карательной» психиатрии сказано и написано (для «правозащитных» хулителей это доходное дело) много, но ни общественное мнение, ни психиатры не имели достоверных данных о том, что же было в действительности. В ряде хулительно-«правозащитных» публикаций даже говорили о «о десятках тысяч жертв карательной психиатрии». Однако, как следует из вышеприведенной справки председателя КГБ В. Чебрикова, направленной Горбачеву в 1988 году, с 1961 по 1987 год общее число лиц, осужденных по статье 70 и статье 190¹ УК РСФСР, составило 3469. Сколько из них было на судебно-психиатрической экспертизе – нигде не сообщалось, статистикой и научным анализом никто не занимался. Первым, кто специально занялся исследованием этого вопроса и дал по нему первую открытую научную публикацию (1994), был автор настоящего текста.

Основным фактическим материалом для данного анализа послужили журналы упомянутого «спецевого» отделения, в которых регистрировались все поступления на экспертизу, указывалась статья УК обвиняемых, установленные им диагнозы, заключения о вменяемости-невменяемости и о мерах медицинского характера. Все, обвинявшиеся по политическим статьям (и мужчины, и женщины) числились за 4-ым отделением, хотя оно было мужским, – регистрация была общая.

Таблица годовых (с 1961 по 1987 гг.) направлений со всего Советского Союза органами КГБ в Институт им. В.П. Сербского на экспертизу по политическим статьям (ст. 70 и ст. 190⁻¹ УК РСФСР или их аналоги союзных республик СССР):

19-	ст. 70 УК РСФСР							ст.190-1 УК РСФСР						Всего экспертиз за год
	всего	Вмен.	Невм.	СПБ	п/леч. Общ.б.	Общее основ	Наблюд. диспанс	всего	Вмен.	Невм.	СПБ	п/леч. Общ.б.	Общее основ	
-61	36	20	16	15		1		0						36
-62	34	19	15	15				0						34
-63	26	19	7	7				0						26
-64	18	11	7	7				0						18
-65	4	2	2				2	0						4
-66	13	7	6	6				0						13
-67	14	7	7	7				6	3	3	3			20
-68	9	8	1	1				9	2	7	7			18
-69	6	2	4	3		1		6		6	6			12
-70	15	7	8	8				6	1	5	4		1	21
-71	22	7	15	14		1		7	7		7			29
-72	24	4	20	16		4		3		3	3			27
-73	13	4	9	6		3		1	1					14
-74	13	5	8	7		1		2	1	1	1			15
-75	9	2	7	3		4		0						9
-76	4		4	1	1	2		0						4
-77	2		2	1		1		2	1	1	1			4
-78	2		2	1		1		0						2
-79	2	2						2	1	1	1			4
-80	5	2	3	3				1		1	1			6
-81	1		1	1				2	1	1	1			3
-82	13	10	3	2		1		9	6	3	3			22
-83	6	3	3	2		1		1	1					7
-84	5	4	1	1				0						5
-85	9	5	4	3		1		2	1	1				11
-86	3	1	2	2				2		2	2			5
-87	1	1						0						1
всего	309	152 49,2%	157 50,8%					61	19 31,1%	42 68,9%				370

Сокращения: «СПБ» – принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа; «п/леч. Общ.б» – принудительное лечение в общей психиатрической больнице; «Общее основ.» – лечение в психиатрической больнице на общих основаниях; «Наблюд. диспанс» – наблюдение в психоневрологическом диспансере.

По политическим статьям – ст. 70 и 190⁻¹ УК РСФСР – поступления на экспертизу в Институт им. В.П. Сербского начались в 1961 году и закончились в 1987 году (в этом году было только одно поступление). На фоне громких обвинений в адрес советской психиатрии в «массовом терроре» диссидентов, реальность оказалось совсем иной. За 26 лет из общего числа арестованных по этим статьям (3668 человек) на экспертизу в Институт им. В.П. Сербского со всего Советского Союза от КГБ было направлено 370 человек, или каждый десятый

(10,37) из числа арестованных, т.е. 9,6%. В числе арестованных оказалось 199 человек, которые прошли экспертизу и были признаны невменяемыми, то есть каждый восемнадцатый (18,43) или 5,4%. Они освобождались от наказания и им рекомендовались «меры медицинского характера». 171 арестованный после экспертизы как вменяемый был возвращен органам КГБ и попал в число осужденных. Эти числа являются результатом сопоставления данных, предоставленных Роем Медведевым со ссылкой на Виктора Чебрикова (см. выше) и данных специально полученных мной.

Главный вывод из представленного сопоставления состоит в том, что массовых «психиатрических репрессий» не было: из общего числа арестованных (3668) только 199 «ушли в психиатрию», оставив без каких-либо общений с «карателями»-психиатрами 3469 (3668-199=3469), т.е. 94,5%, политически активных диссидентов.

Конкретные показатели выше приведенной таблицы сразу развенчивают три мифа:

1. Миф о захлебнувшем страну вале карательной психиатрии;
2. Миф об услужливости советской психиатрии карательным органам;
3. Миф об особой репрессивности советской психиатрии.

Миф первый о захлестнувшем Институт им. Сербского наплыве диссидентов. Не психиатры возбуждали уголовные дела и не они арестовывали, и не от них зависело количество направленных на экспертизу. Психиатры получали и изучали уже арестованного, который становился подэкспертным после поступления в Институт, и давали заключение о наличии или нет у него психического расстройства, исключающего или нет вменяемость. В этом алгоритме нет ничего, что имело бы основание говорить о карательной инициативе и сущности собственно советской психиатрии. Сколько привозили на экспертизу – столько и было экспертных заключений. То, что поступления на экспертизу были неравномерны, от одного поступления до 36 в год, никак не зависело от психиатров, и объяснение тенденции к снижению числа поступлений также вне их компетенции. Вместе с тем наибольшие поступления, которые были по ст. 70 УК в

1961 – 1963, 1971 – 1972 и в 1982 годах, вполне коррелирует с особенностями идеологической политики КПСС, осуществляемой в государстве в эти годы. Однако, само по себе это еще не свидетельствует о злоупотреблениях Системы психиатрией. Скорее можно говорить о попытках прощупать возможности ее использования в политических целях.

И, конечно, никакого «вала» поступления на экспертизу в Институт не было. Так, за 1961-1987 гг. 15 раз годовое поступление по ст. 70 УК РСФСР было менее 10 человек, и только в 11 годах оно было больше 10. При этом только в 5 годах поступало больше 20 подэкспертных в год (самое большое поступление за год было в 36 человек – первый год «работы» ст. 70 УК РСФСР).

Очень важны цифры о признанных нуждающимися в психиатрическом лечении. В целом, в реальных цифрах (всего 199 признанных нуждающимися в лечении за 26 лет со всего Советского Союза), количество направлений на психиатрическое лечение после заключений о невменяемости, рекомендованных экспертами Института им. В.П. Сербского, принципиально меньше, чем можно было ожидать согласно мифу о разгуле "психиатрического террора": каждый восемнадцатый (18,43) или 5,4% от общего числа арестованных 3668. При этом по одному призванному невменяемым было в 1979 и 1984 году, по два – в 1965, 1978 и 1981 гг., по три в 1977 и 1983 гг., по четыре в 1976, 1980 и 1986 годах и пять в 1985 году. Иными словами по пять и меньше невменяемых за 11 лет из 26, когда проводились экспертизы по этим политическим статьям. Показав эти цифры, мне уже не хочется комментировать этот миф о «разгуле террора» – как говорится: комментарии излишни!

Миф второй. «Правозащитниками» высказывается утверждение, будто Система была заинтересована в признании протестующих против неё граждан психически больными и невменяемыми. Это их домысел, хотя и вполне допустимый. Соответствующий этому утверждению другой домысел явно клеветнический. Он состоит в том, что советская «карательная» психиатрия была целиком поставлена на службу Системе и полностью подчинялась её указаниям. Иными словами: «если мы, чекисты, направили на экспертизу, то вы, психиатры, признавайте их невменяемыми». Реальность полностью опровергает этот миф. Из

370 направленных на экспертизу по политическим статьям лиц 171 вернулись к органам КГБ без указаний на лишаяющие вменяемости психические расстройства: по статье 70 УК РСФСР 152 из 309, а по 190-¹ УК РСФСР 19 из 61-го. То, что за все эти 26 лет только 199 из 370 (53%) «политических» подэкспертных были вместо ГУЛАГа направлены на лечение к психиатрам, можно объяснить лишь тем, что безоговорочного послушания не было.

Таким образом, из всего «огромного» контингента арестованных по «диссидентским» статьям только 370 были направлены в Институт им. Сербского и только 199-ти было рекомендовано психиатрическое лечение. Уже это опровергает второй миф. Итак, факт: после экспертизы одна часть арестованных попала в ГУЛАГ, а другая, практически такая же, была признана невменяемыми и подлежащими психиатрическому лечению. А кто давал указания кого куда, если все экспертизы были «заказными»? Кто и на основании чего делал «заказ»? Кто взял и как взял на себя право говорить, что это заказ или просто направление? И в какой форме заказ? Это всё «правозащитное» словоблудие. В конце концов, если и был «заказ», то он не был выполнен на 100%, и уже сам этот факт следует считать свидетельством того, что эксперты сохраняли свою честь и достоинство и не исполнили репрессивного «заказа» Системы.

«Правозащитники» неизменно называют главными «карателями от психиатрии» «генерала КГБ» Г.В. Морозова и «полковника КГБ» Д.Р. Лунца, а теоретиком самой «карательной психиатрии» академика А.В. Снежневского. Г.В. Морозов как председатель экспертных комиссий в 4-ом «спецевском» отделении дал заключение о невменяемости в 20 случаях, и в 16 случаях о вменяемости, так сказать не побоялся послушаться указаний своих «начальников по КГБ» и не дал 100% признание диссидентов невменяемыми. Такое же соотношение и у Д.Р. Лунца, который был членом таких комиссий, проводившихся в его отделении: 127 – невменяемые, 118 – вменяемые. Как такое положение прокомментируют «правозащитники»: КГБ не тем доверило проведение карательной политики, что ли? Что касается теоретика «карательной психиатрии», то у А.В. Снежневского (как председателя экспертных комиссий) соотношение вменяем/невменяем было: 8/13. Ужас! Какой же повальный психиатрический террор!

Миф третий. Когда «правозащитники» пишут об особой репрессивности советской психиатрии, то в первую очередь имеют ввиду тот факт, что экспертами принудительное лечение невменяемым политически инакомыслящим рекомендовалось в основном в специальных психиатрических больницах системы МВД. К сожалению, это так. Но советские инструкции по принудительному лечению указывают, что именно такие меры должны были применяться в отношении психически больных, совершивших «особо опасные» деяния, а именно к ним относятся правонарушения, определяемые ст. 70 УК РСФСР, помещенной в главу УК с названием «Государственные преступления, особо опасные государственные преступления». Следует оценить, как определенную смелость, проявленную экспертами Института им. В.П. Сербского, то, что они в нарушение этих инструктивных требований из числа признанных невменяемыми по этой статье всё же в 25 случаях (12,5%) принудительное лечение в специальной психиатрической больнице не рекомендовали. Более того, двум невменяемым так называемые «меры медицинского характера» ограничивались всего лишь наблюдением в психиатрическом диспансере.

Такие гуманные отхождения от действительно репрессивных предписаний Системы в отношении «политически-невменяемых» не всегда заканчивались успехом. Суды не соглашались с такими рекомендациями психиатров, но это дело их совести – они на это имели юридическое право. В специальной психиатрической больнице ГССР (гор. Поти) я выявил больного, которому трибунал определил принудительное лечение именно в СПБ, заменив этим наблюдение в психиатрическом диспансере по месту жительства, которое было рекомендовано СПЭК. Обвинение этому больному шизофренией звучало действительно грозно: Статья 64 УК РСФСР – Измена Родине, выдача государственной тайны иностранному государству. Трибунал, который вопреки рекомендации СПЭК определил принудительное лечение в СПБ, действительно оказался карательным органом. Я не смог понять мотивов трибунала и счел необходимым поддержать коллег судебных психиатров. Основанием для этого была конкретная сущность самого «преступления».

В данном случае речь шла о молодом, 18 лет, человеке, который, по моему убеждению, никакой опасности для государства не представлял. Он, зная об

энергетическом голоде в стране и мире, придумал «энерговосстанавливающую систему», суть которой заключалась в установлении электротурбинок в подвалах высотных домов – канализационные воды, стекая с верхних этажей, должны были крутить эти турбины и выдавать электроток. Это свое «изобретение» молодой человек оформил в чертежах, сопроводил необходимыми расчетами и предложил соответствующим ведомствам и учреждениям нашей страны. Поскольку по понятным причинам его предложение не нашло спроса, он решил, что виноваты чиновники-бюрократы, и чтобы «изобретение» не пропало даром, решил его передать американцам. С этой целью он договорился по телефону с посольством США о встрече и передаче документации своего «изобретения». В момент передачи этих документов в назначенном ему месте, он был задержан, арестован и получил обвинение по ст. 64 УК РСФСР. На судебно-психиатрической экспертизе было установлено, что он болен с 14 лет и всё время проводил в своих изобретениях, подобных «канализационной турбинке». Экспертная комиссия, дав заключение о невменяемости, не нашла какой-либо особой социальной опасности в его деянии и рекомендовала лишь наблюдение психоневрологического диспансера. Председатель трибунала был согласен с тем, что совершенное деяние по своей конкретике, конечно, не представляет опасности для государства, однако учинивший его деятель этого не понимал, и поэтому он представляет большую опасность как потенциально готовый совершить действительно тяжкое преступление. Такой подход явно соответствовал концепции революционной целесообразности, взятой советской юстицией из «позитивной» школы юриспруденции. Мне пришлось быть достаточно изощренным, чтобы суметь доказать трибуналу, рассматривавшему вопрос о прекращении принудительного лечения, что какой-либо опасности для государства этот больной не представляет. Основной довод, который приводил генерал КГБ, проводивший заседание трибунала, заключался в том, что поскольку больной уже был под наблюдением диспансера, и это не привело к необходимой профилактике опасных действий, то такую профилактику может обеспечить только принудительное лечение в специальной психиатрической больнице МВД.

Анализ многолетней практики судебно-психиатрических экспертиз в Институте им. Сербского по обычным (не политическим) преступлениям

показывает, когда меньшее, когда большее, но неизменно значительное преобладание признанных на экспертизе вменяемыми. На этом фоне обращает на себя внимание явное преобладание невменяемых среди проходивших экспертизу по ст. 190-¹ УК РСФСР ("распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй"): 31,1% – вменяемые, 68,9% – невменяемые. При этом, за исключением всего одного случая, всем невменяемым рекомендовалось принудительное лечение в психиатрических больницах специального типа. Объяснение этому можно видеть в том, что в основном это были больные шизофренией, ранее уже лечившиеся в психиатрических больницах, социально дезадаптированные, легко поддающиеся негативному влиянию (обычно именно их свободолюбивые диссиденты провоцировали на антисоветские выступления перед зарубежными журналистами). Они хуже психически здоровых учитывали ситуацию «когда, где, с кем» можно делиться своими политическими взглядами, выступать с протестными заявлениями, и поэтому они чаще оказывались в числе повторно арестованных. Это, может быть, дает объяснение тому, почему только в одном случае принудительные меры медицинского характера не рекомендовались. Обращает на себя внимание тот факт, что из 26 лет учета, в одиннадцати годах не было ни одного направления на экспертизу по этой 190-¹ статье. Но это не для понимания психиатров.

Только тщательное катamnестическое исследование (то есть изучение психического состояния в отдаленный период после установленного диагноза) могло бы за отмеченными тенденциями конкретно показать, сколько было неправильных диагностических и экспертных заключений. Но такое достоверное, полноценное исследование уже практически не осуществимо. Выборочный катamnез показывает: у кого-то наступила длительная стойкая ремиссия (до уровня практического выздоровления), не исключающая обоснованности диагностики шизофрении в предыдущие годы, у кого-то вообще не было оснований сомневаться в диагнозе в силу дальнейшего развития шизофренического процесса. Конечно, нельзя исключить возможности, что кому-то ставился диагноз шизофрении на основе неоправданно расширительного понимания границ этого заболевания, но пока таких случаев я не встречал – это,

во-первых. А, во-вторых, если такое где-то и было, то почему это «злой, карательный умысел»? Это могло исходить от субъективного понимания границ шизофрении и не быть «делкой с совестью». Представляется существенным другое, а именно то, что и психически больные могли выступать против Системы. При этом выступать отнюдь не по "психопатологическим механизмам", а как лица, которые хоть и имели диагноз шизофрении, но сохраняли нравственные гражданские ориентиры и осознанно выступали против тоталитаризма, возможность чего я уже отмечал. Важно добавить, что имея эти нравственные гражданские ориентиры некоторые из них в силу сниженной возможности целостного критического осмысления конкретных ситуаций не могли (или не хотели!) скрывать свое негативное отношение к этой Системе.

Некоторые катамнестические сведения о признанных невменяемыми (не только диссидентов) у меня есть на основании 12-летнего периода работы Председателем Центральной комиссии МЗ СССР по прекращению принудительного лечения в Орловской специальной психиатрической больнице. Расскажу об этой работе несколько подробнее.

С самого открытия этой больницы (1970) я в течение 12 лет дважды в год проводил освидетельствование всех её обитателей (от «А» до «Я») на предмет возможности прекращения принудительного лечения в больнице специального типа. Каждый раз больных было около 360. Несколько раз в помощь себе я брал опытного эксперта из своего Института им. Сербского. Если у больного еще сохранялось психотическое состояние, то было ясно, что он пока не подлежит выписке, и беседа с ним была короткой. И наоборот, когда можно было ставить вопрос о прекращении принудительного лечения, то экспертное собеседование затягивалось. Иногда, когда полная уверенность не складывалась, я записывал такого больного кандидатом на выписку при следующем, через полгода, своем приезде. Решение о прекращении принудительного лечения дело очень ответственное, особенно учитывая, что в основном речь шла о больных, совершивших более, чем просто тяжкие преступления (серийные убийства, групповой разбой, жестокое сексуальное насилие и другие преступления при отягчающих обстоятельствах). Нозологический состав характеризовался

преобладанием больных шизофренией, на втором месте были страдающие органическим поражением головного мозга со слабоумием.

Опыт научил учитывать не только психическое состояние больного, но «психологию» суда, выносящего определение о прекращении принудительного лечения. Даже тогда, когда я при первом свидетельствовании больного не находил у него какой-либо психопатологии, и поэтому писал, что принудительное лечение должно быть прекращено, суд не всегда с этим соглашался. И как бы брал на заметку мою «торопливость», и это потом затрудняло повторное прохождение через суд рекомендации о прекращении принудительного лечения. Чаще всего это касалось больных, имевших политически негативный имидж.

Нельзя не отметить такой факт, как изменение клинической картины больных на принудительном лечении по сравнению с тем, что было в период экспертизы, когда решался вопрос о невменяемости, а также непосредственно в больнице во время беседы на предмет возможности прекращения принудительного лечения. Были даже случаи, когда больной накануне приветливо здоровался со мной, а при расспросах во время комиссии не мог сказать ни слова. Видимо, сказывалось волнение в ожидании решения вопроса о выписке.

В целом за весь период моей работы в Орловской СПб «спецбольных» было совсем мало, не более семи, запомнился один – Владимир Львович Гершуни. Запомнился потому, что когда я стал проводить ему освидетельствование на предмет прекращения принудительного лечения, появился сотрудник КГБ (видимо, его предупредили, что я намерен этому «антисоветчику» принудительное лечение прекратить, об этом я уже говорил начальнику больницы). Состоялся жесткий разговор: после того, как я закончил освидетельствование заключением, что принудительное лечение в спецбольнице можно прекратить, этот сотрудник вдруг выступил и заявил: «Нет! Этого делать нельзя». Я буквально опешил, такого никогда ранее не бывало. Пришлось жестко ответить: «Заключение даю и подписываю я, а если вы имеете другое мнение – пишите, но это уже не будет судебно-психиатрическим документом. Можете написать жалобу и на меня». Он и написал жалобу, но Гершуни суд всё же принудительное лечение прекратил, мне же пришлось у себя в Институте давать объяснение (объяснение просила написать

спецчасть Института, видимо, по запросу какой-то более высокой спецчасти – не знаю, я ничего не ведаю в этой системе). В дальнейшем я продолжал по два раза в год приезжать в Орловскую психиатрическую больницу МВД для определения возможности прекращать принудительное лечение.

Почти все находившиеся в этой больнице «диссиденты» имели диагноз шизофрении, установленный при проведении судебно-психиатрической экспертизы в Институте им. В.П. Сербского. Ни у кого из них не было тяжелого психотического состояния при совершении инкриминированного им деяния. Большинство из них уже ранее имели диагноз шизофрении и лечились в психиатрических больницах, так что диагностика шизофрении на экспертных комиссиях не была первичной. После этих стационаризований они возвращались домой, устраивались на работу, вели достаточно адаптированный образ жизни. Нередко окружающие и не знали об их лечении в психиатрических больницах. Однако правильность ранее установленного диагноза шизофрении при экспертизе ни разу не вызвала сомнения. Их преступления по ст. ст. 70 или 190-¹ УК РСФСР в основном были спровоцированы «друзьями». По их просьбам они перепечатывали запрещенную литературу, изготавливали и распространяли прокламации и листовки, выступали на митингах с антисоветскими призывами.

Здесь надо сказать доброе слово «спецорганам». Они проявляли терпение, производили арест и возбуждали уголовное дело только после трехкратных предупреждений о прекращении такой деятельности и получения расписок с обещаниями это сделать. Но эти предупреждения оказывались тщетными. Один из таких «диссидентов» прямо провоцировал «органы»: он считал себя выдающимся поэтом-правдолюбом. О наличии у него исключительного таланта ему подпевали «друзья-правозащитники», они же устраивали ему встречи «с народом», на которых он самозабвенно читал свои поэмы. О месте и времени этих встреч «друзья» заранее оповещали зарубежных корреспондентов, чтобы те могли стать свидетелями задержания «борца с режимом». Этот поэт до ареста уже дважды лечился в гражданской психиатрической больнице с диагнозом шизофрении, поставленным на основании отчетливой клинической картины острого психотического состояния. Теперь требуя немедленного прекращения принудительного лечения, он заявлял, что всегда был здоров, а тогда

симулировал шизофрению, чтобы «откосить» от армии. Диагноз шизофрении социально непрестижный, и больные нередко предпочитают получить срок лишения свободы «в зоне», чем числиться «шизиками».

В целом в «правозащитной» литературе очень много ложных, резко преувеличенных, политизированных данных о «карательной» психиатрии, о якобы переполнявших сначала Институт им. Сербского, а потом спецбольницы диссидентах – жертвах тоталитарного режима. Я в приведенной таблице показал, что при «массовом психиатрическом терроре» в некоторые года поступления на экспертизу были единичными и единичными были направления на принудительное лечение. При этом информационно важен и такой факт: если при одновременном содержании на принудительном лечении во всех больницах спецтипа МВД было по 3-4 тысяч больных, то количество собственно «политических» вряд ли когда дотягивало до 2-3 десятков.

В Интернете есть сайт «Известные правозащитники», в нем перечислены: 1. Людмила Алексеева, 2. Лариса Богораз, 3. Елена Боннэр, 4. Владимир Буковский, 5. Татьяна Великанова, 6. Георгий Винс, 7. Александр Гинзбург, 8. Наталья Горбаневская, 9. Пётр Григоренко, 10. Мустафа Джемилев, 12. Александр Есенин-Вольпин, 13. Софья Каллистратова, 14. Сергей Ковалёв, 15. Левко Лукьяненко, 16. Мальва Ланда, 17. Павел Литвинов, 18. Наум Мейман, 19. Валерия Новодворская, 20. Юрий Орлов, 21. Александр Подрабинек, 22. Андрей Сахаров, 23. Андрей Твердохлебов, 24. Вячеслав Черновол, 25. Анатолий Щаранский. Только у пяти (№№ 4, 8, 9, 12, 19) устанавливались психиатрические диагнозы, и давалось заключение о невменяемости. Кто-то из этой когорты диссидентствующих сказал про них: «Все они известны и их по пальцам пересчитать можно. Они политические выскочки, а кто не выскакивал, тот и диссидентом не был: за что его психиатрически гнобить?»

О каком «массовом психиатрическом терроре» в отношении инакомыслящих можно говорить, если 80% основных диссидентов психиатрия даже не коснулась? Где тотальное клеймение шизофренией свободолюбивых диссидентов? Где политическое злоупотребление психиатрией? Где? На совести антисоветских пропагандистов, этих самых диссидентов-«правозащитников»!

Проблемы шизофрении – корм «правозащитных» хулителей советской психиатрии.

Шизофрения – это особый вариант жизненного существования человека (его экзистенции), обусловленный расщеплением смысловых представлений об отношениях собственного **Я** к себе, к другим, к миру, с неадекватным переживанием всего этого инакобытия. Все это создает реальные проблемы в жизненных судьбах людей, страдающих шизофренией. У них ***особая, сложная судьба***. Долг каждого психиатра и всей психиатрической службы помочь этим людям, потерявшим единство и свободу своей личности, обрести утраченное и достойно быть в «этнической интеграции» со всем обществом.

Хотя в этом десятилетии шизофрения отметила свое 100-летие, обещанная в 1957 году Нобелевская премия за раскрытие её сущности осталась, к сожалению, не востребованной, а многие психопатологические проявления её клиники продолжают быть не всегда согласованными.

Тем не менее, в целом в населении (по данным специальных опросов) считается, что шизофрения тяжелое неизлечимое заболевание полностью поражающее психику. Такого представления не было бы, если бы люди (и «правозащитники» тоже) знали, что при шизофрении бывает выздоровление до уровня практической нормы, что «сейчас здоровый» не значит, что не был больным в прошлом. Само понятие «шизо» означает расщепление, а не тотальное неизлечимое поражение психики, как это имеет место при органическом слабоумии. Шизофрения – это «инаковидение», «инакомыслие» и это «инако» позволило некоторым больным шизофренией прославить науку, особенно математику, быть лидерами в шахматном мире и др. Как пример: у меня был приятель, больной шизофренией, которого я лечил в 1957 в остром психотическом состоянии (тогда мы и познакомились). После выписки из больницы повторных психотических приступов не было, он работал и даже стал чемпионом мира по шахматной композиции. В противоположность слабоумным у больных шизофренией наряду с явно болезненными одновременно могут сосуществовать совершенно нормативные (а то и лучше) психические проявления. Если бы критики психиатрии знали это, то не говорили бы, что какие-то проявления

нормы, адекватного поведения отрицают наличие болезни в целом. В частности, адекватные обвинения политической Системы в тоталитаризме отнюдь не доказательство психического здоровья в целом и отсутствия шизофрении.

В период развития диссидентского движения в СССР и арестов среди его активистов в их лексиконе появилось словосочетание «мягкая шизофрения». Хотя такой диагноз в официальной психиатрии уже давно канул в Лету и его со второй половины 30-х годов никто не ставил, смысл этого словосочетания означал как бы диагностирование шизофрении у человека без шизофрении. В свое время, в начале 30-х годов, будущий академик АМН СССР О.В. Кербиков высмеял такую «шизофрению без шизофрении», противопоставив ее реально мягкой, но несомненной шизофрении. И хотя хулители советской психиатрии не знают истории учения о шизофрении, им понравилось это словосочетание «шизофрения без шизофрении» поскольку советские психиатры, по их мнению, будто бы именно такую «шизофрению» диагностировали у диссидентов.

С 60-ых годов реально медленно текущая шизофрения стала обозначаться в номенклатуре психических расстройств как вялотекущая. «Правозащитники» утверждают, что такая шизофрения (по их мнению, «шизофрения без шизофрении») была нужна карательной Системе для использования психиатрии в политических целях. Предполагалось, что в новой, после завершения периода государственного террора, социальной ситуации всё стало складываться наоборот: государство вместо прежнего запрета на признание «политических» психически больными, теперь оказалось заинтересованным в обратном, в том, чтобы у психически здоровых противников его политической Системы диагностировалось психическое заболевание. «Правозащитниками» утверждалось, что это представляло собой политические злоупотребления психиатрией, в результате которых психически здоровых противников Системы можно было бы лишить возможности защищаться в суде, а затем «спрятать» в специальные психиатрические больницы. Чтобы добавить черной краски придумывали не соответствующие реальности страшилки, например: «После выписки из больницы, лица с диагнозом вялотекущая шизофрения были лишены гражданских прав, надежности и возможности трудоустройства» [Thoma Plante].

В «правозащитной» литературе, посвященной критике советской психиатрии, преобладает именно «Вялотекущая шизофрения или медленно прогрессирующая шизофрения»: «Вялотекущая шизофрения была самым печально известным диагнозом, используемым советскими психиатрами в отношении политических диссидентов». Robert van Voren, которого я, как упоминалось, со всем основанием отношу к бизнес-пиарщикам темы «карательной психиатрии» в СССР, первым опубликовал и неоднократно повторял: «Большинство экспертов считают, что концепция была разработана в соответствии с инструкциями от советской секретной службы КГД и коммунистической партии». На основании чего дается такое утверждение? Что значит «большинство экспертов»? Каких экспертов? Какое большинство? Какое соответствие, с какими инструкциями КГД и КПСС? Ответов на эти вопросы у Robert van Voren, этого «рыцаря разоблачения злодеяний карательной психиатрии» – и нет и быть не может, потому что этих инструкций не существовало! (под КГД Voren, видимо, подразумевал КГБ – *автор*)

«Вялотекущей шизофрении» посвящена специальная одноименная статья в Интернете в разделе «Карательная психиатрия». Авторов критики концепции вялотекущей шизофрении много, но она у них более чем однотипна. Практически всегда эта концепция подается в заведомо ложном ключе: это выдумка проф. А.В. Снежневского по заказу репрессивной Системы. Так статья Robertson & Walter с таким названием уже начинается с небылицы: диагноз устанавливался даже у пациентов, «которые не показали симптомы шизофрении и других психотических расстройств». Их коллега г-н Mark Moran даже утверждает, что такая шизофрения «никогда не была использована или признана за пределами Советской России, или международными организациями».

Естественно, что и российские сподвижники Подрабиника и Савенко утверждают то же самое. Так, Л. Б. Терновский — «врач, писатель, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России, член Московской Хельсинкской группы и с 1978 года член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» прямо утверждает: «диагноз «вялотекущая шизофрения» был изобретён сотрудниками института имени Сербского академиком А.В. Снежневским, Г.В. Морозовым и Д.Р. Лунцем

специально для нужд карательной психиатрии». Как и все сподвижники Подрабиника и Савенко этот «врач, писатель, участник и член» не знает историю вялотекущей шизофрении. И плюс к этой своей неграмотности добавил академика А.В. Снежневского к сотрудникам института им. Сербского (он им был, когда еще не был академиком), а главное, к «изобретателям диагноза «вялотекущая шизофрения» приписал Г.В. Морозова, у которого никогда не было каких-либо публикаций на эту тему.

Практически никто из критиков вялотекущей шизофрении не знает трудов таких выдающихся психиатров как А.С. Kronfeld (1928), Н.П. Бруханский (1928), П.Б. Ганнушкин (1933), которые со своими сподвижниками в 20-е – 30-е годы прошлого века разработали концепцию «мягкой шизофрении», и уж, конечно, никто из них не знает специальные труды на эту тему Р.А. Наджарова (1956, 1959), Д.С. Озерецковского (1955), Ф.В. Кондратьева (1962–1966) и др. Эти критиканы не знают и работ многих зарубежных психиатров 60-х годов, в том числе американских Р. Hoch и Р. Polatin (1949), которые, естественно, не могли быть сотрудниками проф. А.В. Снежневского. А о том, что в МКБ-9 была внесена не только вялотекущая шизофрения, но и её варианты с шифрами 295.5–295.59, видимо, просто не имеют представления.

Всё это свидетельство некомпетентности критиков. А то, что «этот диагноз считается ярким примером политического злоупотребления психиатрией в Советском Союзе» – это уже «правозащитное» злоупотребление психиатрией. Это словоблудие «правозащитников» – хулителей отечественной психиатрии.

Когда мне проф. А.Г. Галачьян, ученик П.Б. Ганнушкина, предложил для кандидатской диссертации тему «Клинические особенности и судебно-психиатрическая оценка в случаях медленно текущей шизофрении», я ещё не слышал слова «диссидент». И хотя проф. Д.Р. Лунц неофициально предупредил меня «не дразнить гусей», я еще не знал о начавшихся обвинениях психиатрии в ее использовании в политических, «карательных» целях и не представлял, с какой же опасной темой имею дело. При составлении обзора литературы по теме диссертации проблем у меня не было: и отечественных и зарубежных, в том числе американских, научных работ, посвященных медленно, вялотекущей шизофрении,

было вполне достаточно. С докладом, излагавшим суть диссертации, я был в 1963 году направлен на научно-клиническую конференцию по шизофрении в Киев, и председательствовавший на ней проф. Я.П. Фрумкин отметил актуальность этой темы особенно для судебной психиатрии. Один из самых авторитетных психиатров того времени проф. Мелихов Д.Е. написал на автореферате моей диссертации, что с появлением таких работ поколение старших психиатров может спокойно уходить на пенсию.

В целом распознавание шизофрении, её диагностирование бывает и очень простым – достаточно одного взгляда на больного, и очень сложным. Моя докторская диссертация была основана на анализе ошибок, связанных с диагностированием шизофрении: ошибочном диагностировании шизофрении у психопатических личностей и ошибочном диагностировании психопатии у больных шизофренией. В частности, было установлено, что каждому 8-му из 2137 больных шизофренией, находившихся за 10-летний период в Институте им. В.П. Сербского, ранее устанавливался один или несколько раз диагноз психопатии. Среди сотен случаев таких ошибок были особо поучительные. Так, в одном случае диагноз пересматривался 32 (!) раза: то шизофрения, то психопатия и, наоборот. При этом в диагностическом процессе принимали участие многие ведущие профессора-психиатры страны.

Более того, уже на пятом десятке работы судебным экспертом я столкнулся со случаем, когда чуть ли не каждый день, после очередной беседы с подэкспертным (он обвинялся в шпионаже), я изменял свое диагностическое мнение то в одну, то в другую сторону*. Я и эксперт-куратор (очень опытный судебный психиатр) более трех месяцев не могли определиться, что это – сюрсимуляция у больного вялотекущей шизофренией или просто симуляция. В конце концов, мы пришли к выводу, что перед нами «Сюрсимуляция при шизотипическом расстройстве и психогенное провоцирование шизофренического процесса».

Поэтому являются явно недостаточными для серьёзных обвинений в «клеймении шизофренией психически здоровых» такие «основания» как

* Этот случай описан в Практике судебно-психиатрической экспертизы. Сб. № 40. - М., 2002. – С. 5-10.

ссылки «на соседа по палате, который психическим расстройствам не замечал».

Ещё один пример сложности и ответственности в диагностике шизофрении, особенно первичной: во время работы председателем центральной комиссии по прекращению принудительного лечения в Орловской СПБ МВД у меня в 3-4 случаях возникали серьезные сомнения в правильности мною же установленного диагноза шизофрении и мною же данного в Институте им. Сербского экспертного заключения о невменяемости. В этих случаях я просил суд вынести определение о направлении на повторную экспертизу «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами» и следил, чтобы повторное освидетельствование было проведено в руководимом мной экспертном отделении. Я был к себе придирчив, но во всех случаях был вынужден признать, что установленный мной при первой экспертизе диагноз шизофрении был правильным, и больных возвращали для дальнейшего прохождения принудительного лечения.

Этот факт показывает необходимость особой осторожности при пересмотре диагноза шизофрении. И, уж конечно, недопустимы какие-то легковесные, без достаточной клинической обоснованности допущения или отрицания этого диагноза на основании только того, что «кто-то где-то сказал». А именно, такая «смелость» характерна для «правозащитников», отрицающих факты наличия этого заболевания у диссидентов.

«Правозащитная» смелость хулителей психиатрии проявлялась и тогда, когда они начинали отрицать обоснованность диагноза шизофрении. При этом обнаруживалась своеобразная закономерность: они сначала приписывали психиатрам какие-то примитивные суждения, а потом критиковали их за этот примитивизм. Якобы психиатры рассуждали так: «раз не хочет жрать – то псих», «раз нигде не работает – значит, шизофреническая абулия».

Незнание психиатрии ведет и к другим ошибкам. Как доказательство «преступности карательной психиатрии» приводится факт резкого, начиная с 1954 года, увеличения числа выписанных больных из спецбольниц. «Правозащитники» утверждали, что врачи сначала ставили «по заказу» заведомо неправильные диагнозы, а потом вдруг испугались и стали исправляться. Специалистам же должно быть ясно, что со смертью Сталина и изменения социальной ситуации в

стране стало спадать психотравмирующее напряжение, началась реабилитация, и психогенные психозы по мере нивелирования их этиологического фактора смягчались вплоть до полного исчезновения.

И ещё одно положение, которое путало «правозащитников». Они полагали, что «ошибочность» диагностики шизофрении происходила из-за того, что психиатры якобы считали само диссидентство признаком психической патологии. Может быть действительно находились такие эксперты-психиатры, но в целом они знали: само по себе психическое расстройство не может предопределять политическую ориентацию. Как психически здоровые, так и психически больные, имеющие один и тот же психопатологический синдром, могли быть и фанатичными сторонниками советской власти и ярыми её противниками. Политические ориентации относятся к высшей, смысловой, духовной, сфере личности, которая как не имеющая собственного биологического субстрата, сама по себе не может болеть в медицинском понимании этого слова (а поэтому она не может быть изменена в результате какого-либо медико-фармакологического воздействия). Психические расстройства – это расстройства психологического (душевного) уровня в измерениях личностного интеграла «тело – душа – дух» и они вне политики.

В этой связи, если само диссидентство может быть могло недостаточно эрудированными психиатрами приниматься за психопатологию, то любое правильное, адекватно негативное отношение к Системе, «правозащитники» неизменно рассматривали только как факт, исключающий возможность диагностирования психического заболевания. Вместе с тем у любого больного шизофренией всегда может быть найдено что-то психологически понятное, объяснимое – на то это и «шизо», и такие, действительно нормальные душевные проявления – не препятствие к установлению диагноза шизофрении. Психиатр должен выявлять признаки психопатологии, симптомы болезни, а психолог может определять нормативные психологические особенности, которые входят в структуру определяющих конкретное социальное поведение факторов. Итог: проявления психопатологии – свидетельство болезни, но одновременные проявления психологической нормативности не отрицают диагноз шизофрении.

Что же показали миру «правозащитники»-хулители советской психиатрии?

Я специально изучил материалы Интернета и публикации в статьях и книгах на темы, имеющие отношение к так называемому «злоупотреблению психиатрией в карательных целях» в Советском Союзе и в Российской Федерации. Практически все они отличаются четкой ориентацией на однозначное хуление российской психиатрии, являются явно политизированными и дают информацию, далеко не энциклопедично, что следовало бы ожидать от Википедии и других специальных материалов. Судя по содержанию информации и приводимым ссылкам, стало совершенно очевидным, что все эти тексты имеют одни и те же «правозащитные» тенденции и одни и те же источники.

Конечно, мне было интересно, на каком фактическом материале строились обвинения в злоупотреблениях психиатрией, кто имел компетенцию утверждать, что жертвами репрессивной психиатрии были психически здоровые диссиденты.

Среди обвинителей советской психиатрии в «репрессивных» мерах по отношению к диссидентам были (за исключением двух человек) люди, совершенно не компетентные в психиатрии. Так, в основанной фельдшером скорой помощи А. Подрабинеким в 1977 году «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях» членами комиссии были: В.И. Бахмин – программист с экономико-статистическим образованием, Ф.А. Серебров – судимый с 17 лет вор, затем рабочий-электрик, Л.Б. Терновский – врач-фтизиатр, рентгенолог и И. Каплун, практически сразу после основания комиссии вышедшая из её состава. От Московской Хельсинкской группы в комиссию входил Пётр Григоренко. При «Комиссии» были два психиатра-консультанта - А. Корягин и А. Волошанович, которые за всё время работы (как сообщается в Интернете) освидетельствовали «55 диссидентов, которых освободили из психиатрических больниц или собирались поместить в них недобровольно», и «пришли к выводу, что изоляция этих людей не имела медицинских показаний, и начали кампанию за освобождение диссидентов, содержащихся в психиатрических больницах». Я этих врачей не знаю, ничего не могу сказать об их профессиональной компетентности, но хочу верить, что они были правдивы. Но всё равно количество 55 человек по отношению «к тысячам заключенных, побывавших в советских

спецпсихбольницах» (А. Подрабинек, «Карательная медицина», 1979 г., стр. 105.) не позволяет говорить о чем-то характерном, типичном, «повальном». А ведь никто, кроме этих двух консультантов-психиатров «Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях», не имел морального права, в силу своей некомпетентности, судить о психическом здоровье «заключенных» в СПб.

Основными авторами публикаций, в которых изложены «правозащитные» обвинения в злоупотреблениях психиатрией в политических целях, является А.П. Подрабинек («Карательная медицина»), А.С. Прокопенко («Безумная психиатрия»), А.И. Коротенко и Н. Аликина («Советская психиатрия: заблуждения и умысел»). Активно развивает и модифицирует эту тему Роберт Ван Ворен, который превратил серьезную проблему взаимосвязи политических интересов и психиатрии в пиар-бизнес. Он спекулирует на этой теме, которая стала главным источником его жизнеобеспечения и карьеры. Роберт Ван Ворен — главный исполнительный директор Глобальной инициативы по психиатрии, Почетный член Британского Королевского колледжа психиатров и почетный член Психиатрической Украинской ассоциации, в 2005 году даже был посвящен в рыцари королевой Нидерландов Беатрикс за работу в качестве правозащитника. И все это за разоблачения злодеяний карательной психиатрии. Можно ещё отметить буквально толпу «подпевал», которые слышали «звон» от основных хулителей, «но не знают, где он». Многие их публикации я читал. Общее впечатление: они ходят прослыть «правозащитниками», борцами против «психиатрического террора», представить себя знающими проблему. Но то огромное количество путаницы и противоречий в их текстах, которые мне, как очевидцу тех событий, бросаются глаза, дает основание полностью игнорировать их «труды». В целом же про все такие публикации следует сказать одно – они «хулительная карусель», хор «переподпевал».

Признаюсь, что начиная читать главные книги разоблачителей «карательной психиатрии» Подрабинек, Прокопенко, Коротенко и Аликиной, Ван Ворена, Гузмана, Гушанского и иже с ними, я полагал, что действительно найду что-то документальное, реальную фактуру, а не голословное сарафанное радио: кто-то что-то из соседей по какой-то палате сказал.

Единственное, что я могу предположить в оправдание борцов с «карательной медициной», «безумной психиатрией» и т.п., это то, что они могли где-то действительно искренне заблуждаться. Заблуждались потому, что были спутаны своими информаторами или были исходно настолько одержимы русофобией, идеями разоблачения карательной Системы, что просто не могли объективно разобраться в реалиях действительно сложной проблемы. И ещё: почти все из них не имели правильного представления о клинических проявлениях шизофрении, диагноз которой почти всегда устанавливался признанным больными и неменяемыми диссидентам. К сожалению, тоже можно сказать даже о коллегах-психиатрах, ставших профессиональными разоблачителями.

По персоналиям: А.П. Подрабинек – фактов нет, но шума много.

Я, начал свои клинико-политические размышления с цитирования вызывающе-клеветнического заявления А. Подрабиника: «Слова "советские психиатры 70-х годов" будут вызывать у наших потомков чувство брезгливости и презрения...». Я очень внимательно изучил его книгу «Карательная медицина», вышедшую под редакцией Людмилы Алексеевой в Нью-Йорке в 1979 году. Материалы этой книги очень широко цитируются другими «правозащитниками» и даже в официальных документах. Многие из них представлены в Интернете, а сам же автор за свой труд неоднократно получал зарубежные награды. Изучая эту книгу, я хотел установить, какими же материалами, фактами, документами он пользовался.

Мне в целом понравилась критический анализ А. Подрабиником Конституции СССР, Законов, УК и УПК РСФСР, инструкций, касающихся ограничения гражданских свобод в СССР. Им достаточно убедительно показано, что советская Система была по своей сути репрессивной, карательно ориентированной на тоталитарное проведение идеологии своей большевицкой политики, что она и психиатрию пыталась использовать в этих целях для обеспечения своего абсолютного верховенства.

Подрабинек приводит много документов (и цитирует их), когда обсуждает законодательство, приказы и инструкции тех лет, которые касаются назначения и проведения судебно-психиатрической экспертизы, назначения и проведения принудительного лечения и последующего жизнеобеспечения больных. Хорошо, что он ссылается на первоисточники и делает достаточно полный, целостный анализ. К сожалению, приходится согласиться с ним, что законодательно-нормативное, инструктивное и документальное обеспечение психиатрической службы действительно было в большей степени направлено на удовлетворение интересов Системы, а не интересов гражданского общества, в том числе и его психически больных членов. Ещё раз подчеркну, в этом злоупотреблении психиатрией какой-либо вины непосредственно врачей-психиатров нет, такое законодательное положение – это беда, а не вина советской психиатрии.

Совсем другое впечатление остается от приведенных Подрабинином доказательств «репрессивной сущности» и «карательной практики» советской психиатрии 70-х годов. Собственно, доказательств просто нет, идут бесконечные ссылки типа: «один узник совести слышал, что ...», «в палате, говорили, что ...». Жесткие заявления о «массовых злоупотреблениях карательной психиатрией», абсолютно ничем не подтверждены, кроме общих громких фраз о психиатрическом терроре. Реально в орбите этих заявлений крутится как карусель всего 2-3 десятка имен за весь 25-тилетний период советской психиатрии, о котором идет речь.

Скажу прямо, я обрадовался, когда читая книгу Подрабиника «Безумная медицина» подошел к разделу, обещающему дать конкретику: ну, думаю, сейчас демагогия заменится фактами. Однако, как пишет автор: «Узнать фамилии тысяч заключенных, побывавших в советских спецпсихбольницах за последние 25 лет, – задача для нас непосильная. Тем не менее, мы считаем своим долгом назвать тех жертв карательной медицины, которые нам известны. В этом списке их всего лишь 200. С подавляющим большинством из них мы лично не знакомы и поэтому не беремся утверждать что-либо об их психическом состоянии» (Стр. 105).

Вот так, тысячи оказались не познаваемыми, а из числа 200 известных «с подавляющим большинством из них мы лично не знакомы и поэтому не беремся

утверждать что-либо об их психическом состоянии». Если «не беремся утверждать что-либо об их психическом состоянии», то почему они «жертвы карательной медицины»? Как же так? На основании чего вы можете говорить «о тысячах психически здоровых, сделанных карателями-психиатрами психически больными»? Я внимательно изучил этот список, хотя, собственно изучать там было нечего. Типичны такие ничего не говорящие лапидарные записи:

19. БОРОВИК Павел, из Калининграда.

Бухгалтер. Находился в Институте им. Сербского в марте 1974 г.

20. БОСС Давид Яковлевич

Поволжский немец, католик. В 1950 г. попал в лагерь по ст. 58-10. С 1956 г. - в Казанской СПБ, в 1962 г. переведен в Сычевскую СПБ. Освобожден в 1975 г.

25. БЫКОВ В., 1935(?) г. р., Москва. Архитектор, из группы Фетисова. Арестован в 1968 г., ст. 70 УК РСФСР. Находился в Ленинградской СПБ.

26. БЫКОВ Сергей, 1953(?) г. р., Сибирь. По политическим мотивам пустил под откос два эшелона с советским вооружением, направлявшихся в Северный Вьетнам. С 1971 по 1974 гг. находился в Казанской СПБ.

27. БЫЧКОВ Глеб Алексеевич, 1925(?) г. р., Сочи. Таксист. Предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР за "разговоры". Находился с 1972 г. в Черняховской СПБ.

28. ВАРГАНОВ Константин Петрович. Судим по ст. 58. В 1953 г. находился в Ленинградской ТПБ. Ныне живет в г. Горьком. Экономист.

29. ВАРЕННИКОВ Иван Семенович. Генерал-майор, командующий 9 армией штаба Жукова. Предъявлено обвинение по ст. 58. В 1953 г. находился в Ленинградской ТПБ.

32. ВИШНЯВСКИЙ Дмитрий. Племянник В. Молотова. В 1953 г. находился в Казанской ТПБ.

35. ГАЛАШОВ Н.П. Ленинградская СПБ.

36. ГАЛЛЕР Лев Михайлович, 1883-1952 (50?).

Адмирал с 1940 г., в Советском ВМФ с 1918 г., член КПСС с 1932 г., начальник Главного морского штаба с 1938 г., зам. наркома ВМФ с 1947 г. Бывший член экипажа "Авроры" (1917 г.). Умер в Казанской ТПБ в 1952 (50?) г.

37. ГАНЮШКИН, г. Тюмень. Сибирская коммунистическая партия. Первый секретарь Сибирской компартии – нелегальной организации, именующей себя также "параллельные коммунисты". Находился в Казанской СПБ.

40. ГИТЕЛЬМАН Яков Наумович. Студент Львовского университета. Предъявлено обвинение по ст. 58 УК РСФСР, в 1953 г. находился в Ленинградской ТПБ.

41. ГРАЧЕВ, 1939 г. р., Симферополь. Мастер на стройке. Арестован в 1973 г. Предъявлено обвинение по ст. 190-1 УК РСФСР, в Институте им. Сербского в январе 1974 г. СПБ или ПБ неизвестна.

43. ГРИГОРЬЕВ Денис. Электромонтер из Волгограда. В Институте им. Сербского в марте 1964 г.

49. ДАНИЛОВ О., г. Москва.

50. ДЕМЬЯНОВ Николай Иванович, 1938 г. р., Москва. Инженер. Арестован в 1970 г. Предъявлено обвинение по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР. Казанская СПБ.

51. ДЕНИСОВ А. Сычевская СПБ.
61. ЗАЛЕССКИЙ-ЭНЕЛИН Иван Алексеевич, 1881 г. р. Актер. Предъявлено обвинение по ст. 58 УК РСФСР. В 1953 г. находился в Ленинградской ТПБ.
71. КАМЕНСКИЙ Николай Сергеевич, 1910 (?) г. р.
74. КЛИЩ Михаил. Сычевская СПБ (переведен сюда в 1974 г. из Владимирской тюрьмы).
В 1970 г.(?) предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР. Находился в Сычевской СПБ.
80. КОМИССАРОВ. Днепропетровская СПБ.
83. КОЧКИН А.В. Ленинградская СПБ (?).
87. КРАСНЯК Владимир. Ст. 70 УК РСФСР, находился в Сычевской СПБ.
104. МАЛЬЦЕВ Виктор Иванович, 1913 г. р. В 50-х годах предъявлено обвинение по ст. 58 У К РСФСР. Находится в Днепропетровской СПБ.
105. МАЛЬЦЕВ Юрий Владимирович, 1932 г. р., Москва. Переводчик, писатель. Один из членов-основателей Инициативной группы защиты прав человека в СССР. Активно добивался разрешения на выезд из СССР, в октябре 1969 г. находился в ПБ № 1 им. Кащенко в Москве. Выехал из СССР в 1974 г.
106. МАМУТОВ Заур. Обвинялся по ст. 64 УК РСФСР за попытку перехода границы. Находился в Орловской СПБ.
107. МАРТЬЯНОВ Владимир.
109. МАХАЕВ И., 1942г. р. В 1969 г. предъявлено обвинение по ст. ст. 70 и 72 УК РСФСР. Находился в Сычевской СПБ.
110. МАШКО Владимир. Один из участников событий в Новочеркасске 1962 г.
115. МОНАХОВ Анатолий. Ст. 70 УК РСФСР. Казанская СПБ.
116. МОРКОВНИКОВ. Днепропетровская СПБ.
117. МОРОЗОВ Николай. Один из участников событий в Новочеркасске 1962 г.
128. ОКУНЕВ Владимир Иванович
129. ОРЛОВ Алексей. Один из участников событий в Новочеркасске 1962 г.
131. ПАЛЬЧЕВСКИЙ. Днепропетровская СПБ.
132. ПАНОВ. Ленинградская СПБ.

И так далее, до самого конца списка «жертв карательной психиатрии». В отношении некоторых добавлены еще 1-2 строчки или чуть больше. Что бы избежать обвинений, что я представляю книгу Подрабиника не объективно, даю эти «чуть больше»:

«33. ВОРОБЬЕВ Олег Иванович, 1940 г. р., Москва. В январе-марте 1966 г. находился в Институте им. Сербского в связи с участием в демонстрации на Пушкинской площади 5 декабря 1965 г. (за это же исключен из МГУ), признан вменяемым. 12 сентября 1969 г. на личном обыске (после обыска у Краснова-Левитина, где находился О.В.) изъяли "Письмо Ленина членам Политбюро" по поводу Шуйских событий. Принудительно госпитализирован в 15-ю ПБ общего типа, где пробыл до 20 октября. Арестован 24 сентября 1970 г., предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР, приговор - 6 лет лишения свободы. Выехал из СССР весной 1977 г., живет в ФРГ». *(И это жертва «карательной психиатрии»? Да, по Подрабинеку).*

«57. ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН Александр Сергеевич, 1924 г. р., Москва. Сын Сергея

Есенина. Математик, логик. В 1949 г. предъявлено обвинение в антисоветской пропаганде, признан невменяемым, провел год в Ленинградской ТПБ. В августе 1957 г. был госпитализирован в ПБ общего типа № 14 им. Ганнушкина в Москве на три недели. В сентябре 1959 г. арестован за "антисоветскую пропаганду" и опять интернирован в Ленинградскую СПБ, вышел оттуда через год. Сентябрь 1962 - март 1963 - в ПБ № 4 им. Ганнушкина в Москве, февраль-май 1968 г. - ПБ № 5 на ст. Столбовая под Москвой. Активный участник правозащитного движения. Эмигрировал в 1972 г.». *(Вот так, и этот «активный участник правозащитного движения» как жертва психиатрического террора оказался за рубежом!)*

«111. МЕДВЕДЕВ Жорес Александрович, 1925 г. р., Обнинск. Биолог, автор ряда книг, имевших хождение в Самиздате. В мае 1970 г. помещен в Калужскую ПБ общего типа. В результате выступлений в его защиту в СССР и за рубежом освобожден, пробыв в ПБ две с половиной недели. В 1973 г. выехал в Англию, лишен советского гражданства». *(«Правозащитного» шума в связи с Ж. Медведевым было много, а где собственно карательная психиатрия, да и вообще репрессивная Система?)*

«125. ОВЕЧКИН Валентин Владимирович, 1904-1968, Москва. Писатель, был членом редколлегии журнала "Новый мир". Член партии, в 1962 г. был кандидатом в депутаты Верховного Совета. После выступления с критикой культа личности Хрущева кандидатом быть перестал. Осенью 1962 г. обратился с письмом к ЦК КПСС с требованием сельскохозяйственной реформы по югославскому образцу, после чего помещен в ПБ, откуда вскоре выписан». *(И это тоже жертва психиатрического террора из списка, который составил Подрабинек для того, чтобы чуть ниже обосновать составленный им позорящий на века «Черный список» психиатров-карателей?!)*

Приводя эти и подобные «примеры» Подрабинек, видимо, хотел проиллюстрировать «злоупотребления карательной психиатрии», показать достоверность своих положений. Но все эти примеры ровно ни о чем не говорят: ну, пусть находился, а в каком статусе, до экспертизы или уже как признанный невменяемым, или же как заболевший после осуждения, или как-то по другому случаю, и что дальше, каков катамнез? И вообще, какое же было психическое состояние и в чем же «карательная медицина», наконец? Даже там, где приведено чуть больше двух строчек, всё равно нет никакой информации по сути дела. Ну, нельзя же так **абсолютно без каких-то данных** предъявлять тяжелейшее обвинение в карательной сущности советской психиатрии!!! Вы же, господин Подрабинек, правозащитником себя называете, и награды за это получаете!! В этом списке есть и просто ложные указания, например:

«9. БЕЗЗУБОВ. Признан невменяемым и с 1969 по 1973 гг. находился в Орловской СПБ». (Но этой СПБ в 1969 г ещё не было).

И далее, при изучении представленного Подрабинеким фактического материала, создается впечатление, что стоит только обитателю психиатрической больницы (гражданской или системы МВД) высказать какое-либо недовольство порядками, советской властью, её политикой или что-то подобное, как он, сам того не зная, может оказаться в списках жертв политической системы как узник совести, которые составляются подрабинекими и К^о: их или за правду поместили в «психушку» или за правдолюбие не выписывают из «психушки». А в целом А.П. Подрабинек, этот «правозащитник»-медик со средним образованием в своей со страшным названием книге представил совершенно ненаучный, абсолютно недостоверный уже по методу сбора материал, который, соответственно, не позволяет сделать правильных выводов, особенно, учитывая тенденциозную направленность написания книги.

Вывод по «жертвам» «Карательной медицины»: господин «правозащитник», разоблачитель “карательной медицины” А. Подрабинек не смог дать какого-либо фактического подтверждения своим обвинениям в адрес советской психиатрии, не предоставил никаких конкретных материалов о том, что упомянутые им лица действительно были ее жертвами в интересах политической Системы. Он показал себя только как образцовый «правозащитник»-хулиган, злоупотребляющей психиатрией в своих русофобских целях.

Посмотрим, как обстоят дела с персоналиями самих «каратель-психиатров».

А. Подрабинек заканчивает свой разоблачительный труд «Черным списком». Этому списку предпосланы страшные слова: «Как и газовые камеры, эти преступления не забудутся никогда, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно». Как всё серьёзно и обязывающе! Этот список представлен в Интернет, ссылки на него даны в «википедиях» и биографиях уважаемых людей!

Многих из этого списка в 103 человека я знаю лично, о некоторых из них должен дать комментарии, чтобы хотя бы посмертно смыть с них обвинения «правдоискателя» Подрабинека. Как правило, обвинитель-«правозащитник» упоминает только имена, не имея каких-либо представлений о этих людях по сути

дела (в кавычках приводится всё, что известно ему об этих лицах, а далее даны мои комментарии):

«2. БАРЫШНИКОВ В.Д., подполковник, начальник Орловской СПБ».

Василий Дмитриевич действительно был начальником Орловской СПБ, которая являлась единственной стране психиатрической больницей МВД, ориентированной на содержание больных туберкулезом. Он был фтизиатром, работал вместе с женой-рентгенологом. Они всё свое время уделяли борьбе с туберкулезом и никакого отношения к психиатрии не имели, никогда не вмешивались в проведение собственно психиатрического лечения и определения времени его прекращения. Как начальник больницы он был и заботливым хозяйственником и справедливым администратором.

«12. ВАРТАНЯН Феликс Енохович, врач-психиатр Московской психиатрической больницы № 1 им. Кащенко».

Ну, никак не могу понять, с какой стороны он имеет отношение к “Карательной медицине” – судебно-психиатрические экспертизы он не проводил, снятием принудительного лечения никогда не занимался, работал в открытом лечебном отделении.

«17. ГОФМАН Л.С., невропатолог, консультант Орловской СПБ».

Да, был такой консультант-невропатолог, но и здесь непонятно, почему он попал в «Черный Список», совсем не соприкасаясь с вопросами собственно психиатрии.

«21. ЖАРИКОВ Николай М., сотрудник ЦНИИСП им. Сербского».

Вообще-то Жариков Николай Михайлович в 1960-1961 был заместителем директора Института им. Сербского по научной работе и экспертизой не занимался, а затем перешел на работу в Институт психиатрии АМН СССР, и далее стал профессором кафедры психиатрии им. С.С. Корсакова Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. Почему он оказался в этом списке?

«24. КАЗАРНОВСКАЯ А.А., зав. III отделением Московской психбольницы № 1 им. Кащенко».

Она никакого отношения к Институту им. Сербского не имела и экспертиз «политическим» никогда не проводила.

«37. КОТОВ Вячеслав Павлович, главный психиатр г. Москвы».

Вячеслава Павловича я знаю с 1958 года, ещё с совместной работы в больнице им. П.П. Кащенко, и знаю его до сих пор как профессора Института им. Сербского. Главная черта его характера – принципиальная честность и порядочность, и это однозначно определяло всё его отношение к работе в сфере судебной психиатрии.

«39. ЛАНДАУ Яков Лазаревич, зав. IV отд. ЦНИИСП им. Сербского».

Знал его с 1959 года как доброго, мягкого, порядочного человека, не способного на какие-либо сделки с совестью, в том числе и в вопросах экспертной работы, и уж, конечно, не способным на какую-то «жестокость», о которой «кто-то кому-то где-то» сказал. В каком-то другом месте Подрабинек в своей книге пишет про Ландау: он «собственноручно душил подэкспертного, отказавшегося сдавать на анализ кровь» - читая такую грязную клевету, у меня возникает желание, которым я закончил своё писание.

«43. ЛИФШИЦ Александр Ефимович, главврач Калужской психиатрической больницы».

Знаю его как лучшего в Советском Союзе организатора социальной реадaptации психически больных. Не организатора-теоретика, а организатора практика. Я уже упоминал его имя в разделе «социальная реабилитация», когда проводил сравнение его подопечных с психически больными бомжами в Нью-Йоркском парке на Манхэттене. Как можно таких людей относить к тем, кто будет «судим без срока давности, пожизненно и посмертно»?!

«45. ЛУНЦ Даниил Романович, докт. мед. наук, подполковник КГБ, бывш. зав. IV отд. ЦНИИСП им. Сербского».

О «полковнике» Лунце я уже говорил выше.

«48. МАЛЬЦЕВА Майя Михайловна, младш. научн. сотрудник ЦНИИСП им. Сербского».

Майю Михайловну я знаю ещё со студенческих лет в 1 ММИ, она давно уже доктор мед. наук. Подрабинек её упоминает, видимо, потому, что М.М. была экспертом-докладчиком по делу П. Григоренко. Она до сих пор абсолютно убеждена, что диагноз психического расстройства ему был установлен вне сомнения правильно, а какое-либо давление на неё со стороны властей называет просто чушью.

«50. МАРТЫНЕНКО, сотрудник ЦНИИСП им. Сербского».

Валентина Павловна – тихая, скромная, профессионально грамотная и, конечно, честная во всех делах, в том числе служебных. Она была воцерковленной христианкой.

«55. МОРОЗОВ Виктор Михайлович, психиатр, член корр. АМН СССР».

Не могу понять, как Подрабинек поместил его в «Черный список». Виктор Михайлович был выдающимся психиатром, классиком отечественной психиатрии. Он остался в светлой памяти у сотен его слушателей как профессор кафедры усовершенствования врачей, один из лучших психиатров-диагностов Советского Союза. Как бывший узник фашистских лагерей был достаточно закаленным, чтобы не «прогибаться», когда бывал членом комиссий на экспертизах «диссидентов».

«56. МОРОЗОВ Георгий Васильевич, генерал, член корр. АМН СССР, директор ЦНИИСП им. Сербского».

Георгия Васильевича я знал с 1953 года и до его смерти в 2012 году. Морозов был такой же «генерал» как Лунц «полковник». Я могу допустить, что он прислушивался к запросам Системы, но у меня нет фактов, что он всегда шел у неё на поводу, бывало даже наоборот. Я приведу этому пример: А.И. Солженицын описал в книге «Бодался бычок с дубом» как перед высылкой его из СССР он был вызван на какую-то комиссию и там обратил внимание на человека, который всё внимательно слушал, но сам ничего при нем не говорил и вопросов не задавал. После этой комиссии А.И. был выслан из СССР. Как мне потом рассказывал Г.В., упомянутым человеком был он. Его пригласили найти у Солженицына психическое заболевание, чтобы можно было его «пустить по психиатрической линии». Однако Морозов не оправдал возлагаемые на него Системой надежды, и А.И. не стал «жертвой карательной психиатрии».

«57. НАДЖАРОВ Рубен Александрович, зам. директора Института психиатрии АМН СССР».

У меня нет других предположений о помещении Р.А. в «Черный список» кроме того, что его кандидатская диссертация и ряд научных публикаций были посвящены вялотекущей шизофрении. Эти труды были клинически выверенными, достоверными и не свидетельствуют о необоснованно расширительном понимании границ шизофрении.

«66. ПЕЧЕРНИКОВА Т. П., эксперт психиатр ЦНИИСП им. Сербского».

Тамара Павловна в 70-е годы уже была доктором наук, руководила женским клиническим отделением. Я её знал с 1959 года и до последних дней жизни (2007 год). Она всегда имела допуск к секретной работе, в том числе и к проведению экспертиз «политическим». Многие такие экспертизы в упомянутом 4-ом отделении были проведены под её председательством. Т.П. была членом КПСС с честной, бескорыстной просоветской настроенностью, но она никогда не считала антисоветизм психической болезнью, скорее наоборот – проявлением чуждой идеологии, с которой нужно бороться реально, а не каким-то лечением.

«67. ПРОВОЗИНА Г. А., старший лейтенант, зав. I отд. Орловской СРБ».

Врача Провозину я знал 12 лет, за время своей работы председателем Центральной комиссии МЗ СССР по прекращению принудительного лечения в Орловской СРБ. Она не отличалась особой активностью, эрудицией, жадной жаждой знания, душевностью. Как большинство советских врачей – отработала свои часы и скорее домой к семье. Замечаний по работе у меня к ней не было, но и любви к работе у неё не замечалось. В целом же она, конечно, не достойна «Черного списка».

«82. ТАБАКОВА Любовь Иосифовна, психиатр, сотрудник ЦНИИСП им Сербского».

Л.И. все годы работала врачом-экспертом только в 4-ом «спецевском» отделении. Она была женой главного врача Института и держалась обособленно от других сотрудников. Она не выступала на общеинститутских клинических конференциях, была в стороне от общественной жизни, её клинические предпочтения не мне известны. Так же не понятно, какое отношение она могла иметь к «Черному списку».

«83. ТАЛЬЦЕ Маргарита Феликсовна, психиатр, сотрудник ЦНИИСП им Сербского».

Маргарита Феликсовна была давним и постоянным сотрудником Д.Р. Лунца, он был консультантом её докторской диссертации, а после его ухода на пенсию она заняла его должность руководителя отделения, профессора. Понятно, что она была постоянным членом экспертных комиссий, приводившихся в этом отделении «спецконтингенту». Я членом КПСС не был, допуска к этим экспертизам не имел и

не могу говорить о её диагностических пристрастиях. Она бывала председателем судебно-психиатрических комиссий, проводившихся и в руководимом мной экспертном отделении. За время этой совместной работы я не замечал за ней уклона в сторону расширительного диагностирования шизофрении и невменяемости, а также каких-либо отступлений от канонов деонтологии. Во «внеклиническом общении» это была мягкая, чуть робкая, интеллигентная женщина, с которой было приятно поговорить о музыке, об искусстве в целом. Вопросы экспертной работы мы с ней не обсуждали.

«91. ХОЛОДКОВСКАЯ Е.М., сотрудник ЦНИИСП им. Сербского, куратор Сычевской СПб».

Елизавета Матвеевна – старейший, еще с довоенных времен сотрудник Института им. Сербского. Она всё время работала в организационно-методическом отделе, составляла инструкции и проекты министерских приказов. Она была самым слабым (точнее неграмотным) профессором психиатрии, если говорить об искусстве диагностики. Формально из больницы им. П.П. Кащенко я был переведен Институт именно в её отдел. Хотя в нем я не работал ни одного дня, но Е.М. считала себя моим опекуном, она была добрым человеком. Как-то она, завершив проведение экспертиз в одном из отделений, призналась: «Федя, вот провела 4 экспертизы и ничего не поняла что к чему. Вот такая у нас “наука”». Я (и, конечно, не только я) уже давно видели, что и сколько она «понимает», но она продолжала приходить председательствовать на экспертных комиссиях в клинических отделениях, полностью доверяясь руководителю и экспертам этих отделений и всегда с ними соглашаясь, и выезжать в Сычевскую СПб для решения вопросов о возможности прекращения принудительного лечения.

Из «Черного списка» Подрабинека осталось еще три знакомых мне фамилии:

«64. ПЕТРОВ Леонид Тимофеевич, старший лейтенант, терапевт, лечащий врач Орловской СПб».

Врач Петров запомнился мне как классический «не врач», не говоря уже не психиатр. Презрительное отношение к больным, не понимание основ психиатрии и деонтологии, и вообще отсутствие желания чего-либо знать. Он путался, когда докладывал мне анамнез и описывал состояние своего больного. Ему было

абсолютно всё равно, как будет решена судьба его подопечного: «можно так, а можно и не так. Как скажете – мне без разницы». Акты психиатрических заключений о возможности прекращения принудительного лечения приходилось заставлять его переписывать по нескольку раз. За годы совместной работы каких-либо сдвигов в сторону улучшения я не заметил и был вынужден рекомендовать администрации больницы отстранить его от лечебной работы. Однако сказанного всё же не достаточно для того, чтобы оказаться в «Черном списке» Подрабиника.

«20. ДЯТЛОВИЦКИЙ, отоларинголог, лечащий врач Орловской СПб». Дятловицкий был заведующим отделением и ведущим куратором-психиатром.

Плохо, что он был плохим психиатром. Я не случайно повторил слово «плохо», повторю его еще раз: он был плохим человеком. Он жестоко относился к больным, без медицинских показаний, а как средство наказания назначал сульфазин, большие дозы аминазина в инъекциях. Он был действительно, без кавычек, карателем. Я несколько раз пытался приблизить его к пониманию деонтологии, но безуспешно. Пришлось рекомендовать начальнику больницы отстранить его от непосредственной работы с больными. Процесс пошел, но завершился он по- другому: Дятловицкий был убит дома, в собственной квартире, недавно выписанным больным, которого он слишком жестоко «лечил».

И последняя фамилия:

«33. КОНДРАТЬЕВА, докт. мед. наук, сотрудник ЦНИИСП им. Сербского, куратор Орловской СПб».

Я никогда не знал Кондратьевой, докт. мед. наук, сотрудницу ЦНИИСП им. Сербского, куратора Орловской СПб, хотя сам к 70-ым годам уже имел более, чем 10-тилетний стаж работы в Институте им. Сербского, был официальным куратором Орловской СПб с 1970 года, от рождения и до сих пор ношу фамилию Кондратьев. Это вам, читатель, как пример «достоверности» и «обоснованности» быть фигурантом «Черного списка».

«Здесь собраны те фамилии, которые нам удалось почерпнуть из самиздатских документов и из опросов бывших заключенных психбольниц» – пишет «правдолюб» Подрабинек. Действительно из этих источников можно было как-то «подчерпнуть» фамилии и, может, ещё что-то, но откуда были

«почерпнуты» основания для включения этих людей в страшный «Черный список»?

В целом же, по мере изучения книги главного разоблачителя «карательной медицины» и составителя «Черного списка» я несколько раз испытывал сострадание к её автору. Состраданию за то насилие над своей совестью, которое пришлось ему претерпеть, если, конечно, совесть у него чиста. А может быть, я ошибаюсь, Подрабинек просто русофоб, его личность сформировалась в семье расстрелянного «врага народа» и тех представителей «Малого народа» (по И.Р. Шафаревичу), которые озабочены тем, как бы удачнее дискредитировать свой Большой народ на радость его врагам. «Они, пишет академик Шафаревич, – «другой народ», русофобы независимо от своей национальности по этносу, они ненавистники, враги большого народа, хотят его гибели и хотят сами стать большим народом»*.

Всё так! Именно этим обусловлена «правозащитная» деятельность Подрабинека, он и сам пишет, что нашел щель, через которую можно пролезть на передовую борьбы с режимом и стать известным. Этой щелью для него стало «разоблачение карательной сущности режима с использованием психиатрии». Надо сказать, что эта щель действительно открыла ему путь к пиару.

Подрабинек стал самым известным «правозащитником»-хулителем советской психиатрии. Изданная в Нью-Йорке в 1979 году «Карательная медицина» сделала его авторитетом в среде борцов с режимом. Он реализовал свой антисоветизм и в создании в 1989 году «независимой» психиатрической ассоциации.

Подрабинек до самых последних дней продолжает на своём интернет-портале Грани.ру заниматься хулением советской психиатрии и всех тех, кто пытается защитить её честь, в частности, автора текста настоящего клинико-политического анализа. Подрабинек знает все мои публикации, защищающие отечественную психиатрию против её хулителей, и каждый раз агрессивно на них реагирует. Вот и в последний раз, уже в мае 2017 г. после моего телевизионного

* И.Р. Шафаревич - Полное собрание сочинений в 6 томах. Том II, Москва. Институт русской цивилизации. 2014. С. 312 – 329

интервью, данного Интернет-ресурсу «Правда.ру» под заголовком «Судебная психиатрия – гуманизм без политики», он в специальной публикации «Запечных дел психиатр» повторяет, что Кондратьев – человек, по которому «плачет скамья подсудимых на, увы, несостоявшемся судебном процессе по преступлениям коммунизма, азартно реабилитирует себя, свою палаческую работу и всю советскую систему карательной психиатрии». В этом интервью «очень ясно представлен облик самодовольного, ни в чем не раскаивающегося престарелого функционера советского режима». Подрабинек: «В заключение хотелось бы пожелать Федору Викторовичу Кондратьеву здоровья и долгих лет жизни, чтобы он еще успел ответить перед уголовным судом за деяния, совершенные им при коммунистическом режиме».

А.С. Прокопенко – факты есть, но их интерпретация предвзято искажена.

Другой «классической» работой, утверждающей карательную сущность советской психиатрии, является «Безумная психиатрия» А.С. Прокопенко (1997). Начиная изучать «правозащитный» труд Прокопенко, я ожидал, что это будет серьезная аналитическая работа. Вместо этого все, даже конкретные цифровые данные, подаются и интерпретируются явно предвзято, а вставки между ними просто перехлестывают реальность своей излишней эмоциональностью («... мир кипел в негодовании от непрекращающегося вала расправы советских властей с негодными своими гражданами средствами психиатрии. И не просто кипел, но и намеревался серьезно проучить экзекуторов от психиатрии»). Понятно, что такой «разоблачительный» труд не нашел поддержки даже у А.Н. Яковлева, известного критика Советской системы, у которого Прокопенко работал.

Мне хочется верить, что эта сенсационная публикация была написана автором на аффективном заряде, возникшем у него во время работы консультантом Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ. Книга аннотируется как реакция «на издевательства над человеческим достоинством, которые проводились в нашей стране на протяжении многих десятилетий на основании нормативных актов, приказов, постановлений и

"устных мнений", превративших самую гуманную из медицинских наук – психиатрию – в послушную содержанку спецслужб и идеологических структур правящей Коммунистической партии». Автор этого предисловие – Э.Л. Гушанский.

А.С. Прокопенко в своей книге «Безумная психиатрия» делает акцент исключительно на всех негативных фактах, которые выявлялись в советской психиатрии, но при этом, всё же не ясно: психиатрия, психиатры виновны в этих фактах, или же они сами были жертвой Системы. Так, он специально выделяет факты уничижительного отношения санитаров и охранников в палатах больниц спецтипа к их обитателям. Он ссылается на материалы комиссии КПК при ЦК КПСС, проверявшей психиатрическую службу в 1956 году. Она, согласно публикации, «убедилась в превышении оперативниками служебных обязанностей в отношениях с больными, пьянстве и применении наркотических веществ личным составом ТПБ МВД СССР и в существовании бесчеловечной практики унижения».

Я допускаю, что что-то такое могло быть, поскольку какие-то остатки жестокости в отношении охраны к подэкспертным ещё приходилось наблюдать и в Институте им. В.П. Сербского в 60-е годы. Я это помню, но должен добавить, что медперсонал неукоснительно всё подобное пресекал, вплоть до требования к начальству охраны, что бы таких сотрудников больше в отделение не допускать. Следует согласиться и с тем, что «лечение душевнобольных и психически здоровых людей, страдавших иными серьезными заболеваниями, находилось на крайне низком уровне и практически не контролировалось ни Минздравом, ни МВД». Всё так, только совсем не понятно, в чем же здесь вина врачей-психиатров, в чем «их преступность»? Как же можно на психиатрию валить неприглядные деяния органов охраны МВД и нищету финансирования здравоохранения? Проявление жестокости, которые наблюдались у работников охраны – это результат жестокости Системы их воспитавшей, психиатрия и здесь ни при чем. В контексте обвинений психиатров Прокопенко пишет о применении фактически пыточных мер содержания заключенных в больницах МВД, о том, что там «соблюдение социалистической законности — на недостижимой высоте».

В отзывах в сети Интернета на книгу Прокопенко «Безумная психиатрия» записано: «Анатолий / 15.08.2012: Этой книжке место в худ. лите, а не в научных

трудах». Действительно, эмоции автора вызывают сомнения в достоверности текста: «Волосы поднимаются дыбом от одной мысли: насколько же был несчастным человек, живший в неопишуемых мучениях и умерший в стенах ЛТПБ и погребенный как ничтожество...» – так писал Прокопенко о «честном, но наивном человеке, коммунисте С. Писареве, так и не понявшим до конца своей жизни, что в советской стране, которой гордился он, никогда не было ни политической, ни социальной, ни правовой справедливости и быть не могло!...» (по материалам расследования Казанской СПб). Да, действительно верующим в высшую справедливость Системы было тяжелее терпеть от неё репрессии, но причем здесь психиатры, в контексте обвинения которых в карательной деятельности написаны эти строки?

А вот слова о другой жертве «безумной психиатрии», Конопаткине. Он, «как и другие коммунисты, был жертвой трагического самообмана, считал, что он и его товарищи по партии, верой и правдой служившие советскому государству, были преданы врагами Отечества и что ЦК КПСС, лично товарищ Сталин разберутся в чудовищных ошибках правосудия и воздадут должное виновникам их бед».

Из всех приведенных в книге Прокопенко примеров жертв «безумной психиатрии» ни один квалифицированный психиатр не найдет психически здоровых.

Можно ли после этого возразить автору отзыва на эту книгу Анатолия, что «Этой книжке место в худ. лите, а не в научных трудах»? Как считать доказательными такие утверждения Прокопенко: «В Советском Союзе судебная психиатрия в лице “психиатров” тюремных психиатрических больниц МВД СССР и Института им. Сербского была содержанкой всемогущих органов безопасности и их политических боссов. Нам уже известно, что политическим противникам советского строя диагнозы ставились исходя из необходимости изоляции их от общества. Отправной точкой самых невероятных по своей лживости диагнозов и заключений становились какие-то общие психопатические проявления личности испытуемых». Как жаль, что РОП, руководство Института им. В.П. Сербского пропустили, не обратили внимания или же простили Прокопенко такие

уничижительные, клеветнические выпады! Спросить бы у него про это «Нам уже известно» и можно возбуждать иск за клевету.

Тенденциозность автора проявляется даже в стилистике изложения: «Что же успели натворить психиатрических дел мастера за период примерно с 1948 по начало 1957 года?». Он приводит цифры: «В ЦНИИСП за время с 1951 по 1955 год из прошедших СПЭ амбулаторно 5446 человек 890 проходили по статье 58 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик и за этот же период из прошедших СПЭ стационарно 8337 испытуемых 1397 имели обвинение также по “контрреволюционным” статьям». Но причем же здесь «психиатрических дел мастера» – не они возбуждали уголовные дела, не они арестовывали, ни они направляли на экспертизу. А вот почему только менее трети освидетельствованных в Институте были признаны невменяемыми – даже не обсуждается, хотя до этого говорилось, что: «Практически все акты психиатрической экспертизы “политических”, данные Институтом им. Сербского, вызывают несомненное недоверие по двум причинам: элементарная беспринципность, “верность долгу” или личная трусость психиатров-экспертов, состоявших на службе КГБ СССР, и изолированность от чужого глаза действия экспертизы, когда можно было в заключении записать такие категории расстройства души, какие испытуемому вовек не были присущи», а Система требовала «штамповать шизофрению». Что за противоречие: или психиатры позволяли себе игнорировать это требование, преодолевая свою «элементарную беспринципность» более, чем в 2/3 случаях освидетельствования политических, или дело в чем-то другом, а именно в преднамеренном хулении советской психиатрии этим «правозащитником», использовавшим приемы явно тенденциозных интерпретаций, домыслов и вымыслов.

Еще один пример переваливания с больной головы на здоровую. Прокопенко пишет: «Кощунственным было правило не выдавать труп умершего заключённого, запрет присутствовать родственникам при похоронах своих близких, так как отмучившихся узников предавали земле не согласно Божеским законам, а грудями сваливали в заранее выкопанные рвы где-нибудь на окраине лагерей, посёлков, городов и на этом всё кончалось». Да, конечно, кощунственно,

но причем же здесь психиатрия, врачи-психиатры – они, что ли, не давали хоронить, как можно в этом их винить?

С несомненным намеком на репрессивную сущность судебной психиатрии автор приводит следующие цифры. «Объем судебно-психиатрических экспертиз в стране динамично нарастал. Если в 1945 году в 90 больницах существовало 23 судебно-психиатрических отделения на 711 коек, то в 1957 году в 136 больницах таких отделений было уже 34 на 1100 коек. Если в 1945 году количество СПЭ по СССР равнялось 20 000, то в 1956 году эта цифра увеличилась до 26 232». А разве нельзя эти данные интерпретировать по-другому, а именно как социально необходимое укрепление судебно-психиатрической службы в послевоенные годы? Причем здесь «психиатры-каратели», в чем их можно обвинить? Вообще же речь шла о борьбе с обще криминальной преступностью.

Политические в эти годы составляли малый процент от всех находящихся на стационарном лечении. Для их содержания не требовалось расширения коечного фонда, но рост уголовной преступности в стране, особенно наиболее опасных преступлений (серийные убийства, бандитизм, групповые изнасилования) и концентрация больных с такими деяниями, да ещё с явными тенденциями нападения на персонал и к побегу, требовал в целях безопасности открытия новых больниц именно специального типа, а не общих психиатрических больниц. Подчеркиваю, это было необходимо для целей безопасности других больных и персонала больниц, а не для «репрессий политических», как тенденциозно изображает Прокопенко.

Особенно наглядно проявляется тенденциозность (а может быть просто неграмотность) в объяснении факта резкого увеличения выписок из СПб в 1953 – 1955 годы. «Если, по данным МВД СССР от 16 ноября 1956 года, по причине “выздоровления” было выписано из ЛТПБ за 1950 — 1952 годы 71 человек, то за следующие три года (1953 — 1955) — 234 человека. По причине “улучшения психического состояния” за те же годы (1950 — 1952) было выписано только 14 человек, а за 1953 — 1955 годы — 683 человека, то есть в 50 раз больше! Такая же картина складывалась и по КТПБ. За 1950 — 1952 годы выписано по причине “выздоровления” 127 человек, а за 1953 — 1955 годы — 427». Прокопенко всё это

объясняет трусостью психиатров, испугавшихся ответственности за свои ранее данные «преступно-лживые диагнозы». Выше я уже специально разъяснял, что указанная динамика объясняется только нивелированием тяжелого макросоциального фактора, игравшего основную этиопатогенетическую роль в возникновении реактивных психозов. Имел бы Прокопенко какое-либо правильное представление о предмете своих писаний, то вряд ли отважился на такую тенденциозность.

Далее, «правозащитник»-разоблачитель карательной психиатрии продолжает давить своего читателя цифрами, которые скорее всего достоверны, но интерпретируются всё так же тенденциозно. В контексте обвинений психиатрии в репрессиях он пишет: «Если в 1956 году отмечен самый низкий уровень заполнения Казанской и Ленинградской ТПБ (соответственно 324 и 384 узника), то в 1970 году в Казанской больнице находилось 752 человека, в Ленинградской — 853, а в целом в спецбольницах МВД СССР — 3350 заключенных». Прокопенко с ужасом утверждает: «В 1986 году только в шести крупнейших психиатрических больницах специального типа МВД СССР — Казанской, Ленинградской, Орловской, Сычевской, Черняховской, Благовещенской находились в заключении 5329 человек». А вот как выглядит «динамика роста заключенных, отбывающих принудительное лечение в одной из крупнейших психиатрических больниц специального типа МВД СССР, Ленинградской: 1956 год – 324, 1967-й – 783, 1979-й – 854, 1980-й – 915, 1985-й – 1059, 1986 год – 1181». Чтобы показать масштабность психиатрических репрессий против инакомыслящих Прокопенко, согласно своему умыслу, утаивает, что это увеличение было почти исключительно за счет опасных в прямом смысле больных – убийц, бандитов, насильников. «Некоторые расчеты позволяют с достаточной долей осторожности вести речь о 15—20 тысячах политических заключенных психиатрических больниц МВД СССР». Автор "Безумной психиатрии" не оговаривает, о каком временном периоде он «с достаточной долей осторожности» ведет речь: то ли он считает с годов Большого террора, с середины 30-х – тогда за 60 лет, и будет по 250 человек в год со всей многомиллионной страны, то ли он говорит о каком-то другом периоде. Тенденция ошарашить читателя грандиозной масштабностью психиатрического террора проходит рефреном через всю его книгу. По существу Прокопенко бульварно

очерняет психиатров, в его «Безумной психиатрии» нет аналитики, а есть только выражение озлобленности в форме тенденциозно подобранных цифрах, их жонглированием и искаженной интерпретации.

Образцовый переподпевальщик Robert van Voren и иже с ним.

Всё эти «факты» и тенденциозно представленные их интерпретации сразу подхватывались, тиражировались, распространялись и снова возвращались домой как «доказательства репрессивной психиатрии». В этом особо преуспел Robert van Voren, который пиарился на этой теме, и стал в результате Главным исполнительным директором Глобальной инициативы по психиатрии, Почетным членом Британского Королевского колледжа психиатров и почетным членом Психиатрической Ассоциации Украины, а в 2005 году даже был посвящен в рыцари королевой Нидерландов Беатрикс из-за его работу в качестве правозащитника.

В 1970 г. в Амстердаме вышла книга-памфлет Роберта Ван Ворена «Даниил Лунц — психиатр-дьявол». Это была первая публикация, в которой назывались имена психиатров, «участвовавших в злоупотреблениях»: Д.Р. Лунц, М.Ф. Тальце, известные ученые и теоретики психиатрии: А.В. Снежневский, Г.В. Морозов, Р.А. Наджаров, М.Е. Вартамян и другие руководители основных психиатрических учреждений. Как же много в этой книге искажений, неточностей и просто вымыслов. Было бы потерей времени их перечислять, достаточно сказать, что «участвовавший в злоупотреблениях» М.Е. Вартамян ни судебной, ни вообще клинической психиатрией никогда не занимался, его полем деятельности были генетика, патофизиология и иммунология, на их основе он создал новое направление в психиатрии — биологическую психиатрию.

Мне не хотелось бы уделять много места этому van Voren, бизнес-пиарщику, который приобрел скандальную известность и немалые материальные блага, оседлав тему «карательной» психиатрии. Но все же упомяну, вот, что он пишет 15 июня 1992 г. в своем обращении от имени Совета Представителей как генеральный секретарь организации «Женевская инициатива по психиатрии: «С конца 50-х и особенно после 1953 года советские власти запирали в психиатрические больницы своих политических оппонентов, диссидентов и

верующих, превратив тем самым этот раздел медицины в орудие политического насилия. Решение об этом, очевидно, исходило от высших руководителей страны, а именно — Генерального секретаря КПСС и ее Политбюро, и выполнялось бюрократическим аппаратом компартии. Его жертвами стали сотни и тысячи людей, в том числе Владимир Буковский, генерал Петр Григоренко, поэт Наталья Горбаневская, математик Леонид Плющ. У нас есть информация о более чем 500 пострадавших. Их заключение могло продолжаться 15 — 20 и более лет, условия содержания этих политических узников были ужасающими и бесчеловечными. ... Вышеуказанные нарушения подтверждаются множеством подобных документов. Использование психиатрии в СССР как средства политического давления считается таким же преступлением, как злодеяния врачей-нацистов во время второй мировой войны» (с. 180 – 181). Ну, как же можно дойти до уравнивания лечения в СПБ со злодеяниями врачей-нацистов? Откуда эти «сотни и тысячи» жертв этих преступлений? «У нас есть информация» — я изучал труды этого рыцаря-правозащитника, но первоисточников не нашел. Интересно, как он отреагирует на одно из многих свидетельств об этих «15 – 20 и более лет» в «ужасающих и бесчеловечных условиях» содержания «политических узников». Так, бывший обитатель ГУЛАГа В. Гусаров вспоминает, что заключенные политлагерей говорили о тюремных психиатрических больницах, как об "оазисах гуманизма". Он пишет: "При Сталине попасть в спецпсихушку было недостижимой мечтой, а то, что срок не обозначен и может стать пожизненным, так это и в лагере "кум" может объявить новый срок в день освобождения".*

К сожалению, явное стремление очернить советскую психиатрию можно видеть не только у зарубежных пиарщиков, зарабатывающих на горестях людей со сложной судьбой. Заказ на такое очернительство принимают и коллеги-психиатры, ставшие профессиональными разоблачителями, а также другие любители пиара. «Факт» карательной психиатрии «обосновывается» в многочисленной хулигельской литературе, публикуемой переподпевалами текстов основных создателей мифов. Иной раз кажется, что эти плагиаторы-«правозащитники» даже соревнуются в доказательствах истинности своих писаний. Для имитации достоверности ими приводится много конкретики,

* В. Гусаров. "При Сталине было лучше...", Самиздат, 1976. Стр.19.

деталей, но они путаются, дают ложные толкования. Так, одни свидетельствуют, что стол, за которым проводились экспертизы, был круглым, другие, что «спецевское» отделение в Институте было на 3-ем этаже – тогда как стол всегда, с довоенных времен, был прямоугольным, а само 4-е отделение на 2-ом. Чтобы показать себя знающим проблему доктор исторических наук Г. Чернявский, говоря о «психоужасе» в психиатрических стационарах, пишет: «наиболее известными» (значит, были еще и менее известные?) среди «психотюрем и тюрем с психотделениями» были больница при Институте им. Сербского (никогда при Институте им. Сербского не было больницы), Новослободская и Бутырская тюрьмы (Бутырская тюрьма находится на Новослободской улице, соответственно, никогда не было какой-то отдельной Новослободской тюрьмы, это одно и то же здание), тюрьма «Матросская тишина» (действительно, при тюрьмах была – и должна быть – медицинская служба для оказания лечебной помощи, но причем здесь «психоужас»?). Далее перечисляется: «психиатрическая больница в городе Белые Столбы Московской области ...». Ну, полная путаница у д.и.н. Г. Чернявского: действительно в микрорайоне Белые Столбы (город Домодедово) есть совсем маленькая местная больница, в ней никогда не осуществлялись ни экспертиза, ни принудительное лечение, а вот в селе Троицкое, куда со станции Столбовая Курского направления железной дороги нужно ехать, действительно есть большая больница, – это Московская городская психиатрическая больница № 5, в которой среди прочих больных были и больные, находящиеся на принудительном лечении. Именно эту больницу в просторечье называли «Столбы», но это отнюдь не «тюремная» больница, а городская, построенная в 1907 году как «Московская окружная психиатрическая лечебница». Нет смысла и жаль времени перечислять дальнейшие «свидетельства» ни д.и.н. Г. Чернявского, ни иже с ним – все «слышали звон, да не знали где он».

***А.И. Коротенко и Н. Аликина – исполнители заказного проекта
«Диссиденты».***

Меня удивила книга Коротенко А. И., Аликиной Н. «Советская психиатрия: заблуждения и умысел», написанная украинскими коллегами уже в наше время. Она выполнена в рамках проекта «Диссиденты» и имела целью «изучение

возможности подавления инакомыслия (политического, религиозного и иного) путем квалификации этого явления как психического заболевания». Мое изучение этой книги показало её недостаточность по представленному фактическому материалу и явно негативную тенденциозность в оценках советской психиатрии.

Еще не начав излагать сущность своего труда, авторы утверждают: «В настоящее время уже никого не приходится убеждать, что в СССР диссидентов часто признавали душевнобольными. Как известно, в Советском Союзе, начиная с конца 50-х годов, небольшой, но все же достаточно значительной части инакомыслящих, не страдавших психическими заболеваниями, ставили два успешно дополнявших друг друга диагноза: вялотекущая шизофрения и паранойяльное развитие личности». Это утверждение явно предвзятое, лживое.

Сделав такие тенденциозные утверждения, авторы задаются вопросом: «Но как могли десятки врачей на протяжении многих лет подтверждать эти диагнозы во время пребывания таких пациентов на принудительном лечении, а затем наблюдая их в психоневрологических диспансерах? Что это — страх перед авторитетами и трусость? бездумное отношение к своим обязанностям? профессиональная безграмотность?». На этот вопрос отвечает психолог Н. Аликина в разделе «Глазами психолога». Рассуждая об «умыслах советских психиатров-карателей» она пишет: «Видимо, вполне уместно поставить вопрос: кого, когда и как, чему и почему, легче или труднее научит опыт политического подчинения и политической подчиненности психиатрического диагноза». А поставив этот вопрос утверждает: «Во время работы над проектом «Диссиденты» нам приходилось убеждаться ..., что психиатрический диагноз отражал послушное исполнение политического приказа. Схема, как известно, всегда облегчает, но и упрощает. Упрощение, упрощенчество освобождало сознание врача прежде всего как человека — и потому как профессионала — от признания такой объективной реальности, как «другая» или «иная», но не больная, психология. Следовательно, он не ведал, что не понимал (и может не ведать, что не понимает) глубинных личностных смыслов и адекватности психологических оснований действий «других» и «иных», чья судьба попадала (и может продолжать попадать) в фатальную зависимость от психиатрического диагноза». Вот так мудрствуя

(скорее всего от Лукавого) психолог Аликина «разоблачила» советских психиатров, устанавливавших «политические диагнозы»!

Почти как все «правозащитники»-хулители советской психиатрии авторы проекта «Диссиденты» начинают свою критику с осуждения концепции вялотекущей шизофрении. И уже здесь начинают проявляться некомпетентность и тенденциозность. Так, А.И. Коротенко, критикуя концепцию вялотекущей шизофрении утверждает: «Снежневский и его коллеги, которые разработали концепцию, были поддержаны советскими психиатрами Федором Кондратьевым, Сергеем Семеновым, и Яковом Фрумкиным. Все они были членами «московской школы» психиатрии». Так началась «подгонка» под стандартное очернение, будто вялотекущая шизофрения придумана Снежневским по заказу КГБ. Зря я упомянут в этом контексте, поскольку в начале 60-тых годов был еще младшим научным сотрудником, в разработке концепции классификации психических расстройств, понятно, не участвовал и не был членом какой-то «московской школы» (а, вообще, что это за школа?), так же как не были её членами москвич С.Ф. Семенов и киевлянин Я.П. Фрумкин.

Далее утверждается какая-то странная парадигма: «признание вялотекущей шизофрении как её малопрогрессирующей формы увеличивает частоту признания диссидентов невменяемыми». Это домысел, таких фактических данных нет. Еще раз, надо различать, что в истории советской психиатрии два периода: период, когда Система предписывала сокращение диагностирования шизофрении, накладывала табу на диагноз «мягкая шизофрения», и период, когда она была заинтересована диссидентство объяснять шизофренией, но никогда это не навязывала. Да, и то, и то можно расценить как попытку политического вмешательства Системы в психиатрию, но вины в этом психиатрии, врачей-психиатров нет.

Дальше – больше, разворачивается уже ранее заштампованное «правозащитными» хулителями психиатрии суждение о вялотекущей шизофрении: «Большинство экспертов считают, что концепция была разработана в соответствии с инструкциями от советской секретной службы КГБ и коммунистической партии». Что это за «большинство экспертов» я не знаю,

наверное, это Подрабинек, может быть и Роберт ван Ворен. Но тему кандидатской диссертации «Клинические особенности и судебно-психиатрическая оценка в случаях медленно текущей шизофрении» мне предложил мой научный руководитель А.Г. Галачян*, который хотел, чтобы я продолжил изучение такой формы шизофрении, начатое его наставником П.Б. Ганнушкиным и вынужденно оставленное после II Всесоюзного съезда невропатологов и психиатров в 1936 году. Боже! О каких «инструкциях от советской секретной службы КГБ и коммунистической партии» вы, господа разоблачители и хулители советской психиатрии пишете? Вы – коллеги психиатры – хоть бы намекнули, как могли выглядеть такие инструкции.

Авторы анализируемой книги пишут: «Приступая к работе, мы располагали сведениями о пострадавших от психиатрии жителях Украины, предоставленными международным фондом «Женевская инициатива в психиатрии» (этот фонд возглавлял уже мной упомянутый рыцарь Robert van Voren). Список включал 127 человек. «Все они были привлечены к уголовной ответственности, им предъявлялось обвинение по политическим статьям или в религиозной пропаганде. Все они были признаны невменяемыми и направлены на лечение в специализированные психиатрические больницы системы МВД. О большинстве из них никаких сведений, кроме фамилии и имени, не имелось». «Никаких сведений не имелось ...», а если так, то почему же вы далее пишете: «психическими заболеваниями не страдали». Как это похоже на «доказывающие факты» Подрабинек!

В отношении всех 17 случаев, которые представили авторы как иллюстрации ошибочности установленных советскими психиатрами диагнозов, у меня при изучении этих иллюстраций такого мнения не сложилось – диагнозы были правильными. Вызывают сожаления раболепство украинских психиатров перед американскими коллегами. Если последние брали на себя смелость пересматривать диагнозы советских психиатров, то еще надо доказать, что они

* Профессор А.Г. Галачян никогда не был коммунистом, он негативно относился к большевицкой Системе и уж, конечно, не по «инструкциям от советской секретной службы КГБ и коммунистической партии» предложил мне эту тему кандидатской диссертации.

были правы. А исполнители проекта «Диссиденты» даже и не пытались это сделать: американцы пересмотрели – значит, они правы, и всё! Вообще то, надо было учитывать, что комиссия состояла из русофобствующих психиатров, эмигрировавших из СССР, которые относились к нему явно негативно и имели целью «разоблачить репрессивный характер советской психиатрии», что не могло не влиять на объективность их оценок.

Если бы авторы книги «Советская психиатрии: заблуждения и умысел» учитывали патокинетические особенностями шизофрении, в частности, возможность глубоких (как спонтанных, так и медикаментозных) ремиссий до уровня практического здоровья, то они бы избежали заблуждений в своих решительных пересмотрах ранее, до лечения, установленных диагнозов даже при умысле опорочить советскую психиатрию.

Так, отрицая у И.А.М. диагноз шизофрении, установленный в 1986 году, Коротенко пишет: «Мы не читали акта СПЭК и не знаем, на основании каких «болезненных проявлений» был поставлен диагноз «шизофрения, параноидная форма, непрерывно-прогредиентный тип течения, смешанный тип дефекта. Невменяем» (вот опять, как у Подрабиника: «мы не читали ... и не знаем», но не согласны, поскольку диагноз ставили советские психиатры!). После СПЭК, проведенной в связи с отказом от советского гражданства, И.А.М. был признан инвалидом II группы, недееспособным, ему назначили опекуна. В общей сложности с диагнозом шизофрении его лечили более года. Наступила ремиссия. Но вот в 1989 г., «в числе других пострадавших от психиатрии диссидентов», И.А.М. был осмотрен комиссией американских психиатров с участием Лорена Роса и признан психически здоровым. Раз здоров – значит, хорошо лечили, и вылечили. Но то, что было – оно было, и наступившая ремиссия не должна перечеркивать диагноз шизофрении, который был установлен при проведении стационарной экспертизы и не подвергался сомнению в процессе дальнейшего длительного лечения, установления инвалидности, недееспособности и назначения опекуна. Наверное, правильнее было бы констатировать медикаментозную ремиссию, не отрицая факта активного заболевания в прошлом.

В целом в отношении проиллюстрированных авторами случаев диагностических ошибок я не считаю для себя корректным вступать с ними в дискуссию о правильности диагностики, поскольку представленная информация к размышлению явно односторонняя, тенденциозная. Но есть в книге места, которые не относятся к диагностике, но в которых явно выступает выполнение заказа очернить советскую психиатрию. Например, доказывая необоснованность установленного у Собеседника диагноза («длинного» — патологическое, сутяжно паранойяльное развитие личности, и короткого, «в одно слово», — шизофрения») авторы утверждают, что «ему срок пребывания на «лечении» был определен в 13 лет». Про диагноз ничего говорить не буду (здесь просто не понятно), но подобное утверждение явно тенденциозно: никогда судами конкретные сроки пребывания на лечении не определялись. Жаль, что это не известно исполнителям проекта «Диссиденты». Они, посвятив свой труд разоблачению злых умыслов советских психиатров, далее пишут со слов этого Собеседника: «В суде не было ни одного моего свидетеля. Адвокат был назначен КГБ. В суде не был. Свиданий с женой не давали. Моего дела в суде нет, якобы приобщено к другому делу, с материалами дела не знаком». Ну, можно предположить (хотя это маловероятно), что что-то такое было, но причем же здесь психиатры, в чем их вина?

Вся анализируемая книга проникнута обвинительным духом, начиная с утверждений об ошибочности диагностики и кончая назначением «карательных мер» лечения «психически здоровым диссидентам». Когда у них, по мнению авторов, диагноз ошибочный, то это «позволяет утверждать, что психиатры, наблюдая их не один год, не могли не понимать, что в каждом конкретном случае речь шла о должностном преступлении — об использовании психиатрии для подавления инакомыслия». А раз политические диагнозы устанавливались психически здоровым, то и «принудительная госпитализация предпринималась для того, чтобы помешать политическим диссидентам распространять их взгляды, а также для того, чтобы дискредитировать эти взгляды, объясняя их наличием психического заболевания», — так объясняют авторы книги принудительное лечение. С той же тенденцией очернить советскую психиатрию эти авторы утверждают, что «ответственность за медицинские рекомендации, касающиеся

принудительного лечения в специализированных психиатрических больницах системы МВД, несут в первую очередь непосредственно эксперты-психиатры», то есть можно было обойтись и без спецбольниц. Но ведь эти больницы были созданы как раз для «особо опасных», а политическая статья 70 УК РСФСР (и аналогичная статья УК УССР) относилась к «Особо опасным государственным преступлениям», и согласно всем инструкциям Системы, обвиняемые по ней больные, подлежали принудительному лечению именно в таких больницах. Не психиатры придумали такой порядок, и нет их вины в том.

Кстати о самом лечении. Психиатр Коротенко в своей книге тенденциозно утверждает, что «к диссидентам применяли инъекции сульфазина в высоких дозировках и многократно — как наказание за инакомыслие». Откуда такое утверждение? Да, бывали случаи назначения сульфазина (запрет на его использование наложил Г.В. Морозов — «главный каратель диссидентов», по мнению авторов книги), но никогда не за инакомыслие, а для купирования психомоторного возбуждения, нарушений больничного режима. Ну, во всем разработчики проекта «Диссиденты» пытались угодить его заказчикам!

Некорректную смелость позволяет себе психолог Н. Аликина, автор раздела «Глазами психолога», анализируя работу судебных психиатров. Как можно ни разу не побывав в роли судебного психиатра писать о «примитивизации работы судебного психиатра», когда «удобно-привычный схематизм представлений о другом человеке нередко заставляет предполагать наличие у него психиатрического диагноза». Откуда такое? Аликина пишет: «Во время работы над проектом «Диссиденты» нам приходилось убеждаться и в этом, а не только в том, что психиатрический диагноз отражал послушное исполнение политического приказа». Я допускаю, что «политические приказы» могли быть, однако за более чем 50-тилетнюю практику работы судебным психиатром я имел всего лишь одно прямое вмешательство КГБ, представитель которого выразил несогласие с моим мнением, и один намек о желательности для МИД СССР определенного заключения, но всё это не повлияло на мои экспертные решения.

Я удивляюсь смелости (мягко говоря) психолога Алининой, утверждавшей будто «в практике судебной экспертизы зачастую неоправданно смешивают

психиатрические и психологические аспекты поведения и состояния человека; психологические, *как правило*, почти полностью поглощаются психиатрическими». Откуда такое смелое суждение, человека никогда не проводившего судебно-психиатрические освидетельствования? «Как правило» – о чем Вы, психолог Аликина? Когда я пишу это возражение Аликиной, я невольно вспоминаю свои далеко не редкие терзания в попытках понять своих подэкспертных, все *pro et contra* в причинах их противоправных действий! В том числе тех «глубинных личностных смыслов и адекватности психологических оснований», о которых пишет Н. Аликина. Фельдшеру Подрабинеку, «правозащитнику», не сведущему ни в психиатрии, ни в психологии, может быть простительно такие словоблудие, но ведь Вы написали раздел «Глазами психолога» и являетесь дипломированным психологом. Не могу не предположить, что проект «Диссиденты», в рамках которого вы работали, содержал в себе излишнюю заказную тенденциозность и слишком сужал объективность понимания проблемы.

Не только предвзято рассматриваются в книге судьбы тех граждан Украины, которые попали «под советские психиатрические репрессии». Не менее предвзято даются оценки макросоциальной ситуации, в которой работала в те годы психиатрия. Психолог Аликина утверждает: «Не так далек был период, когда вера в Бога считалась социально опасной, а потому почти однозначно свидетельствовала о психическом нездоровье верующего». «Свидетельства о Боге и вере», как известно, с легкостью приравнивались, например, к «антисоветской агитации и пропаганде». Это клевета на Систему. Да, она была атеистической, агрессивно атеистической особенно в первое десятилетие, но никогда не было такого, что бы сама «вера в Бога считалась социально опасной, а потому почти однозначно свидетельствовала о психическом нездоровье верующего». Это утверждение сделано соавтором книги «Советская психиатрия: заблуждения и умысел» при доказательстве отсутствия психического заболевания у Священника, который на лекции доказывал, что Бог есть, а его потом «двое штатских увели прямо с лекций». Якобы в обращении к священнослужителям было такое: «Тебе в лагерь нельзя, ты там всех в христианство обратишь. Я тебя в сумасшедший дом посажу». Как же можно только на основании этих заявлений отрицать психическое заболевание у Священника (при наличии другой психопатологии)?!

Сама по себе религиозность (как проявление личностных свойств человека) никогда советскими психиатрами не относилась к сфере психопатологии. За религиозность Система расстреляла многие десятки тысяч священнослужителей, но не содержала их на принудительном лечении*. Я же при Советской власти, в 1955 году, публично венчался в центре Москвы в православном храме и имел отношение к психиатрии только как член научно-студенческого кружка, работавшего при кафедре психиатрии им. С.С. Корсакова Первого московского медицинского института.

Книга иллюстрируется критикой диагностирования у П.Г. Григоренко «паранойяльного развития». Авторы не анализируют pro et contra этого диагноза, им всё заранее ясно: Григоренко – жертва карательной психиатрии. Они просто ограничиваются утверждениями типа: «К сожалению, психиатрия оказалась на службе у политики», те «многочисленные психиатры, сталкивавшиеся с Григоренко на принудительном лечении и не отмечавшие систематизированный бред, шли на поводу у признанных авторитетов, подчинялись идеологической зашоренности и в конечном итоге проявляли профессиональную безграмотность либо беспринципность» (ну, откуда это: бред не отмечали, но «шли на поводу»?!), а профессор Ф.Ф. Детенгоф «вынужден был изменить свое заключение» и признать наличие у П.Г. Григоренко волнообразно протекающего паранойяльного развития и необходимость проведения ему принудительного лечения. Я ещё буду говорить о П.Г. Григоренко, здесь же отмечу именно исходную тенденциозность авторов: «Григоренко – жертва ...», «к сожалению, психиатрия оказалась на службе у политики», «многочисленные психиатры ... подчинялись идеологической зашоренности и в конечном итоге проявляли профессиональную безграмотность либо беспринципность», «под давлением вынужден был изменить свое заключение».

Резюме. Написанная по заказу проекта «Диссиденты» книга Коротенко А. И. и Аликиной Н. «Советская психиатрия: заблуждения и умысел» полностью

* Историческая справка: в 1937 году в СССР была проведена перепись населения, среди вопросов был вопрос о религиозности, ответы шокировали Систему: 56,7% населения страны назвали себя, не смотря на риск репрессий, верующими. Для исправления ситуации в 1937-1938 годах был расстрелян каждый второй священнослужитель Русской Православной Церкви (более 100 тысяч человек). Только на Бутовском полигоне под Москвой с августа 1937 по октябрь 1938 г. были расстреляны и похоронены 20 765 чел. (теперь здесь кладбище).

соответствует запросам заказчиков, она пытается представить всю советскую психиатрию карательной, советских психиатров беспрекословно выполнявшими требования репрессивной Системы, психиатрические больницы «психиатрическими концлагерями». Все эти извращения в представлении истории советской психиатрии не имеют под собой доказательной базы, исходят из предвзято искаженных интерпретаций реальности и тенденциозно-негативной оценки всей советской действительности. Кроме того книга полна домыслов и вымыслов, фактических неточностей, примитивных аналитических мудрствований по сложнейшим психологическим проблемам (особенно, о «психологическом плюрализме»). Изучение этой книги полезно тем, кто пытается удостовериться в явной несостоятельности и политической ангажированности критиканов-хулителей советской психиатрии.

«Независимая» психиатрическая ассоциация как организация «правозащитников»-хулителей отечественной психиатрии.

1989 год. Горбачевская перестройка с декларацией гласности достигла апогея. Главный идеолог страны и второй человек в руководстве КПСС А.Н. Яковлев снимает покров запрета с информации о многих ранее закрытых грифом «совершенно секретно» фактах и событиях. Открытая критика негативных сторон советской системы заменяет нелегальное диссидентское критиканство и снижает уровень политического противостояния. В связи с этим перманентное стремление западных стран досадить СССР стало требовать оживления. Для этого было нужно создать соответствующую организационную структуру. Эта задача была возложена на «правозащитную» "Рабочую комиссию по расследованию использования психиатрии в политических целях", учредителем которой был А. Подрабинек. К этому времени он уже был известен в зарубежных и в советских оппозиционных к Системе кругах своей «специализацией» по психиатрии – в 1979 году в Нью-Йорке была издана его книга «Карательная медицина» об использовании психиатрии в СССР для подавления инакомыслящих.

Соответствующие службы США, заинтересованные в активизации противостояния Советскому Союзу, предоставили все условия для создания такой

организации. Была создана «инициативная» группа, ей дали возможность работать в помещении посольства США в СССР. Одним из членов этой инициативной стал Александр Подрабинек, другим Виктор Лановой. Основными целями деятельности создаваемой организации были заявлены разоблачение злоупотребления психиатрией в СССР в 60—80-е годы и необходимость противостоять подобным попыткам в будущем.

Собственно план учреждения Независимой психиатрической ассоциации был разработан Лановым. После регистрации НПА в марте 1989 года он некоторое время занимал должность её президента, а затем эмигрировал в Израиль. Несмотря на заслуги А. Подрабиника в деле разоблачения «карательной психиатрии» он не мог занять ставшую вакантной должность президента НПА поскольку он не психиатр, и вообще без высшего образования (он фельдшер). Тогда на должность президента был приглашен кандидат мед. наук Ю.С. Савенко, который сохраняет её до настоящего времени.

Новорождённое в своем посольстве дитя Соединенные Штаты не оставили без заботы и в «постнатальный» период. НПА сразу оплатили специальный офис с необходимым штатом сотрудников в Москве и обеспечили достаточное зарубежное финансирование как для сотрудников, так и для издательской деятельности, в том числе для собственного ежемесячного журнала. Оплачивалась и аренда загородных пансионатов для проведения регулярных семинаров (на одном из них я был и убедился, как же дорого это стоит организаторам), и частые выезды за рубеж. После рождения НПА её родители сразу начали активно проталкивать свое дитя во Всемирную психиатрическую ассоциацию, и уже через шесть месяцев, в октябре 1989 года, эта никому ранее не известная организация, состоящая из ничем профессионально себя не проявивших членов, была принята в высшее в мире психиатрическое сообщество! Оказалось, что достаточно было «родителям» представить НПА как «защитницу диссидентов от советской психиатрии».

С самого начала НПА позиционировала себя как объединение, открыто противостоящее официальной советской психиатрии и Всесоюзному научному обществу невропатологов и психиатров. Собственно для этого она и была создана.

О «независимости» этой организации можно писать только в кавычках, она во всём и с первого дня была на службе русофобских сил, полностью содержалась на зарубежные деньги, и весь начальный смысл её деятельности сводился к дискредитации советской Системы, якобы злоупотребляющей психиатрией в карательных целях.

А. Подрабинек, Ю. Савенко и подобные им деятели «независимой правозащитной психиатрической организации» специально подбирали материалы, которые могли бы наложить какую-либо тень на нашу страну, на нашу психиатрию. Набирали, шумели о своих разоблачениях, но так ничего действительно убедительного набрать и не смогли. Подрабинек так объясняет (якобы с точки зрения Системы) создание «карательной медицины»: «За рубежом не должны знать, что в СССР есть сопротивление, наши сограждане не должны воодушевляться примером этих единиц, и ни за границей, ни внутри страны не должна звучать правда об СССР. Но устраивать процессы – слишком шумно, убивать без суда – слишком скандально. И был найден другой выход: объявлять политических противников психически больными. В самом деле, можно ли серьезно относиться к сопротивлению со стороны шизофреников, велика ли цена информации, которую сообщают слабоумные, и какой, наконец, здоровый человек будет подражать сумасшедшим?». Итак – психически здоровым не может быть человек с политическим инакомыслием. Этой позиции Системы противопоставляю «правозащитное» положение: психически больным не может быть человек с политическим инакомыслием (диссидент), политоппозиция – это свидетельство психического здоровья.

Президент этой «независимой» ассоциация Ю.С. Савенко использует любую возможность, чтобы дискредитировать отечественную психиатрию и её историю. Эта его деятельность подвела меня к необходимости дать на портале РОП специальную публикацию: «Ю. Савенко – хулиган российской психиатрии», которая прошла под названием «Профессор Ф.В. Кондратьев против председателя НПА Ю. Савенко» (2014), из которой желающие могут узнать интересные подробности об этом «правозащитном» деятеле.

Григоренко – ось «правозащитно-хулигельной» карусели.

В истории необоснованных обвинений Советской психиатрии в её «карательной» сущности «правозащитники» часто как козырную карту используют имя Григоренко. Точнее, вокруг П.Г. Григоренко «правозащитники»-хулиги создали буквально «карусель лжи», поставив в центр, как ось, его судьбу.

Лауреат премии «За исторический вклад в защиту прав человека и в правозащитное движение» Московской Хельсинкской группы, Президент НПА Ю.С. Савенко, беспелляционно отвергает заключение проведенной в 1964 году комиссионной стационарной экспертизы под председательством акад. А.В. Снежневского в отношении бывшего генерала П.Г. Григоренко. Этому заключению Лауреат и Президент противопоставил как «единственно верное» заключение о психическом здоровье экс-генерала, которое было дано заочно детским врачом-психиатром со стажем всего в 3 года и не имеющим какой-либо подготовки по судебной психиатрии. Как и почему, на каком основании была проведена эта заочная «экспертиза» и каков её юридический статус, знают только ее организаторы. Не посвященным в эту тайну знать дано мало.

Из разных публикаций Интернета известно только, что Киевский психиатр Семен Глузман в 1971 году написал бумагу, названную им «заочной психиатрической экспертизой П.Г. Григоренко», в которой тот признается психически здоровым и полностью вменяемым. Вроде бы у Глузмана были соучастники этой «экспертизы», но кто они – для нас это тоже тайна. Тайн, конечно, очень много. В добавление к названным, для меня главной тайной является то, как изначально организовалась эта «экспертиза», как они – Григоренко и Глузман – воссоединились в нужном месте и в нужное время. Интересно, с чего бы это начинающий врач детского отделения психиатрической больницы передал родственникам П. Григоренко просьбу дать возможность ознакомиться с материалами уголовного дела генерала, а адвокат С. Каллистратова «втайне передала» ему «все имевшиеся в его деле медицинские документы», а также статьи самого Григоренко, его переписку и устные сообщения единомышленников и друзей. Чтобы показать обоснованность своей «экспертизы», Глузман сообщает, что к нему приезжала семья генерала, что

несколько дней члены семьи отвечали на его вопросы о нем. Кроме того, он собрал и обработал все его статьи в «самиздате». По словам Глузмана, он свою «заочную экспертизу» проводил еще с двумя психиатрами, «пожелавшими остаться неизвестными» — т.е. «экспертиза» осталась за одной подписью? «Правозащитники»-хулители советской психиатрии, утверждают, что Глузман показал неправомочность выставленного представителями официальной психиатрии диагноза «паранойяльное развитие личности». У меня это вызывает сомнения: Глузман, как детский психиатр без какой-либо подготовки по судебной психиатрии в своей практике просто не мог ранее встречаться с такой сложной патологией как «паранойяльное развитие личности», а поэтому, без знания клиники этого психического расстройства и без каких-либо представлений о его распознавании и судебно-психиатрической оценке, не имел морального права писать такую первую в своей жизни «экспертизу», тем более заочную. Он пошел на поводу заказчика, и поэтому его «товар» сразу же нашел спрос в среде пользователей Самиздата и за рубежом.

Всё, что написано различными хулителями советской психиатрии о Григоренко в целом однотипно и крутится с повторами, поэтому я и назвал всё это «каруселью лжи». В проанализированной мной книге проекта «Диссиденты» психиатр Коротенко пишет: «Безусловно, авторы психического заболевания генерала Григоренко выполняли социальный заказ», «Многочисленные психиатры, сталкивавшиеся с Григоренко на принудительном лечении и не отмечавшие систематизированный бред, шли на поводу у признанных авторитетов, подчинялись идеологической зашоренности и в конечном итоге проявляли профессиональную безграмотность либо беспринципность». Не буду дальше цитировать: Коротенко всё ясно – это «заказ». Вот бы призналась Коротенко, кто дал заказ Глузману, хотя и без неё ясно кто!

Я – единственный в живых психиатр, который задолго до его судебно-психиатрических мытарств видел и слушал П.Г. Григоренко, когда он ещё был генералом.

Случилось так, что в 1961 году я с другим психиатром-экспертом Института им. Сербского был по просьбе руководства Института направлен на партийную

конференцию в Ленинский райком партии. Поскольку я не был членом КПСС, мне выписали специальный пропуск. В актовом зале райкома партии собралось человек 60 военных (полковники и генералы, как потом оказалось из академии им. М.В. Фрунзе) и человек 20 – 30 в штатском. Рассматривалось письмо генерала П.Г. Григоренко с критикой руководителя партии и государства Н.С. Хрущева. Первым было дано слово автору письма, было видно, что он во время своего выступления очень волновался, но держал себя в руках. Ему делалось несколько раз замечание о том, что он затягивает своё выступление, ответом был протест на «лишение права критики и свободы слова», и Григоренко вновь начинал читать свое выступление с места, на котором его прервали. После выступления началось его обсуждение. Выступающие критиковали генерала за снобизм, за противопоставление себя партии и народу, за нетерпимость к какой-либо критике. Все обвинения не только отвергались, но являлись поводом для активных, можно сказать, агрессивных возражений. Вместе с тем Григоренко проявлял подобострастие к высокому партийному боссу, председательствовавшему на этом собрании. Но, когда этот «босс» стал говорить о своей согласии с критическими замечаниями выступавших, П.Г. начал и его обвинять в низкопоклонстве, неспособности смотреть правде в глаза и т.п. Он ушел с трибуны с высокомерным выражением победителя, чувством своего превосходства над «потерявшими партийную принципиальность приспособленцами». Какой-либо критической оценки ситуации и своего положения в ней П.Г. Григоренко не обнаруживал. О впечатлении от этой встречи нас расспросил секретарь парторганизации Института. Мы однозначно высказали предположение, что, судя не по тому, что он зачитал в своем выступлении, а потому как говорил и аргументировал свои возражения оппонентам, как держался было возможно отметить, по меньшей степени, выраженные признаки сутяжно-паранойяльной личности. Это наше впечатление нигде не записывалось, и об этой встрече с генералом Григоренко я не вспоминал, пока не стал знакомиться с материалами «правозащитников», злоупотребляющих психиатрией.

Уже начав писать свои клинико-политические размышления, я специально расспрашивал эксперта, бывшего докладчиком на судебно-психиатрической комиссии, проводившей освидетельствование Григоренко, о том были ли сомнения

в установленном ему диагнозе, и было ли какое-либо на нее давление. С этим доктором-психиатром у меня доверительные, дружеские отношения и я убежден в честности её ответа: диагноз сомнения не вызывал, а давления никакого не было. Я тогда специально перечитал автобиографическую книгу П.Г. Григоренко «В подполье можно встретить только крыс».

Я не буду читателю навязывать своё мнение, но рекомендую обратить внимание хотя бы на один из первых фактов начала диссидентского пути Григоренко. Изначально он был более чем фанатично предан сталинизму, затем с таким же напором ленинизму. Для меня является настораживающим факт основания им в 1961 году «Союза возрождения ленинизма». Этот союз объединил тринадцать человек (сыновья и несколько их друзей — студенты и офицеры), распространял антиправительственные листовки, призывающие к восстановлению ленинских норм и принципов. Как понять это: что Григоренко действительно полагал, что такими силами и действиями он может «возродить ленинизм» во всей стране? Он же не мальчишка фантазер-бунтарь. Был он ведь и генералом и взрывателем православного храма, был серьезным, ответственным человеком и вдруг! Мне это представляется нелепым, особенно, если у него не было соответствующего оперативного и стратегического плана социально-политического переустройства государства (а таких планов у него никогда не было). Совершенно не ясно, как Григоренко представлял себе дальнейший ход развития событий, как он конкретно планировал «восстановление ленинских норм и принципов». То есть вызывает вопрос, какие были у него ответы на многочисленные «как», «где», «какими средствами», в «какой форме», в «какой последовательности» и т.д. и т.п. в этом сложнейшем государственном деле. Как же он не понимал, в какой Системе живет? Как же он не прогнозировал последствий своих действий в этой Системе? Как безрассудно рисковал судьбой своих сыновей и их друзей? Неадекватность действий Григоренко не в том, что он выступил против Системы, а в том, как это делалось. Такое уже относится к судебно-психиатрическим критериям невменяемости, к возможности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. В 1964 году Григоренко вместе сыновьями, членами «Союза», были арестованы, а он как основатель этого «Союза» и организатор его деятельности был направлен на судебно-

психиатрическую экспертизу, завершившуюся установлением диагноза «паранойяльное (бредовое) развитие личности».

Сам диагноз «паранойяльное (бредовое) развитие личности» является сложным, иногда спорным, поскольку он часто отражает реальную социальную ситуацию. В дифференциальном диагнозе нередко более значимым является не то, что говорится, а что и как делается. При этом те события и факты, которые являются интактными к фабуле паранойяльного развития, могут психологически адекватно пониматься и интерпретироваться, и обнаруживающие паранойяльное развитие личности в бытовых ситуациях могут ничем не отличаться от психически здоровых, иметь хорошую память, эрудицию, умственную работоспособность. Поэтому, когда в противовес данному диагнозу кладут эти хорошую память, эрудицию, умственную работоспособность и т.п., то всё это не имеет какого-либо значения, когда нарушается адекватность понимания роли и позиции своего «Я» в ситуации действия и смыслового значения самой ситуации и прогноза её развития. Именно такие не валидные контраргументы проходят красной линией у тех, кто утверждает отсутствие какой-либо психопатологии у П.Г. Григоренко.

Анализ «правозащитной» практики показал, что, когда психиатрам удается достаточно полно определить бредовое расстройство у лица, известного своими одиозными идеями и диссидентской деятельностью, то почти всегда находятся «независимые» и западные психиатры, берущие на себя обязанности выступить с традиционными заявлениями об очередном «политическом злоупотреблении психиатрией» в России.

Печальные итоги «правозащитного» хуления советской психиатрии.

«Правозащитное» злоупотребление психиатрией, как и всякое злоупотребление, могло вести только к Злу. Диссидентское «правозащитное» движение начали разгонять в самые стужие дни холодной войны, и оно достигло своей цели – международного осуждения советской психиатрии и, соответственно, всей Системы. Я пишу этот текст спустя более полувека после того, как начались обвинения советской психиатрии в политических злоупотреблениях. На основании изучения подлинных документов и результатов своей работы Председателем

центральной комиссии МЗ СССР по прекращению принудительного лечения в специальных психиатрических больницах МВД СССР я могу со всей ответственностью утверждать, что в Советском Союзе не было факта массового заведомо ложного диагностирования психических заболеваний диссидентам при проведении им судебно-психиатрической экспертизы.

Но когда я утверждаю, что в СССР не было «повального», как то называют хулители советской психиатрии, политического злоупотребления психиатрией, то оговариваю, что отдельные случаи, возможно, могли иметь место быть, хотя лично я таких случаях не знаю.

После развала Советского Союза на фоне политической вольницы средств массовой информации тема «карательной» психиатрии стала центральной в медиапространстве. Газетные и журнальные, бумажные и электронные публикации, ролики и даже кинофильмы показывали и рассказывали про «ужасы злодеяний психиатрии». На каналах телевидения замелькали низкопробные шоу по разоблачению «карательной психиатрии».

Результаты этих усилий «правозащитных» хулителей советской психиатрии печальны: сформировалось негативное отношение населения, и в первую очередь лиц с психической патологией, к психиатрической службе и к психиатрам, были случаи нападения на врачей-психиатров и медицинский персонал психиатрических учреждений, были категорические отказы больных от стационарного лечения, игнорирование ими социальной и психиатрической помощи.

Профессор М.М. Кабанов (1992), указывая на появление и широкое распространение в средствах массовой информации таких устрашающих терминов, как "дурдом" и "психушка", обоснованно констатирует, что "замалчивание в течение десятилетий проблем психиатрии привело к искаженному, порой карикатурному восприятию образа не только больного, но и врача-психиатра". И этот карикатурный образ не может не ущемлять достоинство больного, его самооценку, с одной стороны, а с другой стороны вызывает опасение больного, что именно так, как к "карикатурному человеку" к нему будут относиться окружающие. Всё так, но ведь не психиатры, а тоталитарная Система

со своей жесткой цензурой создала это "замалчивание в течение десятилетий проблем психиатрии".

Следствием навязанного нам западными правозащитными и психиатрическими ассоциациями и американскими службами пересмотра диагнозов, установленных советскими психиатрами, стала отмена этих диагнозов у десятков тысяч людей, ранее состоящих на учёте в психоневрологических диспансерах. В прошлом все они как психически больные получали необходимую им медико-социальную помощь, а теперь оказались буквально на улице, стали «социально-дезадаптированными элементами». Фактически были потеряны те значительные преимущества в сфере социальной помощи больным, которые имела советская психиатрия. Она спустилась до уровня американской, о которой я писал, вспоминая свои опросы американских бомжей в Центральном парке Нью-Йорка в Манхеттене.

И конечно же, вся «правозащитно»-хулительная кампания, проведенная под руководством международных противников советской Системы, не разобравшись, кто источник Зла, а кто его жертва, необоснованно превратила психиатрию из жертвы Зла в его пособника. И такое совершенно ложное и неприемлемое положение, к сожалению, сохранилось в общественном, и даже, нередко, в нашем профессиональном менталитете.

Вместе с тем, нельзя с горечью не признать, что в истории советской психиатрии до последних дней существования Системы действительно имели место политические злоупотребления психиатрией.

Примером их являются факты так называемых директивных стационаризований больных на периоды проведения политических мероприятий, которые практиковались в последнее десятилетие существования Советского Союза. Такие госпитализации в психиатрические больницы касались лиц, ранее находившихся на принудительном лечении и выписанных как не представляющих более социальной опасности. Их вновь, «для профилактики», насильственно помещали в психиатрические больницы на период проведения крупных политических и общественных мероприятий, таких как Съезды КПСС или Олимпийские игры в Москве. Эти больные находились в состоянии достаточно

хорошей и устойчивой ремиссии – работали, имели семьи и мало кто из окружающих знал, что они имели диагноз шизофрении. И вдруг неожиданно для всех – для них самих, семьи, соседей появлялась милиция, врачи-психиатры и их насильственно увозили на время проведения указанных «исторических событий» в психиатрическую больницу. По завершении времени проведения мероприятия «потенциально опасных» без всякого лечения выписывали домой. О том, какие проблемы вставали перед больными в их отношениях в семье, с соседями, на работе, как они могли объяснить почему вдруг их закрывали в психиатрический стационар – это властей, что естественно для того времени, не интересовало.

Однако позорным это является лишь для политической Системы. Психиатрическая служба предотвратить эту практику была не в силах. Позорной политической акцией против больных шизофренией являлось и то, что им запрещалось выдавать загранпаспорта даже тогда, когда годы холодной войны стали уходить в прошлое.

Один из самых авторитетных диссидентов В. Буковский в публикации «Психиатрический ГУЛАГ» дал интересную оценку событий тех лет: «Так и не смогли советские вожди создать психиатрический ГУЛАГ, весь их грандиозный план погиб, не родившись, а вплоть до 1989 года им приходилось оправдываться перед всем миром да проводить бесконечные "мероприятия". Это пятно позора им до конца смыть не удалось. Более того, наша гласность оказалась в этом случае настолько эффективной, что к концу 70-х КГБ уже опасался, как бы кто-то из известных диссидентов не попал в психбольницу даже случайно, независимо от их воли» (стр. 15). В этой же публикации от 1992 года В. Буковский написал: «В психиатрии, в отличие от многих других сторон советской жизни, действительно произошли разительные перемены. Наши времена тут, и правда, уже история». От себя я добавлю: в психиатрии может быть и произошли изменения, а вот в «правозащитно»-хулительном отношении к психиатрии изменений нет.

В 90-ые годы после моих публикаций в психиатрических изданиях, а также в СМИ, разоблачавших клевету в отношении советской психиатрии, меня просила принять приехавшая из Парижа М.В. Розанова – жена известного диссидента А.Д. Синявского, которая представила мне интересную информацию. По ее словам,

зарубежными «друзьями» А.Д. Снявского ему было предложено написать книгу, в которой разоблачалась бы советская действительность. Ему было обещано, что в случае обнаружения советскими властями его авторства – на Западе будет «раскручено» общественное возмущение, его вместо суда лишат советского гражданства, и он будет выслан из страны, а там ему будет предоставлена квартира в Париже и пожизненное обеспечение. А.Д. Снявский написал книгу заказанного содержания, и ее широко, хоть и подпольно, распространяли в СССР. КГБ два года искал автора, в конце концов, его арестовали и обвинили в антисоветской деятельности. В связи с этим он был на экспертизе в Институте им. В.П. Сербского. Там автор книги засомневался в обещаниях «раскрыть общественное мнение» и в переселении в Париж и начал пытаться симулировать шизофрению. Эта попытка оказалась неудачной, профессор Д.Р. Лунц упрекнул его в симуляции, и автор был признан вменяемым. Однако его западные покровители выполнили свое обещание и дело кончилось лишением его гражданства. В полученной от Розановой информации главным является не подоплека «диссидентства» Снявского. Она рассказала, что полностью согласна с моими материалами об отсутствии массового психиатрического террора и привела ценные факты о том, что многие из тех, кто «получил» диагноз шизофрении и был выслан из СССР в дальнейшем, уже, будучи за границей, попадали в психиатрические больницы в связи с обострением заболевания, хотя до этого они активно заявляли, что этот диагноз им был установлен за антисоветские настроения. Спустя несколько лет Мария Васильевна сообщила мне, что все её попытки опубликовать во французской прессе мои материалы о том, что «повальный психиатрический террор» в СССР это – миф, оказались тщетными, и добавила: «здесь публикуют только то, что чернит Россию».

Я не видел среди советских психиатров тех, кто как-то раскаивался бы в своей «репрессивной» по отношению к больным деятельности. И это естественно, поскольку никаких репрессий не было. Однако те коллеги-психиатры, которые взялись по заказу разоблачать «карательную сущность» советской психиатрии, теперь призывают к персональной ответственности нас, советских психиатров. Читаем у «правозащитников»-хулителей в отношении коллег, работавших в годы «злоупотребления психиатрией»: «Кое-кто скажет – Система! Да, за преступный

замысел отвечает Система. Но за его осуществление – только люди. Прежде всего – врачи. Их жалкие попытки свалить все беды на "Систему" только способ, попытка снять ответственность с себя. Конечно, все участвующие в практике карательной медицины несут разную степень ответственности. Конечно, с полковника Лунца спросится больше, чем с санитаря спецпсихбольницы. Но каждый, кто не протестует, вовлечен в орбиту творимого беззакония» (Коротенко и Аликина, авторы заказного проекта «Диссиденты»). Не буду снова обсуждать «орбиту творимого беззакония», говорить про её «достоверность», про «полковника» Лунца и каких-то других карателей-психиатров – всё это уже осужденное мной «правозащитное» злоупотребление психиатрией, но твердо скажу, что А.И. Коротенко и Н. Аликина, как следует из специально им посвященного раздела, не имеют морального права быть судьями.

Возможно, читателю будет интересно мое, как реально действовавшего в то время судебного психиатра, понимание роли и позиции своего Я в той сложной ситуации.

Я понимал, с кем имею дело, знал, что мне не по силам мне сломить Систему, но понимал также (и, конечно, не я один!), что каждый на своем месте может сделать много, если будет знать, с кем имеет дело, и не будет дразнить зверя самоотверженными призывами, как это делали многие диссиденты. У меня не было страха перед властями или сдержек из-за карьеристских соображений. Где было можно, я настаивал на своем (как в деле В. Гершуни), официально информировал власть о безобразиях (например, в Сычевской СПб), пресекал глумление над больными, разрабатывал методические рекомендации и пособия (в том числе по деонтологии в период принудительного лечения) и внедрял их в практику (может быть, поэтому, «по сравнению с другими спецпсихбольницами, режим в Орловской СПб мягкий» – А. Подрабинек, с. 73). Но при этом я не требовал очевидно неисполнимого, не лез на рожон и не афишировал свое негативное отношение к Системе. Мне как психиатру раскаиваться не в чем.

Конечно, то, что мы все, Отечество, его психиатрия и отдельные врачи-психиатры оказались под Совпокровом тоталитаризма – эта наша общая беда, а не вина. Однако это не освобождает каждого из нас, в том числе и меня, как

гражданина, от того, чтобы искать свою вину в том, что каким-то словом, делом или бездействием способствовал сохранению этого Покрова тоталитаризма.

*
* * * *

Казалось бы, все сказанное ушло в историю. На состоявшемся в 1993г. очередном международном конгрессе психиатров уже не было никаких новых поводов к разговорам о существовании в России "карающей психиатрии". Однако, к сожалению, политическое противостояние двух миров продолжалось, и были нужны новые надуманные «факты» психиатрического террора, которые могли бы использоваться сторонниками холодной войны.

«Правозащитники»-хулители психиатрии в постсоветский период

Время шло, а вместе с ним и история психиатрии тоже. Вот уже с Отечества сошла пелена репрессивного большевизма, распалась тоталитарная советская Система, Россия реально стала самой свободной страной без каких-либо цензурных ограничений и других видов стеснений, отменены «диссидентонаказующие» 70-я 190-¹ статьи УК РСФСР и «правозащитные» борцы с карательной психиатрией, казалось бы, должны были остаться не у дел....

Но глобальное политическое противостояние продолжалось. Для его подпитки наши «правдоискатели» нашли новый материал очернения Отечества, на сей раз, обвиняя психиатрию в репрессиях против «инаковерующих». Как же им хотелось русофобски заявить: «Сущность российской психиатрии в дореволюционные времена, в советское время и вот теперь в постсоветской период своей истории остается неизменно репрессивно-карательной!».

***«Правозащитники» хулят психиатрию за подавление свободы совести
(Ложь об использовании психиатрии против религиозных меньшинств).***

Сразу после развала в 90-ые годы тоталитарно-репрессивной Системы всеобщего запрета «единственно правильная» «научно доказанная»

атеистическая идеология оказалась в трудном положении. Россию буквально захватил вал религиозных и псевдорелигиозных предложений. Стали открыто, с рекламой даже в центральных СМИ, навязывать свои «духовные услуги» различные культовые образования – от крупных и ранее известных (пятидесятники, кришнаиты, саентологи, иеговисты, Аум Синрекё и др.) до десятков новых (Богородичный Центр, Церковь Виссариона и т.п.*). По каналам центрального радио и телевидения стали вещаться и пропагандироваться учения восточных религий. В самом центре Москвы, даже на Манежной площади, были установлены большие подмостки, на которых демонстрировались «богослужебные» шоу, а между Большим Москворецким мостом и гостиницей «Россия» был разбит палаточный городок, куда новоявленные гуру зазывали московскую молодежь.

Макросоциальная ситуация в России оказалась подходящей для такой «духовной» агрессии: 70 лет воинствующего атеизма, борьбы против традиционных религий и одновременное насаждение наукоподобных представлений (например, об инопланетянах, о войнах экстрасенсов) создали «менталитет научной мистики», совмещающий в себе несовместимое.

Такой менталитет способствовал образованию и приятию учений многочисленных квазирелигиозных культовых новообразований («сект»). Социально-негативная деятельность этих «сект», причиняющих вред личности, семье, обществу и государству, вызвала беспокойство и общественных организаций и властных структур. Образовались общественные комитеты «по спасению молодежи» от сект, а указанный вред был специально подчеркнут в 1996 г. Госдумой РФ и в "Концепции национальной безопасности Российской Федерации". В ней, в частности, была особо отмечена "необходимость учитывать разрушительную роль различного рода религиозных сект, наносящих значительный ущерб духовной жизни российского общества, представляющих собой прямую опасность для жизни и здоровья граждан России и зачастую используемых для прикрытия противоправной деятельности" (Указ Президента РФ № 1300 от 17.12.97).

*В энциклопедии И.В. Понкина "Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера" описано 500 с лишним таких организаций.

Об опасности здоровью свидетельствовали заключения психиатров, которые знакомились с потерпевшими по просьбе их родителей, а противоправная деятельность была подтверждена районным судом Москвы, который в дальнейшем распустил, в частности, религиозную общину «Свидетели Иеговы» и запретил её деятельность. Среди прочего, организация была признана виновной в побуждении граждан не исполнять гражданские обязанности, отказываться по религиозным соображениям от медпомощи, а также виновной в побуждении к самоубийству, покушению на здоровье, в нарушении прав и свобод граждан, в побуждении верующих порвать с их семьями, привлечении несовершеннолетних в религиозную организацию против их воли и без разрешения родителей.

В связи с этим, неслучайно, в Постановлении Правительства РФ № 600 от 17 мая 1996г. о Федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью был включен пункт 2.6.4, реализация которого наряду с другими министерствами и ведомствами (включая Генеральную прокуратуру, ФСБ, МВД, Министерство юстиции и иные федеральные структуры) была поручена и Минздравмедпрому РФ. В этом пункте предписывалось: "обобщить материалы о влиянии социальных и медицинских последствий деятельности в России иностранных религиозных организаций, подготовить предложения о порядке осуществления деятельности таких организаций на территории России, а также о мерах ответственности ее руководителей и членов за разжигание межконфессиональной розни, подстрекательство к гражданскому неповиновению групп населения, попавших под их влияние, разработать проект федерального закона "О свободе совести и религиозных организациях".

На основании этого Постановления Правительства Минздравмедпром РФ издал приказ № 294 от 23.07.1996. "Об упорядочении проведения медицинской экспертизы факторов риска для здоровья в связи с деятельностью некоторых религиозных организаций". В этом приказе директору Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского было предписано "разработать методические рекомендации по проведению медицинской экспертизы факторов риска для здоровья в связи с деятельностью некоторых религиозных организаций", и "создать на базе Центра постоянно действующую

группу по проведению медицинской экспертизы факторов риска для здоровья в связи с деятельностью некоторых религиозных организаций".

Создание этой группы было поручено мне. Я был в тесном контакте с общественными организациями, созданными родственниками молодых людей, втянутых в сектантские системы, прицельно изучал психические особенности адептов сект, находившихся на судебно-психиатрической экспертизе в связи с совершенными ими уголовными преступлениями (в основном это были убийства), подготовил аналитические публикации, написал в «Литературную газету» статью о завербованных в секты «Ни живые, ни мертвые», выступал по противосектантским темам по федеральному радио, сделал большой доклад на парламентских слушаниях в Госдуме. Однако создать «постоянно действующую группу» не удалось (никто не хотел на волонтерской основе брать дополнительную сложную и опасную работу) и приказа по Центру им. Сербского о создании такой группы никогда не было. Поэтому появившиеся в дальнейшем обвинения «правозащитников», в том числе из Московской Хельсинской группы, что я возглавлял «карательную» деятельность в отношении инаковерующих так же пустозвонно, как и то, что был «карателем диссидентов».

Следует сразу обратить внимание на то положение, что выявление факторов риска для здоровья, в том числе психического, ни в коем случае не предполагало какого-либо вмешательства психиатров в религиозную ориентацию адептов даже тех неокультистов, деятельность которых содержит этот риск. Об этом прямо говорилось в решении № 4 "Психическое здоровье населения России как проблема национальной безопасности", принятом Межведомственной комиссией Совета Безопасности Российской Федерации 23.07.97. В этом решении содержится обращение к Президенту РФ "Потребовать от руководителей органов здравоохранения и правопорядка недопущения использования психиатрии в немедицинских целях, в том числе при взаимодействии с общественными объединениями социальной, расовой, национальной и религиозной принадлежности".

«Правозащитные» хулители отечественной психиатрии, конечно, знали об изданном МЗ РФ моем пособии и аналитическом обзоре, посвященном психиатрическому аспекту проблемы сектантства, и, конечно, о моих

выступлениях на съездах российских психиатров с положениями, в которых прямо говорится о недопустимости психиатрического вмешательства в религиозные ориентации граждан*. О каком-либо применении принудительного лечения психически здоровых по причине их иноверия, естественно, я нигде писать просто не мог, поскольку это априорно нелепо. Как известно, направление на принудительное лечение возможно только по определению суда и только тех лиц, у которых установлено наличие психического расстройства, явившегося причиной совершенного противоправного действия. Поскольку иноверие не является психическим расстройством, не было и не могло быть случая признания психически здорового психически больным за исповедование нетрадиционной религии и, соответственно, не было и быть не могло ни одного случая направления на принудительное лечение «за свою веру». И это, конечно, было хорошо известно «правозащитным» хулителям психиатрии, но признание этого не входило в их планы. И вот я слышу по «Радио Свобода» и на съезде НПА депутата Государственной Думы Российской Федерации профессионального «правозащитника», члена Московской Хельсинкской группы В.В. Борщёва: «известный каратель от психиатрии профессор Ф.В. Кондратьев возобновил свою карательную деятельность, теперь в отношении инаковерующих», «раньше он злоупотреблял психиатрией в отношении диссидентов, а теперь вот «штампует шизофрению» тем, кто имеет иное, не традиционное, религиозно убеждение».

Под руководством Ю. Савенко с середины 90-х годов была развернута в средствах массовой информации активная кампания с целью дискредитации официальной психиатрии, озабоченной проблемой распространения некультов. При этом вновь была поднята шумиха о "карательных традициях" отечественной психиатрии, теперь уже не в отношении диссидентов, а в отношении

* Кондратьев Ф.В.: Социокультуральный фон в России конца XX века и его феноменологическое отражение в психопатологии // Социальная и клиническая психиатрия. - Том 4, вып.2. - М., 1994. - С. 135 – 139.

Кондратьев Ф.В.: Психолого-психиатрические аспекты проблемы сектантства// Международная научно-практическая конференция "Тоталитарные секты – угроза XXI века". - Н.-Новгород, 2001. - С. 47-57.

Кондратьев Ф.В.: Роль тоталитарных сект как нового патогенного фактора // Материалы XII Съезда психиатров России. - М., 1995. - С. 77-88.

Кондратьев Ф.В. Медико-социальные последствия деструктивной деятельности тоталитарных сект: аналитический обзор/ - М.: МЗ РФ, ГНЦССП им. В.П. Сербского, 1998. - 60 с.

«инаковерующих». Так, на страницах савенковского "Независимого психиатрического журнала" (№ 1., 1998, с. 49) даже утверждалось, что якобы существует "госзаказ" на превращение психиатрии "в аппарат преследования инаковерующих", что психиатрия "навязывает" церкви свои услуги по "психофармакологическому возвращению сектантов в лоно православия".

В публикации, сделанной в своем журнале президентом НПА Ю.С. Савенко под названием «Технологии использования психиатрии в немедицинских целях снова наготове» (2006), утверждается, что изначальным поводом для использования психиатрии против религиозных меньшинств послужил «научно-несостоятельный» доклад проф. Ю.И. Полищука (1995). В этом докладе, утверждает Савенко, был сделан ложный вывод о «грубом вреде психическому здоровью», наносимом различными религиозными организациями. Естественно, Полищук ни к каким карательным психиатрическим мерам против религиозных меньшинств не призывал, но с подачи Ю.С. Савенко представитель Американской психиатрической ассоциации Элен Мерсер дала понять, что «оправдывающая преследование религиозного свободомыслия позиция Российского общества психиатров может стоить ему членства во Всемирной психиатрической ассоциации».

Клеветническая деятельность против отечественной психиатрии Независимой психиатрической ассоциации России под руководством Ю.С. Савенко продолжала нарастать. Практически в каждом номере его журнала стали публиковаться статьи в защиту новых культовых организаций и движений, НПА проводила специальные семинары, обрушивалась с некорректными обвинениями на психиатров, выступающих против деструктивной деятельности неокультов. Характерно, что сектозащитная деятельность "независимых" психиатров сочеталась с нападками на традиционные религии, при этом утверждалось, что между ними и неокультами нет принципиальных различий.

Наиболее отчетливо это проявилась на судебном процессе по делу созданной Секу Асахарой секты АУМ Синрикё. В материалах прокуратуры по делу Аум Синрекё имеется письмо от 18 мая 1995 года, направленное бывшим вице-президентом НПА, руководителем экспертной программы НПА Э. Гушанским в

Московский исследовательский центр по правам человека. В этом письме указывается, что "... деятельность Ю. Савенко по защите АУМ Синрикё является примером грубой политизации психиатрии и злоупотребления ею, что несовместимо с принципами Независимой психиатрической ассоциации и правозащитного движения. В НПА отсутствует гласность, не проводятся отчеты о финансовой деятельности, царят произвол ее председателя, его недоверчивость и амбициозность, распространяются сплетни и собирается досье на независимых в своих суждениях ее членов.... Я отгораживаюсь от действий ее президента, связанных с выполнением заказа АУМ Синрикё... В отместку за такое "инокомыслие" НПА единогласно исключила меня из членов ассоциации".

Тогда же Ю.С. Савенко наглядно проявил себя как эксперт-фальсификатор. По свидетельству того же Э. Гушанского, Савенко организовал осмотр 30 монахов АУМ Синрикё, подготовленных президентом "Комитета по защите религии" Д.А. Сапрыкиным. Савенко не смутило то обстоятельство, что этот комитет существовал под крышей АУМ Синрикё, а его президент был активным деятелем этой организации и личным переводчиком С. Асахары. Э. Гушанский пишет: «Казалось бы, обследование должно было касаться только психического состояния монахов, однако выводы, которые сделал Ю. Савенко, относятся не к психическому состоянию обследованных, а к деятельности АУМ Синрикё: "Деятельность АУМ, в той части, с которой мы сталкивались, называть "антисоциальной" неадекватно"». Далее Э. Гушанский добавляет: эти "обследования не носили комиссионный характер, протоколы психического состояния монахов не содержали каких-либо социологических выводов. Общее заключение, которое составил Савенко, не обсуждалось собранием подписантов... на них... было оказано президентом НПА психологическое давление".

На состоявшихся в октябре 2000 года XIII съезде психиатров России и X съезде НПА вновь повторялись обвинения "независимыми" психиатрами официальной психиатрии в "карательной деятельности" в отношении инаковерующих. На съезде НПА это утверждал не только Ю.С. Савенко, но и «правозащитник» В.В. Борщёв, бывший тогда председателем Постоянной Палаты по правам человека при Президенте РФ. Однако он уклонился от моей прямой

просьбы подтвердить это обвинение хотя бы одним конкретным примером, а ведущий съезд НПА Савенко не дал мне слова для ответа.

С подачи президента НПА ряд «правозащитных» организаций (РОО содействия утверждению свободы совести в обществе, Московская хельсинская группа, Христианское социальное движение) в опубликованном документе "О нарушении прав человека в сфере свободы совести в Российской Федерации" (Москва, 1998) выделили специальный раздел "Инициативы по возрождению карательной психиатрии". В этом разделе утверждается: "Не имея легальных оснований для преследования верующих, противники свободы совести в России ведут деятельность по возрождению карательной психиатрии и введению в медицинскую практику американской методики депрограммирования. Особую активность в этом направлении проявляет профессор ГНЦ им. Сербского, доктор медицинских наук Федор Кондратьев, в течение более 30 лет занимавшийся работой по обоснованию и практическому применению психиатрического террора в отношении диссидентов советских лет", который теперь "предпринимает усилия по возрождению карательной психиатрии".

Грубая ложь, клевета, содержащиеся в этом документе, политические спекуляции на теме жертв сектантской деятельности очевидны уже потому, что я не только не "обосновывал применение психиатрического террора", но и не провел ни одной судебно-психиатрической экспертизы диссидентам, о чем уже сказано выше. Соответственно, нет и быть не может каких-либо фактов, подтверждающих что я "возрождаю систему карательной психиатрии". Кроме того, это клевета и политическая спекуляция ещё и потому, что никто в России американские методики депрограммирования не проводил и не мог проводить в системе здравоохранения, поскольку не было и нет психиатров, знакомых с этими методиками.

Важно отметить, что вся эта идущая от «независимой» психиатрической ассоциации клеветническая "информация" попадает не только в хельсинские и подобные правозащитные группы, но и распространяется в мировом психиатрическом сообществе. Достаточно вспомнить "Открытое письмо НПА Генеральной Ассамблее XI конгресса ВПА", опубликованное «Независимым

психиатрическим журналом" (№ 3, 1999, с. 49). В этом письме говорится: "Со всей ответственностью перед совершаемым этим заявлением шагом считаем необходимым обратить внимание Генеральной Ассамблеи ВПА на возобновившееся в России с 1994-1995 гг., ставшее широкомасштабным и не ослабевающим до настоящего времени, очередное использование психиатрии в немедицинских целях. На этот раз для подавления не инакомыслящих, а инаковерующих". Это "Открытое письмо" заканчивается призывом к ВПА принять следующий текст Обращения: "Всемирная психиатрическая ассоциация выражает обеспокоенность инициацией многочисленных судебных исков к различным религиозным организациям в России за якобы "причинение ими грубого вреда психическому здоровью и болезненное изменение личности". Всемирная психиатрическая ассоциация выражает солидарность с позицией Независимой психиатрической ассоциации России и Российского общества психиатров относительно недопустимости вовлечения психиатров в проблемы, выходящие за пределы их профессиональной компетенции." ВПА это обращение не приняло, но нельзя сказать, что оно не было использовано для очередного очернения российских психиатров и всей ситуации с правами человека в России.

Дело в том, что информация, получаемая ОБСЕ, которая, в частности, делает выводы о соблюдении свободы вероисповедания, преимущественно основана на докладах организаций по защите прав человека. Одна из таких самых влиятельных организаций – Международная Хельсинская федерация по правам человека. В марте 1999 года в её ежегодном отчете по правам человека указывалось, что закон "О свободе совести и религиозных объединениях" якобы является "явным нарушением Российской Конституции", а в России нарушаются права граждан на свободу вероисповедания. Основанием для такого вывода служила информация Московской хельсинской группы в уже упомянутом документе "О нарушении прав человека в сфере свободы совести в Российской Федерации", подготовленном на основе приведенной выше клеветы Ю. Савенко. Тем же путем в марте 1999 года в резолюцию Европейского парламента попала савенковская информация, содержащая озабоченность по поводу "существующего в настоящее время возрождения религиозной нетерпимости и актов дискриминации" и напоминание Российскому правительству об обязательствах по

правам человека, данных Россией при подписании Договора о партнерстве с Европейским сообществом при вступлении в Совет Европы.

Нельзя не связать упомянутые «правозащитные» клеветнические заявления Ю. Савенко о нарушении российскими психиатрами прав человека в сфере свободы совести в России с тем, что Роберт Сейпл, специальный посол Госдепартамента США по вопросам свободы религий в мире, осенью 2000 года во время сессии ОБСЕ вновь заявил, что в России "ущемляются права религиозных меньшинств". Такое, основанное на клевете Савенко, заявление несет ущерб интересам России, поскольку с 1999 года в США начал действовать закон, предусматривающий контроль над состоянием религиозной свободы за рубежом. Ежегодно к 1 мая специальная комиссия стала представлять доклад президенту США, который наделен определенными полномочиями в отношении стран, где допускается дискриминация тех или иных религиозных образований. В число этих полномочий наряду с официальными демаршами входит запрет на выделение кредитов американскими банками и ограничение помощи со стороны международных финансовых институтов.

В связи с беспокойством США относительно "ущемления прав религиозных меньшинств" я в 2001 года по просьбе сотрудников посольства США Dennis Curry (первый секретарь) и Howard Solomon (второй секретарь, политический отдел) дважды принимал их у себя в Центре им. В.П. Сербского. В ответ на поставленные ими вопросы секретарям посольства было разъяснено, что в целом проблема новых религиозных движений не психиатрическая, но вместе с тем психиатрам по представлению правоохранительных и административных органов, законодательных и общественных организаций приходится проводить экспертизы или изучать наличие или отсутствие в деятельности конкретной культовой организации факторов риска причинения вреда психическому здоровью. Было обращено внимание на то, что выяснение факторов риска для здоровья ни в коем случае не предполагает какого-либо вмешательства психиатров в религиозные ориентации адептов даже тех неокультов, деятельность которых содержит этот риск. Сотрудники посольства США были ознакомлены с официальными документами, подтверждающими это утверждение. Также было обращено внимание сотрудников посольства США на развернутую «правозащитниками»

грубую клеветническую кампанию по дискредитации официальной психиатрии, якобы занимающейся применением насильственных, «карательных» мер в отношении лиц, принадлежащих к религиозным меньшинствам. Секретари посольства США отметили, что данная встреча полностью изменила их представление по интересующей проблеме. Howard Solomon заявил, что «полученная информация дает основание иметь мнение о соблюдении в Центре им. Сербского прав человека и о целесообразности сотрудничества с Центром по гуманитарным вопросам». Таким образом, угроза экономических санкций в отношении России «за психиатрический террор» религиозных меньшинств была снята. Я рад, что сумел открыть глаза американцам и затея Савенко наложить на Россию экономические санкции за новый «психиатрический террор» сорвалась.

Тем не менее, в 2004 году Московская Хельсинкская группа опубликовала доклад «Права человека и психиатрия в Российской Федерации», в котором излагаются «тенденции в отношении к правам человека в области психического здоровья». Этот доклад сделал обладатель премии «За исторический вклад в защиту прав человека и в правозащитное движение» Московской Хельсинкской группы Ю.С. Савенко. В своем докладе этот известный «правозащитник»-хулиган отечественной психиатрии выразил свою «озабоченность многочисленными судебными процессами, проходившими по всей стране в течение последних семи лет и курировавшимися специально созданной в 1996 году в Центре им. Сербского группой проф. Ф.В. Кондратьева по изучению деструктивного действия религиозных новообразований». По словам Савенко, после того как была показана несостоятельность первоначальных исков «за причинение грубого вреда психическому здоровью и деформацию личности», дело дошло до судебных исков с новыми формулировками: «за незаконное введение в гипнотическое состояние» и «повреждение гипнотическим трансом», а затем «за незаметное воздействие на бессознательном уровне», т.е. фактически за колдовство. В конце концов, председатель «независимой» ассоциации психиатров пришел к выводу, что борьба с «тоталитарными сектами», которая шла на протяжении последнего десятилетия, стала первым крупным рецидивом использования психиатрии в политических целях в постсоветской России.

Эти и все подобные инсинуации обладателя премии «За исторический вклад в защиту прав человека и в правозащитное движение» Ю.С. Савенко у меня вызывают просто удивление (точнее – возмущение), поскольку они не имеют абсолютно никакого отношения к действительности.

Итак, «правозащитная» ложь о психиатрических репрессиях против инаковерующих от начала и до конца стопроцентная клевета, выдумка хулителей отечественной психиатрии. Это «правозащитное» злоупотребление психиатрией поставило нашу страну под угрозу наложения на неё экономических санкций. С этой клеветой «независимые» психиатры обратились с «Открытым письмом» в Генеральную Ассамблею XI конгресса Всемирной психиатрической ассоциации с требованием исключить Россию из этой ассоциации. Эта клевета закрепляет негативный образ России в мировом общественном мнении. И всё это, как всегда без единого реального факта, подтверждающего обоснованность обвинений!

А вот как ответил на мою защиту отечественной психиатрии от её «правозащитных» хулителей основоположник борьбы с «карательной» психиатрией А.П. Подрабинек. Он опубликовал в своих «Гранях» специальную статью «Синдром Кондратьева». Называя меня «одним из самых яростных проводников карательной психиатрии», Подрабинек пишет: «Ф.В. Кондратьев, будучи человеком до глубины души советским, ... на тему "тоталитарных сект" рассуждает с особым пристрастием, поскольку прославился именно психиатрическими злоупотреблениями в отношении религиозных меньшинств» ... «Потому и пафос его статьи не профессионально-разоблачительный, а чекистский, правоохранительный, пафос доносчика и верного слуги, потерявшего из виду своего хозяина»*.

Институт им. Сербского как «Инструмент репрессивной психиатрии» и два слова про «давление» по делу полковника Ю. Буданова.

Кто-то захотел через Интернет познакомиться с Институтом им. Сербского и открывает статью в Википедии с этим названием. Я открыл, когда было указано: «Эта страница последний раз была отредактирована 9 марта 2017». Смотрю читаю раздел «История центра», здесь он назван «инструмент репрессивной

* Александр Подрабинек. Синдром Кондратьева. Грани.ру. 03.03.2014.

психиатрии». Уже первое предложение: «В Советском Союзе психиатрические больницы часто использовались властью для изоляции политических инакомыслящих, чтобы дискредитировать их взгляды, сломить их физически и морально» – ну, вот, началась тенденциозно-хулигельная инсинуация. Откуда это «часто использовались властью для ...»? Это взято из текстов «правозащитников»-хулигелей, злоупотребляющих психиатрией. И ссылки идут на тех же подрабинеков, прокопенко, коротенко-аликиных, глузманов, пшизовых, переподпевальщика Ворена и плюс еще несколько иностранцев (Reich W., Richard J., Bonnie L.L.B., Glasser S.B. и им подобным), которые повторяют те же картинки из «правозащитной» карусели. Но ведь это Википедия, авторитетный информационный ресурс. Как же глубоко проникла преднамеренная, хулигельная дезинформация!

Далее пишется, как подтверждение сказанному: «Некоторые из специалистов НИИ им. Сербского имели высокий авторитет в МВД — например, печально знаменитый Даниил Лунц, заведовавший 4-м отделением, куда направлялись на экспертизу арестованные по политическим статьям, и охарактеризованный Виктором Некипеловым как "ничем не отличавшийся от врачей-преступников, которые проводили бесчеловечные эксперименты над заключёнными в нацистских концлагерях". Д.Р. Лунц имел чин полковника госбезопасности, Г. В. Морозов — генерала». Википедия! как же так можно?! Ну, Некипелов — какой может быть спрос с этого никому неизвестного «поэта, публициста, правозащитника» из Московской хельсинской группы? Но ведь помещенные в Википедию его слова «ничем не отличавшийся от врачей-преступников, которые проводили бесчеловечные эксперименты над заключёнными в нацистских концлагерях» приобретают совсем иной объем и смысл. Поскольку Лунц работал в Институте им. Сербского, то где, как не в нем, проводились эти «бесчеловечные эксперименты над заключёнными» – это уже характеристика Института, раз дан такой материал о нем в Википедии (я уж не говорю про «полковника» и «генерала» из госбезопасности).

Даже постсоветский период работы Института характеризуется с тех же позиций: «Институт лишь приспособился к новым условиям, не проведя никаких

реальных реформ». Не достойно так, с эмоционально-оценочных позиций, как о «приспособленце», писать в энциклопедии – это, во-первых, а во-вторых, какие же «реальные реформы» необходимы? Роберт ван Ворен, генеральный секретарь международной организации «Глобальная инициатива в психиатрии» с упреком утверждает (и это повторяет Википедия): «Сфера судебной психиатрии в странах бывшего Советского Союза остаётся закрытой и влиятельной, сохраняется диктат московской психиатрической школы: судебно-психиатрическая практика активно контролируется Центром им. Сербского, и даже в странах Балтии по-прежнему соблюдаются предписания этого учреждения, а часть профессиональной подготовки возложена на его сотрудников». Что за «диктат»? Что за «предписания»? Какой «московской психиатрической школой»? Ну, нельзя же словоблудие этого «генерального секретаря международной организации», «почетного члена» и «рыцаря» (а, по-моему, настырного бизнес-пиарщика на проблемах психиатрии) цитировать в электронной энциклопедии без проверки, без коррекции.

«Практически ничего не изменилось. Они в институте не испытывают угрызений совести по поводу своей роли при коммунистах. Это те же самые люди, и они не хотят извиняться за все свои действия в прошлом» — это авторство Ю. С. Савенко. «Система всё та же, менталитет тот же», — это уже утверждение Александра Подрабиника. Как всё уже знакомо! Правда к авторам этих трафаретов добавлено новое имя — адвокат Карен Нерсисян позволил себе заявить: «институт Сербского не является медицинским учреждением, это орган власти». Судя по контексту, из которого Википедия, извлекла эти слова, можно быть уверенным, что этот адвокат ничего не знает об Институте им. Сербского. Вместе с тем, поскольку авторы Википедии выбрали именно эту (как и предыдущие) цитату, то, к сожалению, можно говорить о тенденциозности содержания данной публикации и понимать, что и кто за ней стоит.

Заканчивается раздел «Инструмент репрессивной психиатрии» так же тенденциозно как начался: «Многие судебно-психиатрические экспертизы, проводившиеся специалистами Центра в постсоветское время, были назначены с целью признать невменяемыми высокопоставленных должностных лиц в случаях совершения ими изнасилований или убийств, как то было в Чечне с Юрием

Будановым, который в конечном итоге был признан вменяемым и осуждён после более чем трёх лет судебных разбирательств». Прочитав этот абзац, моя совесть потребовала дать своё пояснение про давление по делу Ю.Д. Буданова, поскольку экспертиза ему проводилась в руководимом мной отделении, и я подписант всех актов (в том числе и расширенного, составленного МЗ СССР) о его невменяемости. Здесь же подчеркну хулительную тенденцию данной статьи в Википедии об Институте им. Сербского: «Многие судебно-психиатрические экспертизы, проводившиеся специалистами центра в постсоветское время, были назначены с целью признать невменяемыми высокопоставленных должностных лиц в случаях совершения ими изнасилований или убийств ...» – если автор этого заключительного абзаца приведет ХОТЬ ОДИН случай такого назначения, я готов взять все свои слова о «правозащитниках», злоупотребляющих психиатрией, обратно и извиниться перед всеми ними.

Далее в Википедии за этим разделом следует раздел «Спорные экспертизы». Он написан, судя по контексту и тональности, всё теми же «правозащитниками», злоупотребляющими психиатрией. Здесь показаны результаты некоторых экспертиз, проводившихся сотрудниками Центра им. Сербского, с явным намеком на то, что они были политически заказными: «Тамара Печерникова, которая в советское время признала невменяемой поэтессу Наталью Горбаневскую», теперь дала заключение о невменяемости Буданова» – ну, как же не понять? – раз Печерникова, значит экспертиза заведомо ложная.

В этом разделе утверждается: «Начиная с 2000-х годов было немало случаев, когда люди, «неудобные» для российских властей, содержались в психиатрических больницах. Некоторые из этих людей проходили судебно-психиатрическую экспертизу в Центре имени Сербского и были признаны невменяемыми. Например, в 2003 году в Центре им. Сербского проводилась экспертиза Юрия Давыдова и Евгения Привалова — руководителей «Поэтизированного объединения разработки теории общественного счастья» (ПОРТОС). В ходе экспертизы им поставили диагноз «шизофрения» и признали невменяемыми. Защита настаивала на оправдании Ю. Давыдова и Е. Привалова как психически здоровых людей». Это приводится как пример «спорной экспертизы», но она никем, кроме адвокатов, не оспаривалась и до сих пор

осталась в силе. Зачем же, кроме как хуления в первых двух предложениях, приводят авторы Википедии этот текст?

В этом же разделе «Спорные экспертизы» подается как бесспорно правильное заявление Ю. Савенко, осуждающего заключение экспертов Центра им. Сербского о необходимости принудительной госпитализации Михаила Косенко, жертвы так называемого «болотного дела»: «Я выступал в суде по поводу заключения так называемых экспертов относительно состояния Косенко. Оно написано возмутительно небрежно, а диагноз притянут за уши». Если бы Википедия действительно хотела быть объективной в этом разделе «Спорные экспертизы», то она могла бы легко представить достаточно большой материал, показывающий, что приведенное заявление Савенко не более, чем очередное проявление «правозащитного» злоупотребления психиатрией.

И в других публикациях в Интернет, касающихся Института судебной психиатрии им. Сербского, можно отметить явное преобладание тенденциозных, ничем не подтверждённых, хорошо смонтированных хулигельных текстов. Такая подборка не может быть случайностью!

Чуть выше упомянута поэтесса Наталия Горбаневская. У неё в Интернете опубликован текст «Позорное наследие», который она написала в качестве рецензии на книгу Виктора Некипелова "Институт дураков": «Я рассматриваю свою работу как часть коллективного труда по преданию гласности и, следовательно, обезвреживанию одного из зловещих островов советского ГУЛАГа, сегодняшней цитадели наивысшего бесправия и бесконтрольных опытов над беззащитным арестантским мозгом – института имени Сербского в Москве" (поэтично, не так ли?).

«Правозащитник» А. Подрабинек пишет: «Сведений о врачах-психиатрах, искренне считающих заключенных в психбольницы диссидентов душевнобольными людьми, у нас почти не имеется» (я бы сказал: плохо работаете, потому и «не имеется», снимите черные очки). А дальше уже явная, буквально «правозащитная карусель лжи». Кто у кого из этого круговорота переписывает уже трудно сказать. Подрабинек: «Но если врачи СПб часто медицински неграмотны, то этого не скажешь о сотрудниках московского

Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии им. проф. Сербского. Научные сотрудники, врачи, доценты, профессора, работающие в этом институте, поставлены на службу органов госбезопасности и внутренних дел. Свои знания психиатрии они используют для защиты политической власти, а не интересов больных. Их гневные выступления на страницах советской прессы, в которых они клеймят позором и обличают клеветников, утверждающих, что в СССР якобы за инакомыслие помещают в психбольницы, находятся в противоречии с их откровенными высказываниями в частных беседах». Интересно, с кем это из психиатров ЦНИИСП им. Сербского господин Подрабинек мог «откровенно» беседовать на такую тему?

В таком же духе пишет другой видный «правозащитник»-хулигатель Э. Гушанский: «психиатрия – деликатнейшая область медицины – за несколько десятилетий была преобразована высшими государственными структурами СССР в карательную систему, используемую для подавления инакомыслия и расправы с неугодными» ... «в послушную содержанку спецслужб и идеологических структур правящей Коммунистической партии». Эксперты института им. Сербского были примером «элементарной беспринципности, «верности долгу» или личной трусости психиатров-экспертов, состоящих на службе МГБ/КГБ».

Читаем в Интернете дальше. Сьюзен Глассер (Susan B. Glasser) из The Washington Post, США: «В советские времена в институте Сербского долгие годы содержались умственно здоровые политические диссиденты, которых накачивали психотропными препаратами, ... принуждая их проходить судебно-психиатрическую экспертизу, результат которой был predetermined Комитетом государственной безопасности (КГБ).» – откуда у американского журналиста такое? Автор, конечно, всё это мог почерпнуть только из «правозащитной карусели», раскрученной подрабинекками и прочими «правозащитниками»-хулигателями. Переняв с карусели тренд движения, американский автор сам пытается очернить таких сотрудников Центра как Т.П. Печерникова и Г.В. Морозов. Мне страшно, если этот журналист сам верит в то, что написал, и может передать свою хулигательную мерзость читателям.

Есть, конечно, в Интернет и публикации без хуления судебной психиатрии и Центра им. Сербского. К таким публикациям, в частности, относится труд Татьяны Политиковой от марта 2017 года «Институт Сербского: история, отделения, адрес». Но и в этой публикации допущена неприятная ошибка: «В 1988 году институт был выведен из управления системы МВД и передан в ведение Министерства здравоохранения РФ» – недоброжелатели будут додумывать, что Институт шесть с половиной десятилетий, с 1921 года, был «органом МВД», такое ошибочное утверждение уже есть и на нем спекулируют «правозащитники».

Два слова про «давление» на Институт в связи с экспертизой проведенной полковнику Ю. Буданову, о котором специально писал Ю.С. Савенко.

В руководимом мной экспертном отделении Центра им. Сербского было выделено несколько коек для Центра судебно-медицинской и криминалистической экспертизы Министерства Обороны. На эти места поступали для проведения судебно-психиатрических экспертиз обвиняемые, дела которых вела военная прокуратура и которые были подсудны военным трибуналам. Этим подэкспертных готовили к освидетельствованию врачи-психиатры из Центра МО, а комиссии проводились под председательством профессоров Центра им. Сербского. Моя роль заключалась в консультативной помощи военным психиатрам и к участию, как члена комиссии, при экспертном освидетельствовании. Собственно, я определял, когда и с каким предложением решения экспертных вопросов будет проводиться освидетельствование. За все долгие годы этой работы в Институте им. Сербского на меня ни разу не было оказано какого-либо «давления властей». Для полной достоверности моих свидетельств выше я уже упоминал единственный случай, когда директор Института Г.В. Морозов мне сказал: «Посмотри повнимательней, этим афганским делом интересуется Громыко и ООН» – и всё. Если это называть «давлением», то за нашими «правозащитниками» следует признать особый талант хулиительства.

Полковник Ю.Д. Буданов был в моем отделении несколько месяцев. Его готовили к первой, а потом ко второй экспертизе и, наконец, к третьей для которой члены комиссии были определены МЗ СССР (в комиссию входили ведущие профессора страны, среди них был и член НПА). За всё это время директор

Центра им. Сербского Т.Б. Дмитриева ни разу у меня не спросила про экспертизу Буданову (и вообще она никогда не спрашивала про экспертные решения, пока они ещё не были приняты – такой был модус отношений, который сложился ещё при Г.В. Морозове). Ю.С. Савенко такое просто не может понять – у него не тот менталитет: он сам давил и поэтому полагает, что и все другие «давят». Это у него норма отношения «начальник – подчиненный» (вспомните, как Савенко давил Э. Гушанского в связи с делом японской секты «Учение Истины АУМ», выше я об этом упоминал). И вот в связи с экспертизами, проводившимися Ю. Буданову он позволяет в своем журнале писать: «Экспертиза Буданова – наглядный урок нам всем во многих отношениях... Первый урок состоит в том, что въяве вернулись прежние времена, что психиатрию снова используют по совсем еще не старым и не забывшимся сценариям. Более того, что это делают ветераны, те самые антигерои нашего предмета ... В психиатрии это все тот же Государственный Центр им. Сербского. В деле Буданова ему пришлось ... снова показать политизацию психиатрии, когда административное управление переходит все границы: профессиональную, научную, этическую, послушно следуя внутривластной конъюнктуре». Далее Ю. Савенко пишет: «Урок состоит в понимании того, чего достигает власть, инициирующая заказную экспертизу? Она достигает желаемой тактической цели без всякого труда: есть Центр им. Сербского, монополист судебной психиатрии, чуть ли не единственное в мире учреждение такого рода, которое гарантирует требуемое заключение». Заканчивает свое писание этот «правозащитник»-хулиган отечественной психиатрии еще одним, седьмым «уроком», в котором ярко проявилось «бессилие чисто силового давления, даже когда оно преобладает и, кажется, правит бал. В деле Буданова безусловный монополист судебной психиатрии – Центр им. Сербского – уверенный в послушности суда и благоволении властей, собственно сам выступающий как представитель власти, тем не менее, в лице Дмитриевой чувствует, что его возможности ограничены одним этим измерением и организует утечку информации из своего Центра: она жалуется всем в Центре на оказываемое на нее сильное давление. Мы видим здесь не просто попытку спасти лицо, мы видим признание силы общественного мнения и репутации в профессиональном сообществе».*

* Савенко Ю.С. Дело полковника Буданова. Последняя экспертиза. Некоторые уроки судебно-психиатрической экспертизы полковника Буданова // Независимый психиатрический журнал, 3-2003.

Здесь я упомянул дело Ю. Буданова, чтобы показать на нем пример грубого «правозащитного» злоупотребления психиатрией. Ну, откуда извлек эти свои уроки председатель НПА? Действительно следует признать за нашим лидером «независимых» психиатров упомянутый талант хулиительства. Блестяще! После этого не нужно удивляться многочисленным повторам типа: «советская система военного судопроизводства парализована из-за своей неспособности определить виновность подсудимого в сенсационном преступлении, которое может подорвать решимость правительства России продолжать свою жестокую войну в Чечне. Оказавшись в тупике, государство прибегло к помощи испытанного партнера советских времен – психиатров, которые многие десятилетия выполняли приказы и маскировали политические проблемы под душевные болезни»*.

Если есть хоть частичка правды в утверждениях Савенко о том, что Т.Б. Дмитриева «жалуется всем в Центре на оказываемое на нее сильное давление», то должен ещё раз с благодарностью почтить светлую память Татьяны Борисовны: она меня от какого-либо давления уберегла и даже не сказала, что на неё давят.

А давление всё же было: было, но с другой стороны. Когда я изучал уголовное дело Буданова, то не мог не убедиться в многочисленных «подставах» свидетелей со стороны обвинения, которые пытались его представить неким убийцей-маньяком, пытались обвинить даже в изнасиловании Кунгаевой перед её убийством. Я проводил с Юрием Дмитриевичем многочасовые беседы и до сих пор абсолютно убежден, что он в момент совершения преступления находился в состоянии временного психического расстройства. Это состояние спровоцировала чеченка, которая сказала ему, что наматывает кишки его дочери на автомат, и схватилась за оружие. А у его дочери как раз был день рождения. Но суд назначил вторую экспертизу, а когда она подтвердила мое заключение — третью. И третья, расширенная, назначенная МЗ РФ экспертиза, сделала такое же заключение. Но светские суды с эти не соглашались, а ведь, по Савенко, именно такое экспертное заключение требовали власти. Тогда назначили экспертизу на Кавказе (вот уж где было давление!). Там психиатры решили, что он мог отвечать за свои действия, и

его осудили... Я уверен, что мы дали правильное заключение. А вообще-то, я по-человечески понимал Юрия, переживавшего свою беспомощность, когда снайперские пули убивали и убивали его друзей-подчиненных. Он писал письма близким погибших с просьбой простить его за то, что он не уберег их, и сам больше ничего не мог сделать, а тут обнаружил у задержанной Эльзы Кунгаевой синяки на плече от снайперской винтовки.

Последняя картинка из личной жизни: и психиатру для понимания смысла политического течения истории надо быть современником не только своего времени.

Я с детства был окружен журналами «Нива» и «Огонек», еженедельно выходящими с конца XIX века и по 1918 год. Эти журналы были рассчитаны на интеллигентские круги. В них публиковались обзоры событий, литературные произведения, исторические и научно-популярные очерки. У нас дома были сотни экземпляров этих журналов, и выкидывать их категорически запрещалось моим дедушкой. Лет с 6-8 я рассматривал картинки, потом стал выборочно читать, затем читал всё подряд и что-то перечитывал, а кончилось всё тем, что я не столько читал, сколько изучал эти журналы как своеобразную историческую фактуру. Эти журналы давали другое освещение тех событий, которые представлялись на уроках истории в школе и в советских СМИ: война с Японией и баррикады на улицах в 1905 году, реформы Столыпина и его убийство, Ленский расстрел, 300-летие Дома Романовых и Ходынское поле, патриотизм начала войны с немцами, и Февральская революция ... Нет нужды перечислять фактуру тех событий – она многократно представлялась с разных ракурсов в зависимости от установок историков или их спонсоров. Я же, прослеживая жизнь Отечества по этим двум общенациональным общественным журналам видел, как начиная с конца 19-го века в России падала нравственность. В журналах всё чаще появлялись довольно фривольные и даже непристойные, вульгарные статьи про

* Susan B. Glasser. Болезненное прошлое российской психиатрии вновь всплыло в судебном деле Буданова // The Washington Post, США. 15.12.2002.

конфузы в публичных домах, широко рекламировались препараты, стимулирующие половую силу, противозачаточные средства, лечение венерических болезней – и всё это на фоне явного сокращения публикаций патриотического, нравственного содержания. Такие изменения явно контрастировали с первыми выпусками журналов, и, как мне представлялось, соответствовали спросу либеральной публики с антипатриотическим, атеистическим менталитетом. Так создались предпосылки для разгула той сексуальной вакханалии, которая сразу вспыхнула после Октябрьского переворота («Долой стыд!»). Напомню: первая статья Уголовного Кодекса Российской Империи, которая была отменена новой властью, была статья об уголовном наказании за гомосексуализм.

С первых лет власти новой Системы утверждение «сексуальной вольницы», разрушение родительской семьи представлялось чуть ли не атрибутом борьбы с религиозными предрассудками за «светлое будущее». Однако позже, в годы сталинизма стали говорить о «растленном влиянии Запада», под прикрытием борьбы с которым репрессировали политических противников. Защита от «растленного влияния Запада» практически продолжалась до развала СССР, введения новой Конституции (1993г.) и запрета цензуры. К сожалению, отмена цензуры открыла двери не только политическому либерализму, но и нравственному, включая растленному (уже без кавычек) влиянию Запада. Так гомосексуализм вновь стал «естественным сексом», сочетаясь с допущением всего, что находится в зоне порнографии и половых извращений. Всё это приближало проблему нравственности к некоторым аспектам психиатрии.

Путь открыт, но Россия и здесь еще «отстает». У нас не проводятся «праздничные» гей-парады, не пропагандируется педофилия, ещё не ставятся вопросы о разрешении онанизма в школе (как в США), не создаются публичные дома для зоофилов. Как относиться психиатру к подобным «достижениям» цивилизованного Запада. Например, в октябре 2017 года в Копенгагене откроется первый в Европе бордель для зоофилов. Законодательство Дании разрешает половые сношения человека с животным и проституцию животных. Согласно датским законам, «совершенно нормально» заниматься сексом со всеми видами

животных, поскольку интимные отношения с животными – конституционное право граждан Дании (<https://ivan4.ru/~m031J>). А ведь понятие зоофилия из психиатрического лексикона. Термин был предложен в 1894 году немецким психиатром Рихардом Крафт-Эбингом в книге «Сексуальные психопатии» и в современной международной классификации болезней (МКБ-10) имеет шифр F65.8., раздела в котором перечисляются расстройства сексуального предпочтения.

Конечно, психиатрия не должна выходить за рамки медицинской деятельности, сферы разграничения психологической нормы и патологии, и не заниматься «духологией». Но она, как неоднократно отмечалось, наиболее социально сопряженная дисциплина, а поэтому не может обойтись без учета духовной сферы. Да, сфера знаний и компетенций психиатрии вне культурологии, но в силу целостного, душевно-духовного, понимания личности, она может помогать в решении сложных проблем, по крайней мере, в составе комплексных комиссий. Однако и в таких случаях это вызывает возмущение борцов с цензурой, в том числе нравственной, и мы вновь слышим «правозащитные» оклики о злоупотреблениях психиатрии. Приведу примеры.

В конце 2016 года я был приглашен для участия в проведении комплексного исследования материалов, для решения поставленного перед специалистами комиссии вопроса о том, «содержатся ли в каких-либо из представленных для исследования фотографиях авторства Д. Стёрджеса визуальные и смысловые (графические, в том числе художественно-изобразительные) элементы и особенности, являющиеся признаками детской порнографии или содержащие к ней отсылки и/или имеющие к отношению к педофилии?». Комиссия, изучив все материалы, показала, что представленные на исследование фотографии авторства Д. Стёрджеса содержат визуальные и смысловые элементы и особенности, являющиеся признаками детской порнографии, а поэтому представляют собой детскую порнографию и при этом в них использованы приемы отсылки к педофилии, попытки представить её в привлекательном образе.

После этой экспертизы я опубликовал для СМИ статью о проблемах детской порнографии. Я отметил, что здесь можно говорить о явно рыночных отношениях:

спрос порождает производство, а производство навязывает спрос. Где здесь начало, а где конец – определить сложно: изначальное порно-фотографирование детей чревато формированием у них пассивного гомосексуализма, экспозиция детской порнографии чревата развитием педофилии и спроса на порно-фото-продукцию, что стимулирует её производство – это порочный круг. «Побочным продуктом» становится сексуальное уродство «исходного сырья». Мое мнение, что такие выставки как содержащая детскую порнографию московская экспозиция фотографий авторства Д. Стёрджеса, может быть тем местом, которое формирует развитие сексуальных девиаций и запускает движение по упомянутому порочному кругу, вызвало антипсихиатрическую реакцию почти незамедлительно: «в России снова дана вольница террористам-психиатрам, Федор Кондратьев вновь оседлал своего боевого коня».

2017 год. Назревающий скандал в связи с фильмом «Матильда» также потребовал проведения комплексной экспертизы с участием психиатра. Понятно, что моя профессиональная компетенция не дает мне права оценивать историческое и художественное достоинство фильма, в котором обыгрываются отношения балерины Кшесинской и наследника престола Николая. Вопрос сводился к другому и касался даже не этого фильма. Перед комиссией, в которую я был включен для проведения комплексного исследования, были поставлены два вопроса по фильму «Гольциус и Пеликанья компания» Питера Гринуэй. В ответе по первому из поставленных вопросов комплексная комиссия единодушно пришла к выводу, что практически все привлечённые в фильме библейские сюжеты и образы цинично извращаются, низводятся до уровня совершенно вульгарных, неприличных, являются крайне оскорбительными для человеческого достоинства в общественном восприятии, и поэтому социально недопустимы как наносящие вред обществу, в том числе вред общественной нравственности. Ответ на второй из поставленных вопросов был также единодушен: «Фильм «Гольциус и Пеликанья компания» является порнографическим материалом, поскольку основной сюжетный замысел фильма и использованные в нём средства направлены на демонстрацию порнографических по содержанию сцен, действий, эпизодов, образов, реплик, при этом такая демонстрация не обусловлена каким-либо эстетически оправданным и обладающим художественной ценностью

сюжетом.... Фильм «Гольциус и Пеликанья компания» в высшей степени аморален и провокативен, явно и сильнейшим образом выражает грубейшее демонстративное неуважение к обществу, общественной нравственности, публичному порядку в силу его перенасыщенности обценной семантикой, порнографическими визуальными сценами и образами, включая действия и образы сексуально-перверсивного характера».

Смысл проведения данного исследования фильма «Гольциус и Пеликанья компания» сводился к тому, чтобы установить, действительно ли в нем актёром Ларсом Айдингером воплощён порнографический образ аморального бисексуала, впоследствии кастрированного. Этот актер также известен как крайне циничный порноактер по фильму «Нора». Мы показали, что амплу Ларса Айдингера – роли порногероев. Вопрос о том, почему в таком случае ему дана главная роль, роль будущего российского царя и святотерпца в фильме «Матильда», перед нами, естественно, не ставился.

Как должен восприниматься его образ после просмотра этого фильма? Предположить не сложно: если бы Вячеславу Тихонову пришлось запомниться зрителю в ролях мерзавцев, предателей и насильников, то вряд ли Штирлиц был образом для подражания даже без каких-либо изменений в исполнении этой роли, сюжета фильма, его сценария или чего-либо другого. Мое частное предположение, естественно, не отраженное в комплексном заключении: видимо, эту цель – цель создать негативный образ Николая, и преследовал режиссёр, пригласив на его роль порноактера Ларса Айдингера. В подсознание русского зрителя должна войти и закрепится «связка»: русский царь = мерзость, – это расширит базу русофобства. Я вижу в этом главный смысл фильма, всё остальное – банальная любовная интрижка, недостойная времени просмотра. Это мое мнение, размещенное в СМИ, естественно, осуждено либеральными «правозащитниками» как новое вмешательство психиатрии.

Второе название своему труду я дал: «Клинико-политическое представление истории российской психиатрии». Допускаю, что возможно было бы сказать и по-другому: «Клинико-политическое представление российской истории в аспектах психиатрии». В понимании смысла политического течения

истории психиатру надо быть современником не только своего времени – так много здесь взаимосвязей.

Итоги. Что есть Зло? И, по нашей традиции: «Кто виноват? и что делать?» «Правозащитное» зло можно победить только правдой!

Всё, что написано в моих клинико-политических размышлениях о судьбах психиатрии в истории России рождено заботой, в первую очередь, о чувстве достоинства и чести у нашей смены – молодых врачей-психиатров. Хочется чтобы они не стыдились прошлого отечественной психиатрии, как того хотел бы «правозащитник»-хулитель Подрабинек и иже с ним.

«Правозащитное» хуление отечественной психиатрии – это зло, отмеченное мной рефреном по всему тексту книги, оно уже нанесло ущерб как отдельным людям, так и имиджу нашего Отечества. Это зло, и как всякое другое зло, может быть побеждено только Правдой. Поэтому, свое разоблачение хулителей нашей истории я начал именно с того, чтобы показать отсутствие реальных фактов, которые могли бы подтвердить вину психиатрии, наших коллег-психиатров в каких-либо злоупотреблениях психиатрией. Если разбираться в конкретных обвинениях, то это не сложное дело.

Гораздо труднее изменить то негативное отношение общества к психиатрии, которое сложилось в результате многолетней, хорошо организованной клеветы. Такое отношение не только сложилось, но и активно поддерживается до сих пор. Любые «разоблачения» эти хулители-«правозащитники» встречают в штыки. Началось это с моей первой публикации в СМИ, в газете «Известия» от 24 июля 1998 года. В том же номере рядом с моей статьей «Психиатрического террора у нас не было» появилась очередная чернуха о «психиатрах-террористах» с клеветническим перечислением конкретных психиатров (я всех их знал как врачей с чистой совестью). Такие контратаки сопровождали каждую мою публикацию, направленную против хулителей вплоть до самого последнего времени, о чем я уже писал выше. Какая будет «правозащитная» реакция на настоящий мой труд

предугадать не сложно, хотя интересно, неужели кроме повторов: Кондратьев – «запечных дел психиатр» будет придумано нечто новое.

Понятно, что основным нападающим во всех этих контратаках является А.П. Подрабинек – это он придумал «карательную психиатрию», этим он сделал своё имя всемирно известным и закрепленным в Интернете, этим он обогатил арсенал врагов Отечества и объединил русофобов, этим он кормится, и за это получает награды. Подрабинеку есть чего бояться – без «карательной психиатрии» он просто хулиганствующее ничтожество, введшее общественное мнение в заблуждение. И вот новое подтверждение сказанному: не успела увидеть свет эта моя публикация, как в Интернете в формате Википедии с фотографией появилось вполне мною ожидаемое: «Кондратьев Фёдор Викторович (Fedor Kondratiev, 1933.02.17, Москва, СССР) есть советский ветеран, советский и российский чиновник, фашист, садист, один из основателей советской карательной психиатрии, обвиняемый в политических репрессиях». Его поддержка бравшей у него интервью Инной Новиковой «в соответствии с правилом новояза» «приходится интерпретировать как подтверждение сообщений о чудовищных преступлениях Кондратьева и его соучастников». Судя по дальнейшему тексту «Википедии» автор всё тот же – Подрабинек. Он злится, что у него нет на меня реального компромата и, обращаясь к пользователям Интернета, просит дать материал редактору «о причастности Кондратьева к политическим репрессиям и геноциду народов СССР».

Я сел за написание своего Клинико-политического представления уже на седьмом десятке своей сопричастности с психиатрической практикой и теорией. Жизнь непосредственно мне показывала реальное положение дел, и я мог видеть, где действительно были грубые и даже преступные действия психиатров, где обвинения в адрес психиатрии были явно преувеличенными и представлялись с большой натяжкой, а где обвинения были просто надуманными и, несомненно, являлись предумышленной клеветой. Там, где были преступные действия отдельных психиатров (а они действительно были), там они могли исходить или от ущербных теоретических установок советской психиатрии или от собственной нравственной недостаточности и извращенности – но и то и другое результат воздействия большевистской Системы. Тоталитаризм в образовании и науке,

приведший к пониманию человека как бездуховной твари породил профессиональную ущербность. А нравственная недостаточность и извращённость порождена от самой сути тоталитаризма: кто не с нами – тот против нас, *salus reolutiae suprema lex!* Вместе с тем, хотя речь идёт буквально об единичных случаях, они дали возможность на них спекулировать нашим «правозащитно-хулящим либералам, не желающим знать, что для практической психиатрии всё это – редчайшие исключения, которые никак не могут её характеризовать.

Итоги. Специальный анализ публикаций, обвиняющих советскую психиатрию в репрессиях по заданию Системы, и изучение фактических материалов, могущих иметь отношение к этой теме, дали мне основания прийти к следующим однозначным итогам.

Я могу аргументированно с чистой совестью ещё раз повторить, что не было факта массового заведомо ложного диагностирования диссидентам психических заболеваний и признания их невменяемыми при проведении судебно-психиатрических экспертиз. Не было ни массового поступления на экспертизу, ни заведомо ложного диагностирования. Нет никаких данных об исполнении психиатрами каких-то инструкций и указаний КГБ по конкретным экспертизам, поскольку таких инструкций просто не было. Не было практики содержания в специальных психиатрических больницах психически здоровых политически инакомыслящих граждан по указанию Системы. Не было создания советскими психиатрами по заказу Системы концепции вялотекущей шизофрении для облегчения признания невменяемыми психически здоровых диссидентов. Ещё раз, все эти обвинения – миф, специально созданный в пропагандистских целях в годы холодной войны. Этот миф закрепился в сознании людей и, конечно, отрицательно сказывается на имидже и нашей профессии и нашей истории в целом. Также является мифом «правозащитно»-хулильные утверждения о постсоветском восстановлении карательной психиатрии и преследовании религиозных меньшинств. И это – целенаправленная ложь. Не было ни одной судебно-психиатрической экспертизы по этому поводу и, соответственно, какого-либо «карательного» лечения.

Следует ещё раз подчеркнуть, что вся эта антипсихиатрическая война всего лишь часть глобальной антироссийской войны. Дискредитация советской психиатрии имела целью дискредитацию Советского Союза, дискредитацию нашего Отечества – и это есть основное Зло. Отдельные подрабинки и савенки – всего лишь инструменты, используемые в этом противостоянии. Не было бы их – нашли бы других (и вообще, не было бы психиатрии – нашли бы другие зацепы для дискредитации Отечества).

Полученная при работе над книгой информация подвела меня к некоторому философствованию. Человек принципиально отличается от всех других одушевленных тварей только свободой – свободой воли. Она с древнейших времен считается главным Даром Божиим, сущностью и проявлением духовности. Лишение свободы является несомненным Злом. Тоталитаризм, тоталитарная Система управления государством есть Зло уже потому, что она лишает людей этого государства этого главного Дара. Борьба против тоталитаризма – несомненное Добро. Но здесь требуется большая осторожность, чтобы уже существующий тоталитаризм в своем государстве не заменился тоталитаризмом чужеродным, прикрывающимся либерализмом. Кроме того, к сожалению, лозунги борьбы с государственным тоталитаризмом трансформируются в лозунги борьбы с Отечеством, которое само оказалось опутанным этим же Злом тоталитаризма. Нельзя дискредитировать Отечество, даже оказавшееся под покровом тоталитаризма. Это его беда, а не вина. Дискредитация Отечества нужна только его врагам. Дискредитация составляющих Отечество (разных его служб, в том числе и психиатрии) служит дискредитации всего Отечества.

Поэтому несомненным Злом является дискредитация советской (русской) психиатрии и через это дискредитация Советского Союза (Российской Империи, Российской Федерации) – всего нашего Отечества. Что же породило это Зло хуления Отечества в целом и психиатрии как его института, в частности? Это история многовековая. За последние столетия оно, это Зло, неизменно шло с Запада и продолжает давить до последних дней. В каждый период этой исторической борьбы были свои лидеры нападения и свои сценарии. Во второй половине XX века это были русофобствующие диссиденты, стремящиеся навесить на наше Отечество клеймо «тоталитарное» – якобы тоталитарность это сущность

России, тогда как тоталитарной можно было назвать только большевицкую Систему, захватившую силой и большой кровью Отечество. Такая подмена – несомненное причинение Зла Отечеству.

Изучение Википедий и других материалов Интернета показало, что вполне понятный антагонизм к советской Системе некоторых свободлюбивых диссидентов оказался по разным причинам сопряженным с психиатрией, в том числе и в связи с реальными фактами наличия у них психического заболевания. Однако эти реальные факты игнорировались, числиться психически больным непрестижно, и участие психиатрии в их судьбах оценивалось как политическое злоупотребление психиатрией, которое нарушало гражданские права диссидентов и их право на борьбу с Системой. Поэтому они «были вынуждены» обращаться за помощью в правозащитные организации. По существу это был перевод проблемы в искусственное русло. Якобы политической борьбе диссидентства с Системой стала мешать психиатрия, которую Система начала использовать в своих карательных целях. Правозащитная борьба против «карательной» психиатрии стала магистральным направлением деятельности русофобствующих диссидентов. Они начали использовать свои и международные правозащитные организации для жалоб для, будто их терроризируют путем злоупотребления психиатрией. Это было несомненное очернение Отечества и, соответственно, служение Злу, и в этом вина диссидентов.

Такое положение дел дало мне основание назвать свой труд «Правозащитное» злоупотребление психиатрией».

В поисках ответа на вопрос, как всё это произошло, я построил цепочку: политически преследуемое диссидентство появилось как реакция на тоталитарную Систему с её статьями 70 и 190¹ УК РСФСР, запрещающими критику и осуждение порядков в стране, – не было бы запрета на свободу слова, не было бы и «криминального» диссидентства. Основные активисты диссидентского движения – родственники тех, кто погиб от тоталитарной Системы по различным подпунктам статьи 58 УК РСФСР – не было бы репрессий, не было бы и мстителей за эти репрессии. Принудительное лечение диссидентов с психическими расстройствами – законодательное предписание тоталитарной Системы – не было бы репрессивно-

тоталитарной системы, не было бы таких предписаний. Теоретическое «обоснование» признания диссидентов психически больными и применения к ним принудительного лечения – результат умозрения руководства тоталитарной Системы. Сам тоталитаризм – плод военного переворота октября семнадцатого года и неизменный атрибут существования Системы. Вот мой ответ на вопрос: *«Кто виноват?»*.

Наберусь, однако, смелости продолжить свою цепочку. Если бы не этот переворот октября семнадцатого года, то в Отечестве не осталось бы русского духа. Он был бы поглощён либеральным космополитизмом и погоней за Золотым Тельцом. Таков был социально-нравственный тренд после февраля того же года. Отнюдь не оправдывая репрессии Системы, особенно сталинизма, всё же можно допустить их понимание как своего рода болезненную, но спасительную операцию, во многом предотвратившую нашу духовную гибель и давшую к её спасению «новомучеников в земле Российской просиявших». Теперь мы имеем Россию новую, свободную, очищенную и от тоталитаризма и от низкопоклонства, хотя еще не полностью отмытую от русофобства.

Категорически отрицая «факты» картельной практики советской психиатрии, якобы исходящей от злого умысла самих психиатров, я, конечно, должен обобщить имевшиеся злоупотребления Системы психиатрией.

Эти злоупотребления начались одновременно с установлением Большого Трора в середине 30-ых годов. Система обнаружила, что психиатрия мешает проводить намеченную политическую линию. Вместе с запретом концепции мягкой шизофрении, а также разработок положений об «ограниченной вменяемости», были репрессированы психиатры, авторы этих концепций и разработок. Несомненным злоупотреблением психиатрией было установление законодательного предписания определять принудительное лечение в специальных больницах МВД психически больных только по факту обвинения по «политическим статьям» вне зависимости от тяжести психического состояния. Это было явным насилием над психиатрией, для которой традиционным приоритетом в данном вопросе всегда были психопатологические критерии. Явным злоупотреблением было навязывание психиатрии ущербной методологической

основы, не допускающей, что человек – это триединство с приматом духовного в его социальном поведении. Такая ущербность закрывала понимание, что диссидентство идет не от психопатологии, а от нравственной составляющей личности, и поэтому медикаментозное лечение здесь неграмотно и неприменимо. И, наконец, последним злоупотреблением являются факты так называемых директивных стационаризований больных на периоды проведения политических мероприятий в стране.

Как написал в своем анализе один из столпов диссидентства В. Буковский, давление на психиатрию было, и это «не случайность, не прихоть исполнителя, а политика Политбюро, без чьей воли ни один волос не мог упасть с наших голов». Вместе с тем, имевшее место в годы советской власти давление на психиатрию совсем не свидетельствуют о таких императивах в принятии конкретных экспертных решений, форм и методов лечения, которые нельзя было бы обойти. Многие зависело от устойчивости к этому давлению непосредственных исполнителей – врачей-психиатров. Могу с полным основанием сказать, что психиатрия сама оказалась жертвой Системы, а не её пособницей. Более того, является фактом то, что находясь 70 лет под репрессивным покровом большевизма, она не прогнулась, не потеряла традиционно высокий и подлинный гуманизм.

«Что делать?» В данном клинико-политическом Представлении, посвященном защите чести и достоинства отечественной психиатрии, я призываю своих коллег-психиатров сосредоточиться и буквально шаг за шагом опровергать одну клевету за другой, доведя дело до конца. А затем как можно публичнее показать эти разоблачения своему и зарубежному общественному мнению. Вся информация, поддерживающая до сих пор клеветнические мифы, следует обозначить как заведомо деструктивно-пропагандистскую. Необходимо иметь какой-то легитимный механизм, который позволил бы убирать из Интернета такие мифы. И в первую очередь те, которые непосредственно унижают конкретных врачей, например, представленных в «Черном списке» карателей-психиатров А. Подрабиника, чьи «преступления не забудутся никогда, и все причастные к ним будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно». Такой в прямом смысле слова грязи в Интернет много.

Полагаю, что под эгидой Российского общества психиатров должен быть создан специальный совет, который определял бы, какие публикации Интернета являются ложными, деструктивными, причиняющими ущерб гуманизму, а затем обращался бы к руководству международной информационной сети с просьбой их удалить. Если не получится с удалением, то, по крайней мере, необходимо поставить вопрос о том, чтобы обязательно рядом с такой информацией публиковалась контринформация или полноценные комментарии к ней.

Восстановление истины, реабилитация чести достойных светлой памяти коллег-психиатров и имиджа Российской психиатрии является само по себе самым достойным долгом современников.

Заканчивая аналитическую часть своих размышлений, у меня сложилось следующее убеждение, основанное на изученных документах. Не надо демонизировать всех подряд работников советской прокуратуры и следствия и даже КГБ, и уж, конечно, всех советских психиатров. Не надо демонизировать и диссидентов и других «антисоветчиков». И там, и там были действительно темные, аморальные личности, но и там, и там были честные люди, которые не совершали сделок со своей совестью, искренне верили, что своей делом и жизнью они несут добро и пользу Отечеству. Такое понимание смысла своей жизни – это то общее, что должно примирять и тех и других. Именно делание блага (пусть и субъективного) для Отечества и заставляет быть терпимыми, более того, милосердными к тем, кто своим, отличным от нашего, путем шел к этому благу. Демонизировать нужно только те силы, которые подвели Отечество к трагедии 1917 года, создали карательно-репрессивную большевицкую Систему, тотально, на 70 лет накрывшую его своей пеленой лжи и двойных стандартов.

Послесловие

Я рад, что основное успел написать. Только что я ещё раз перечитал «Безумную психиатрию» Прокопенко, те ее разделы, которые касаются событий вокруг VI Конгресса Всемирной ассоциации психиатров 1977 года в Гонолулу. Как же была извращена реальность, какая же была согласованная и всемирно организованная клевета на советскую психиатрию. Невольно возникают аналогии

с сегодняшней «агрессией» России на Украине и её вмешательством в выборные процессы стран западной «демократии». То, что я написал – результат того, в чем я сам хотел разобраться, разобраться в первую очередь для себя. Начиная эту работу на фоне неудержимой антироссийской пропаганды, я всё больше убеждался, что психиатрия это особая сфера, которая сопричастна к таким понятиям как свобода совести и воли человека, а также честь и достоинство Отечества. Защищая свою психиатрию, я защищал своё Отечество.

Закончив своё «клинико-политическое представление», мне с грустью подумалось: «Бедная моя психиатрия: сначала ей злоупотребляла «социалистическая» Система тоталитаризма, а теперь вот «правозащитная» Система либерализма».

P.S. Представленный труд достаточно эмоционален – я начал с возмущения беспардонной клеветой наших «правозащитников», злоупотребляющих психиатрией. В процессе работы над этим текстом я, чтобы не быть голословным, изучил многие писания авторов из этой плеяды. Моё возмущение по мере знакомства с этими авторами только возрастало. Поэтому я позволяю себе закончить свою публикацию словами главного героя из диссидентской книги В.Я. Тарсиса «Палата № 7»: "Если бы все морды соединить в одну морду, я бы дал этой морде по морде". Хотелось бы надеяться, что я соединил этих «правозащитных» хулителей отечественной психиатрии в одну морду, и что мой труд будет таким ударом по морде этого сборища.

ключевые слова: психиатрия, судебная, карательная, злоупотребления, правозащитники тоталитарная система, диссиденты, большевизм, террор, секты, судебная экспертиза, история, кондратьев, подрабинек